

С.Н. АСТАХОВ

ПАЛЕОЛИТ ЕНИСЕЯ

**ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ
НА АФОНТОВОЙ ГОРЕ
В Г.КРАСНОЯРСКЕ**

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE MATERIAL CULTURE
HISTORY

S.N.ASTAKHOV

THE PALAEOOLITHIC OF ENISEY

THE PALAEOOLITHIC SITES OF AFONTOVA GORA
LOCALITY IN KRASNOYARSK

«Evropeyskiy Dom»

Saint-Petersburg
1999

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

С.Н. АСТАХОВ

ПАЛЕОЛИТ ЕНИСЕЯ

*

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ НА
АФОНТОВОЙ ГОРЕ В Г.КРАСНОЯРСКЕ

«Европейский Дом»

Санкт-Петербург
1999

С.Н. Астахов. Палеолит Енисея. Палеолитические стоянки на Афонтовой горе в г. Красноярске. — СПб.: Издательство «Европейский Дом». — 1999 — 207 стр.

Монография содержит полную публикацию итогов более чем столетних исследований стоянок на Афонтовой горе в г. Красноярске. Приведена история открытий и процесса раскопок, данные по геологии, стратиграфии, фауне, каменному и костяному инвентарю, относительной и абсолютной хронологии стоянок Афонтова I-V. Опубликовано много неизвестных фотодокументов и авторских таблиц инвентаря. Имеется резюме на английском языке, также как и список иллюстраций. Есть приложение с указанием мест хранения коллекций каждой стоянки. Издание рассчитано на археологов, геологов, краеведов и историков.

*Печатается при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (97-01-16396)*

ISBN — 5-8015-0058-8

© С.Н. Астахов, 1999
© Институт истории материальной культуры РАН, 1999
© Издательство «Европейский Дом», 1999

ВВЕДЕНИЕ.

Одним из важнейших достижений российской исторической науки в области изучения прошлого народов Сибири является систематическое исследование начального этапа заселения Сибири человеком и археологических культур позднего палеолита. На фоне этих достижений исследования пионеров палеолитоведения выглядят скромно. Однако роль их изысканий велика, а коллекции, добытые ими, уникальны. В числе наиболее важных памятников сибирского палеолита видное место принадлежит поселениям на Афонтовой Горе у Красноярска. Они стали известны еще в конце XIX века и с тех пор неизменно привлекают внимание ученых, работающих в области каменного века. По существу, это были первые научно исследованные памятники палеолита Северной Азии, оказавшиеся в поле зрения тех, кто изучал древнейшее прошлое человечества.

По методике раскопок и глубине анализа в тридцатых годах исследование стоянок на Афонтовой Горе находилось на уровне передовых достижений мировой науки. С самого начала эти исследования отличались тем, что, кроме археологов, в них приняли участие представители других наук. Благодаря плодотворному сотрудничеству ученых была создана первая периодизация палеолита Енисея, увязанная с четвертичной геологией и геоморфологией.

В связи с накоплением нового материала в шестидесятые годы, в частности в связи со строительством Красноярской ГЭС, с особой остротой встали вопросы региональных особенностей, культурных связей и хронологии сибирского палеолита в целом; появился ряд исследований, в которых так или иначе затрагивались эти проблемы. Но такое существенное расширение проблематики еще больше стимулировало внимание к Афонтовой Горе, поскольку именно эти памятники явились в свое время исходными для понимания особенностей сибирского палеолита и в известной мере были эталонами.

Однако по ряду обстоятельств авторы исследований стоянок на Афонтовой Горе не смогли монографически опубликовать результаты своих трудов. Отдельные издания давно стали библиографической редкостью и практически недоступны. Коллекции были рассеяны по нескольким музеям, полевая документация сохранилась фрагментарно. Именно поэтому А.П.Окладников предложил автору обобщить все материалы и создать полную сводку, что и было сделано в 1966 году (Астахов, 1966б) в виде диссертации.

При этом пришлось преодолеть множество трудностей. Прежде всего, коллекции из стоянок на Афонтовой Горе хранятся в разных музеях и частично погибли. Наиболее массовые находки – отщепы и пластины – были тогда недоступны. Документация полевых исследований недостаточна. Утеряна часть материалов, относящихся к работам И.Т.Савенкова в 80-х годах прошлого века и его раскопкам в 1914 году, а также и часть материалов исследований 1924-1930 гг.

Необходимо было поэтому сначала изучить все сохранившиеся документы по Афонтовой Горе, начиная с 80-х годов прошлого века. Автору удалось путем детального анализа восстановить полевую документацию по работам И.Т.Савенкова на Афонтовой Горе и в других пунктах.

Были использованы архивные материалы Музея Антропологии и Этнографии РАН, архива ИИМК РАН, архива Минусинского музея им.Мартьянова. Особенную ценность представляют дела из личного архива Н.К.Ауэрбаха, хранившегося у З.П.Ауэрбах, которая любезно и отзывчиво предоставила все материалы. Среди них наиболее важными оказались подлинные дневники раскопок Афонтовой Горы II и III. Кроме архивных документов, были использованы все опубликованные работы, касающиеся стоянок на Афонтовой Горе, а также коллекции, начиная с 1884 года. Эти коллекции хранятся в Красноярском краеведческом музее, Минусинском музее, Музее НИ института Антропологии при МГУ, в Музее Антропологии и Этнографии РАН, в Государственном Эрмитаже и Тувинском Республиканском краеведческом музее (Подробные данные с номерами коллекций приведены в приложении). В работе над данной темой существенное значение имели собственные наблюдения автора на Афонтовой Горе, совместная работа с геологами на обнажении Афонтова Гора II, а также раскопки позднепалеолитических стоянок в Саянах и исследования в Туве вплоть до границы с Монголией.

Все это вместе взятое позволило дать общую картину истории исследования палеолитических стоянок на Афонтовой Горе, наиболее детальную характеристику всех комплексов этих поселений, стратиграфию и хронологию памятников Афонтовой Горы и высказать предположения о генезисе афонтовского варианта позднего палеолита Енисея. Однако вся проделанная работа хранилась в виде рукописи диссертации.

При написании работы автор опирался на постоянную и доброжелательную помощь всех сотрудников Отдела палеолита ИИМК РАН. Неоценимо было влияние академика А.П.Окладникова – его энергия поддерживала автора в его изысканиях. Ценные сведения, советы и критика были получены от непосредственных исследователей стоянок на Афонтовой Горе – М.П.Грязнова и В.И.Громова, много полезных советов было дано А.Д.Столяром и В.В.Федоровым. Всем им автор искренне благодарен.

Так прошло много лет. Автор предпринимал несколько попыток опубликовать работу, но в те годы это было почти невозможно. В определенной мере результаты проделанного использовались и другими археологами. Вошло в употребление наименование афонтовская культура, принята хронология стоянок. Однако введение в оборот новых материалов по палеолиту Енисея и разработки последних лет настоятельно требуют полного осещения всех данных по афонтовским памятникам. Сложилась парадоксальная ситуация – более сотни лет на стоянки Афонтовой Горы ссылаются десятки археологов, как русских, так и иностранных, особенно американских, как на эталонный памятник сибирского палеолита, а полного издания всех материалов нет до сих пор. Новых работ почти не проводилось до 1992 года, когда Н.И. Дроздов вскрыл часть нижнего слоя Афонтовой II, показанного участникам симпозиума “Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке”. Через два года бельгийский геолог Р. Хаесаерс изучал разрез нового раскопа с участием Н.И. Дроздова и консультацией автора. Результаты новых определений возраста по образцам, взятым тогда, стали известно совсем недавно (F. Damblon, P. Haesaerts and Van Der Plicht, 1996, p. 230), археологический материал готовится к печати в лаборатории Н.И. Дроздова и будет хорошим дополнением к старым собраниям. Не потеряна надежда найти массовые находки (отщепы, некоторые типы изделий и др.), из-за их “невыразительности” не привлечшими внимание в те годы. О такой возможности говорит недавнее открытие в фондах Красноярского краеведческого музея большой коллекции из раскопок двадцатых годов Е.В. Акимовой (Акимова, 1992б, с. 59-64). Необходимость настоящей публикации очевидна и была поддержана руководством Российского Гуманитарного Научного Фонда, благодаря чему и осуществляется.

ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НА АФОНТОВОЙ ГОРЕ.

История открытия и первоначального исследования стоянок на Афонтовой Горе во многом отражает общие процессы археологического изучения Сибири и может быть лучше воспринята на фоне первых открытий, накопления фактов и зарождения представлений о первобытном прошлом Северной Азии. В своих трудах В.Е.Ларичев очень полно осветил многие страницы истории разработки проблем палеолита (Ларичев, 1969, 1972).

История этих открытий, зарождения идей и теорий полна неожиданностей, поворотов от одних гипотез к другим, несправедливому забвению когда-то сенсационных открытий. Поражает при этом следующее – несмотря на колоссальные просторы и необычайно малое число исследователей, наиболее существенные открытия были сделаны в Сибири иногда раньше, чем в Европейской России. Существенно, что новые факты были правильно осмыслены.

Одним из обстоятельств, обусловивших возможность широких и блистательных открытий конца 19 и начала 20 веков, было то, что культурные и научные центры, возникавшие в Сибири, в определенной степени совпадали с наиболее удобной, наиболее приспособленной для жизни зоной, широко заселенной уже в палеолитическое время.

Одним из таких центров был старинный русский город Красноярск на р.Енисее.

Енисей – водный путь, соединяющий как север и юг Сибири, так и Прибайкалье с западом. Значение его как связующей магистрали огромно, начиная с самых первых шагов человека в Северной Азии. Связям между общинами способствовали многочисленные притоки Енисея, долины которых были естественными путями в древности.

Далеко не все следы былой жизни дошли до нас, и чем древнее эти следы, тем менее заметны они.

Отдельные интересные факты, относящиеся к начальным этапам изучения каменного века Сибири, собраны А.П. Окладниковым и опубликованы в работе “Неолит и бронзовый век

Прибайкалья” (Окладников, 1950, с.13-50). Ряд таких исследователей, как С.Ремезов, Спафарий, Витзен, Страленберг, Мессершмидт, Миллер, Гмелин, Лаплас собрали много данных, послуживших А.Н.Радищеву отправным толчком для развития его взглядов на древнюю историю сибирских народов. Радищев смог создать периодизацию истории Сибири, основанную на подразделении ее на три века – железный, медный и каменный. Несколько позднее, в начале XIX века другой исследователь Сибири, М.М.Геденштром, пришел к тем же выводам о наличии в Сибири самостоятельного каменного века. Он же дал самые обстоятельные сведения о находках каменных орудий на территории Сибири. Так началось изучение каменного века Сибири.

В XIX веке основную роль в исследовании каменного века сыграли любители редкостей, собиратели древностей, обычно не имевшие специальной подготовки. Любопытную фигуру представлял собой первый генерал-губернатор Енисейской губернии А. Степанов, адъютант Суворова, неугомонный путешественник и собиратель раритетов. В начале XIX в. число коллекционеров растет, однако, в силу известных трудностей, дело археологического изучения “...продвигалось напряженнейшими усилиями немногочисленных исследователей, вышедших из среды служилой интеллигенции” (Ауэрбах, 1929, с.165). Усилия этих энтузиастов позднее были объединены краеведческими организациями.

На Енисее, в Красноярске, с 1860 г. работал горный инженер И.А.Лопатин. В архиве И.Т.Савенкова (Минусинский музей) есть копия описания части археологических находок И.А. Лопатина, которая показывает, насколько серьезно и для того времени достаточно научно И.Лопатин подходил к археологии. Но в его материалах не отмечены палеолитические находки. В то время господствовало мнение, что Сибирь не могла быть заселена в четвертичном периоде. Поэтому красноярские краеведы, собирая кости мамонта и других животных в разрезах Афонтовой Горы, где с пятидесятих годов развернулось строительство кирпичных заводов, по-видимому, не обращали внимания на расколотые гальки и камни.

В 70-е годы в Красноярске появился будущий замечательный исследователь палеолита Енисея Иван Тимофеевич Савенков. И.Т.Савенков родился в 1846 г. в г. Мариуполе, но его родители часто переезжали. В 1865 году он закончил иркутскую гимназию, а в 1870 г. со степенью кандидата окончил естественное отделение (разряд) физико-математического факультета Петербургского университета. Получив назначение по собственному желанию в Красноярскую гимназию, он прибыл туда в июне 1871 г. (Формулярный список о службе инспектора училища города Варшавы, Статского Советника Ивана Савенкова. Копия. Архив Н.К.Ауэрбаха, Красноярск). В 1873 г. был назначен директором гимназии. Преподавая естествознание, И.Т.Савенков ходил с учениками на

экскурский. Некоторые из его учеников впоследствии не прекращали краеведческой работы, например, А.П.Мостиц, открывший на р.Селенге ряд стоянок (Ауэрбах, 1929, с.168).

Иван Тимофеевич, по свидетельству современников, был разносторонним человеком. Трудно определить, когда И.Т.Савенков начал заниматься археологией. Во всяком случае, в 1872 г. он уже интересовался ею, т.к. писал: "В самом городе Красноярске по берегу Енисея, за городским садом было поднято несколько наконечников стрел, ножевидных осколков и других предметов, но они были сочтены случайными находками. И.А.Лопатин тогда еще (1872 г. – А.С.) говорил мне, что ему доставляют наконечники стрел и другие предметы каменного века..." (Савенков, "Предварительный отчет об археологических исследованиях в Енисейской губернии летом 1884 г". Рукопись, архив Савенкова в Минусинском музее, д.112). Н.К.Ауэрбах пишет, что "к краеведческой работе И.Т. приступил не раньше конца 70-х, начала 80-х годов" (Ауэрбах, 1929, с.168). Постепенно интерес к археологии становится основным его увлечением, особенно после 1883 года, когда было раскопано погребение в Базаихе с великолепными костяными орудиями и украшениями; это был "окончательный толчок к изысканиям каменного века", как он писал в отчете 1884 г. (Рукопись, архив Минусинского музея, дело 112).

В 1884 г. И.Т.Савенков избирается действительным членом Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества и весной того же года получает 100 рублей на исследование стоянок и писаниц по р.Мане, Тубе и Енисею. Им были сделаны знаменательные открытия на Енисее позднепалеолитических стоянок у с.Лодейки и на Афонтовой Горе. "В конце лета (18 июля 1884 г. – А.С.) были подняты в глубокой и обширной промоине близ села Лодейского большие кости и обломки их, несомненно принадлежащие вымершим животным (мамонту? и быку). Некоторые кости имели такой излом, который, нам казалось, мог служить для определения человека. Правильно ли было мое заключение об изломах костей, решит будущее. Собирая эти кости, большинство которых принадлежит одному животному, нам пришлось поднять несколько орудий палеолитического типа. Величина, резко отличная от неолитических орудий форма, грубая оббивка, языковидность общего очертания, оббивка единственная на некоторых орудиях с одной стороны, следы подправки отбивных граней на некоторых орудиях – все указывало на существование эпохи каменного века более древней, чем та, с которой приходилось иметь дело ранее. Невольно вспоминались типы орудий С.Ашель и Мустье.

Палеолитический век по Енисею давно был заветною мечтою, но смутное вещественное указание на эпоху поразило нас неожиданностью.

Хотя нам было хорошо известно об открытых стоянках палеолитической эпохи в России и в Сибири (Черский), но почему то в отношении здешних мест мы держались пещерных стоянок... Наше намерение добыть доказательства палеолитической эпохи по Енисею в пещерах береговых скал и разлогах гор вместе с костями мамонта пришлось оставить и обследовать ближайшие от города места, известные находками костей мамонта” (Савенков, “Предварительный отчет об археологических исследованиях в Енисейской губернии летом 1884 г”. Рукопись, архив Савенкова в Минусинском музее, д.112). И.Т.Савенков начал обследовать разрезы кирпичных сараев у подножия Афонтовой Горы. Владелец самого крупного из них, инженер-технолог В.И.Плотников, сообщил ему о находках костей и “странных камней” в кирпичной глине (Ауэрбах, 1929, с.172). Осматривая разрезы, спрашивая рабочих, И.Т.Савенков пытался найти подтверждение своей гипотезе. Интересно, что еще 30 июля 1884 г. он нашел “нож с желобком” – обычный костяной наконечник, но вначале, вполне естественно, не отнес его к палеолитическим орудиям.

Вначале осмотр Афонтовой Горы не дал результатов, несмотря на настойчивость Ивана Тимофеевича. “Костей мамонта и других животных собрано очень значительное количество, многие кости добыты при нас, ... но везде во всех сараях (кирпичных – А.С.) от всех рабочих на вопрос: не добывали ли с костями мамонта камней или обломков, мы везде получали отрицательный ответ... Оказалось, что рабочие ввели меня в заблуждение, они думали, что мне нужны какие-либо особые камни, а не те простые, никуда не нужные, по их мнению, негодные камни и осколки... Через несколько дней в свежем борте, от которого при нас был сделан отвал, замечено было и взято *in situ* довольно крупное и грубо оббитое орудие, напоминающее во многом орудия Мустье” (Савенков, “Предварительный отчет об археологических исследованиях в Енисейской губернии летом 1884 г”. Рукопись, архив Савенкова в Минусинском музее, д.112 и Ауэрбах, 1929, с.172). Это произошло 3 августа 1884 г. Орудие (колл.МАЗ 281, № 1) взято в разрезе Песегова, недалеко от пороховых погребов. Позднее эта часть склона была отнесена Н.К.Ауэрбахом и Г.П.Сосновским к Афонтовой Горе I. В течение последующих дней Савенков нашел целую серию орудий и отщепов во всех разрезах у подошвы горы. Эти места теперь известны в литературе под названиями Афонтова I, III и IV. Но кроме этих пунктов, названных так Н.К. Ауэрбахом, Г.П.Сосновским и В.И.Громовым, Савенков нашел орудия в Ивановском логу, у правого приустьевое участка Иваныхина лога и между участками Афонтова II и Афонтова III.

И.Т.Савенков понимал важность сделанного им открытия, но, как всякий добросовестный ученый, искал новых подтверждений палеолитическому возрасту обнаруженных древностей. Он четко отделяет выкопанные орудия от подъемных, сопоставляет их с

находимой совместно фауной, проверяет себя много раз, прежде чем делает записи уже в утвердительной форме.

Первое упоминание в печати о находках палеолита на Афонтовой Горе он поместил в отчете ва 1885 г. (Савенков, 1886, с.35). С этого времени увлечение археологией переходит в серьезное постоянное занятие. Иван Тимофеевич хорошо знал геологию и палеонтологию. И.Т.Савенков достает новую археологическую литературу, делает выписки, составляет библиографию и т.д. Он писал впоследствии: “Жалею, особенно теперь, после конгресса, что не все годы занимался археологией – я начал отдавать часы досуга первобытной археологии с 1885 г.” (Черновик письма И.Савенкова Де-Баю, около 1893 г., архив Савенкова в Минусинском музее).

Изумительное трудолюбие, энергия и талант выдвинули Ивана Тимофеевича в ряды лучших исследователей палеолита. Он первый понял, что к сибирскому палеолиту нельзя подходить с европейской меркой, и придавал большое значение геологии. К сожалению, сотрудничество с Восточно-Сибирским отделом Русского Географического Общества быстро прекратилось, вследствие чего раскопки на Афонтовой Горе были произведены лишь через тридцать лет после открытия стоянки. Все работы по изучению Среднего Енисея И.Т.Савенков был вынужден производить без помощи ВСОРГО, на свои в общем достаточно скромные средства. Поэтому он только коллекционировал изделия, фиксировал находки, чертил планы, карты, разрезы и вел интенсивную разведку. Он составил совместно с Н.И.Тропининым археологическую карту, включающую Енисей с притоками от Минусинска до Красноярска.

Большинство стоянок, открытых позднее Г.Мергартом и Г.П. Сосновским, на этой карте обозначены либо как памятники каменного века, либо как находки фауны. Интересен план Афонтовой Горы, составленный Иваном Тимофеевичем в 1886 г. На этом плане он нанес разрезы для добывания глины. Это позволило автору увязать часть его коллекций с отдельными пунктами Афонтовой Горы. Савенков придавал большое значение геологической документации, в его архиве есть археологическая карта окрестностей Красноярска с чертежами разрезов через Афонтову Гору. Очевидно, имелось еще много документов такого рода, но они до нас не дошли. Все это говорит о высоком уровне исследования. Не удивительно, что и результаты были удивительны по важности, но, как это часто случается, долго не были оценены по достоинству.

В 1886-1892 гг. Иван Тимофеевич подготавливает научные публикации по палеолиту у Красноярска. Это работы “О палеолитической эпохе в окрестностях Красноярска” (Савенков, 1892б) и “Предварительный геологический очерк долины реки Енисея и ближайших окрестностей г.Красноярска” (Савенков, 1892ба). В них он убедительно доказывает, что кости и

обработанные камни залегают *in situ* в эоловом лессе, что кости мамонта расколоты рукой человека, его современника, охотившегося на оленей и мамонтов у протоки древней р.Качи, впадающей в Енисей на месте современного железнодорожного моста. Кроме изданных работ, И.Т.Савенков оставил незавершенные рукописи этого времени. Очень интересна работа “Палеолитическая эпоха. Продолжение к палеолитической эпохе (к статье по остеологии постплиоценового периода) 1-15 1887” (Архив Савенкова в Минусинском музее), В этой рукописи в сжатом виде приведены также и доказательства одновременности существования мамонта и палеолитического человека.

Интересно, что уже в то время он говорит о необходимости подсчета числа экземпляров каждого вида животного, а не только числа костей, и обращает внимание на необходимость учитывать видовой состав фауны при датировании стоянок.

Во всех этих работах, набросках и записях перед нами встает образ уже сложившегося талантливое ученого-археолога. Таким он и предстал перед участниками II Международного Археологического Конгресса в 1892 г. в Москве. В докладе (Savenkov, 1892) он говорил как о палеолите, так и неолите, но доклад прошел почти незамеченным, и лишь восторженный отзыв Де-Бая возбудил к нему интерес (Отголоски конгресса, 1892, с.2).

Барон Де-Бай, вернувшись во Францию, сделал доклад в Академии о находках И.Савенкова, позднее специально приезжал в Красноярск и совместно с Волковым опубликовал еще одну статью (Baye et Volkov, 1899).

Стремясь сохранить палеолитические коллекции в одном месте, И.Т.Савенков передает их в Петербург, в Академию Наук. Позднее, в годы работы его в Музее антропологии и этнографии, он частично обработал свои материалы.

После 1892 г., будучи далеко от Енисея, поскольку его срочно перевели инспектором народных училищ в Варшаву, И.Т.Савенков все же продолжает усиленно заниматься археологией. Общее широкое естественное образование, знание четвертичной геологии, а И.Т.Савенков, в сущности, был первым геологом, работавшим в Красноярске по изучению четвертичных отложений, палеонтологии, этнографии, не заслонило ему понимания важности изучения археологического материала. С горечью писал он слова, сохраняющие свое значение и в наше время: “Потерять археологу независимость в области первобытной археологии очень тяжело, а еще тяжелее всецело подчиниться геологам... и еще труднее терпеливо ждать, пока несколько поколений ученых геологов в течение многих десятков лет будут подходить к решению частных и общих вопросов о природе – климате, фауне и флоре Азии в потретичное время.” (И.Савенков. Материалы по изучению долины среднего течения р.Енисея, 1896 г. Рукопись, архив Савенкова в Минусинском музее, №134). И.Т.Савенков после встречи с Де-Баем

на конгрессе стал вести с ним переписку. Де-Бая очень интересовала Афонтова Гора, о которой он сделал сообщение в Париже в 1893 г. Этот доклад был издан им в 1894 г. (Baye, 1894, p.7-11) с приложением фотокопий орудий Афонтовой Горы, Ладеек и фигурок из Базаихи. Но Де-Бай этим не ограничился и в 1896 г. предпринял специальную поездку в Красноярск, где осмотрел Афонтову Гору и стоянку у Ладеек, о которой поместил сообщение в 1899 г. Очевидно, Обермайер был введен в заблуждение этим сообщением, т.к. писал, что Де-Бай и Волков в 1893 г. нашли серию “ручных топоров” под Красноярском близ Афонтовой (Обермайер, 1913,с.196).

В 1907 г. И.Т.Савенков возвращается в Сибирь, где работает директором Минусинского музея. В это время в Красноярске уже был музей, созданный в 1889 г. Но долгие годы его сотрудники могли лишь собирать материал, не имея денег на раскопки. После 1900 г. музей был передан Средне-Сибирскому отделу РГО, что несколько оживило работу археологов. Начали вести систематические сборы материалов А.Я.Тугаринов, А.Н.Соболев, А.П. Ермолаев и С.М.Сергеев на стоянках каменного века вокруг Красноярска, затем далее по Енисею (южнее Красноярска – до Означенной) и в других местах. В 1911 г. А.Я.Тугаринов и А.П.Ермолаев нашли в выемках кирпичных сараев стоянку “Военный городок”, на которой собрали хорошую коллекцию костяных и каменных орудий, изданную Г.Мергартом. В 1912 г. С.М.Сергеев нашел стоянку Переселенческий пункт (правда, отдельные находки с этого места были сделаны Савенковым еще в восьмидесятые годы). В это же время ученик гимназии В.И.Громов начал свои первые сборы на Афонтовой Горе (1912-1913 гг.). Впоследствии его коллекция через С.М.Сергеева поступила в Красноярский музей (Ауэрбах, 1930,с.12).

А И.Т.Савенков в это время (1912-1914) работал в Петербурге в музее Антропологии и этнографии. Он обрабатывал свои енисейские коллекции и часть их выставил в отделе Археологии. Одновременно он задумал обширную экспедицию, средства на которую давал Русский комитет по изучению Средней и Восточной Азии. Свою программу Савенков начал с раскопок на Афонтовой Горе. Ему нужно было восстановить в памяти места, которые изменились за 30 лет. Старые записи, а также владельцы кирпичных сараев, особенно Романов, помогли ему восстановить расположение разрезов, в которых он ранее собирал материалы.

Савенков заложил несколько раскопов. Наиболее дальний из них – №1 – находился на склоне горы. Остальные 5 раскопов были на месте наиболее богатых карьеров Романова, Семенова и Викулова (левая приустьевая часть Иванихина лога, территория Нефтесклада, или “Нобель” в те годы).

Для своего времени раскопки производились методически на высоком научном уровне, на большой площади. Кроме закладки

раскопов, производилась шурфовка и зачистка обнажений в других местах. К сожалению, около дачи Юдина, где позднее была обнаружена стоянка Афонтова Гора II, Савенков не нашел слоя, хотя им были предприняты специальные разведки.

Настойчивость Савенкова в обследовании именно этого участка объясняется тем, что в 80-х годах он находил каменные и костяные орудия в разрезах Дорошенко и Синявина, прилегающих с севера к Афонтовой Горе II.

Основные усилия были направлены на раскопки стоянки во дворе Нефтесклада (позднее – Афонтова III), и все материалы 1914 г. относятся к этой стоянке, и эта коллекция – одна из самых крупных и наилучше сохранившихся коллекций Афонтовой Горы. Кроме изделий были найдены 2 зуба человека.

Интересна была система фиксации находок, которая позволила восстановить распространение их по площади с точностью до 1 кв.м и по глубине с точностью до 0,25 м, а также форму и размеры раскопов (Астахов, 1997, с.77-79).

Преждевременная смерть 1 сентября 1914 г. помешала И.Т. Савенкову обработать и опубликовать коллекцию. Отчет не был им окончен. Краткий отчет был составлен его сыном, принимавшим участие в раскопках. Впервые выдержки из отчета были опубликованы в 1930 г. (Ауэрбах, 1930). По-видимому, это и послужило причиной недооценки итогов раскопок И.Т.Савенкова (Петри, 1922, с.1-13). К сожалению, его чертежи и зарисовки до нас не дошли, но процесс раскопок и раскопы хорошо зафиксированы фотографиями, негативы которых хранятся в МАЭ. В 1916 г. в “Сибирской летописи” начала печататься работа И.Т.Савенкова об Афонтовой Горе, составленная по старым материалам, но вышел всего один номер. (Савенков, 1916, с.247-257). Судя по этому отрывку и высказываниям его сына, Иван Тимофеевич считал подножие Афонтовой Горы (Афонтова I и III) не поселением, а местом охоты на мамонтов и оленей. По его мнению, тут было топкое место, куда загоняли стада животных. Исходя из этого, И.Т.Савенков предполагал, что постоянное стойбище располагалось где-то дальше. Интересно, что такой пункт он нашел, как ему казалось, в Иванихином логу (позднее работы Г.П. Сосновского не подтвердили эту гипотезу).

В годы империалистической войны и революции работа археологов затормозилась. Процветало лишь собирательство. В Красноярске С.М.Сергеев и В.И.Громов вели сборы орудий на Афонтовой Горе, которая быстро разрушалась и застраивалась.

После революции и гражданской войны археологическая работа в Сибири несколько оживилась. Археологические исследования становились более систематическими и широкими по масштабу работ и охватываемой территории.

В 1919-1920 гг. в Красноярске начала работу группа ученых, на несколько лет определившая основное направление в изучении

палеолита Енисея как комплексное изучение геологии, фауны, климата, бытовых особенностей стоянок первобытного человека и его орудий. В эту группу входили Г.П.Сосновский, Н.К.Ауэрбах и В.И.Громов. В первые два года в этой работе принимал участие Г.Мергарт, австрийский археолог, попавший в Красноярск как военнопленный, и после четырех лет лагерей устроенный реставратором в музей (Мартынов, 1992, с.21-24). Летом 1918 г. Г.П.Сосновский, Н.К.Ауэрбах и В.И.Громов раскапывали небольшие участки Афонтовой Горы II, позднее обозначенные № 1, 3 и 4.

В 1920 г. была произведена первая детальная разведка берегов Енисея, начиная от Саян, южнее Минусинска, и до Енисейска, небольшого городка севернее Красноярска. В ней, наряду с Г.Мергартом, принял участие Г.П.Сосновский. В результате ими были открыты стоянки у Бузуновой, Лепешкиной, Аешки и Кокоревой, и на некоторых из них были сделаны небольшие раскопки.

Мергарт много работал над коллекциями Красноярского музея, обследовал стоянки у Красноярска, в том числе "Второй коровий лог" и Ладейки. В результате этого в 1922 г. им была опубликована первая сводная работа по палеолиту Енисея (Merhart, 1922).

Мергарт вернулся в Австрию в 1921 г., а на следующий год вышла небольшая работа Б.Э.Петри "Первые следы доисторического человека в Сибири" (Петри, 1922), где он дает сводку - обзор палеолита Сибири по данным 1921 г. Енисейский палеолит Б.Петри описывает по рукописи Г.П.Сосновского. Афонтову Гору он, как и Мергарт, датирует мадленом.

С 1923 г. изучение каменного века в Красноярском крае приобретает систематический характер. "Несколько ранее в Географическом Обществе был поднят вопрос о раскопках Афонтовой Горы, и, ввиду отсутствия средств, было предложено приступить к организации экскурсий учащихся, чтобы с помощью молодежи сделать более детальные разведки этой стоянки". (Ауэрбах, Сосновский, 1925, с.4).

В мае 1923 г. к Н.К.Ауэрбаху и В.И.Громову приехал из Иркутска Г.П.Сосновский. Работая совместно, они нашли обнаженный культурный слой на Афонтовой II. Это стало возможным благодаря тому, что часть склона была снята железнодорожной выемкой, и землекопные работы как раз случайно были приостановлены. К осени было вскрыто 38 кв.м стоянки на участке, названном участок № 2 (Ауэрбах, Сосновский, 1924). Сенсационной находкой были кости человека - обломок плечевой и лучевой костей.

Тем же летом Г.П.Сосновский по поручению Музея Приенисейского края произвел разведку берегов Енисея с небольшими разведочными раскопками в ряде пунктов. В результате этих работ он пришел к важному выводу, что все

найденные стоянки Енисея принадлежат к одной и той же культуре, что и Афонтова Гора (Сосновский, 1924, с.6).

Осенью 1923 г. в Красноярске был организован школьный археологический кружок, переименованный в 1924 г. в кружок им.И.Т.Савенкова. Летом того же 1924 г. его члены принимали участие в раскопках Афонтовой II, а также в обработке материалов. В 1924 г. на раскопках Афонтовой Горы побывал В.А.Городцов. Кроме Афонтовой, он осмотрел также Верхоленскую Гору в Иркутске. Несомненно, что его положительный отзыв о работах и необходимости широкого изучения Афонтовой Горы облегчил дальнейший ход исследований (Городцов, 1925). В 1925 г. было продолжено изучение Афонтовой II. Но благодаря тому, что сын Савенкова – Т.И.Савенков – указал Г.П.Сосновскому и Н.К.Ауэрбаху места раскопок отца, они смогли расширить свои работы и начали раскопки Афонтовой III. Первые несколько дней работ были довольно безуспешными. Но вскоре они нашли “богатые” участки слоя, пошли интересные находки, например, ступка из бивня мамонта, и все внимание исследователей перешло на Афонтову Гору III, расположенную во дворе Нефтесклада.

Уже первые годы раскопок Афонтовой Горы и других комплексов привели к мысли о том, что создание периодизации комплексов енисейского палеолита очень трудно. С самого начала в раскопках участвовал В.И.Громов, который постепенно вынашивал мысль о возможности подразделения четвертичных отложений по составу фауны археологических памятников, залегающих в них (Громов, 1924).

В 1928 г. В.И.Громов и Г.Ф.Мирчик изучали и сопоставляли террасы Ангары и Енисея, и этим же летом Н.К.Ауэрбах вместе с В.И.Громовым предприняли специальную поездку по Енисею от Минусинска вниз до Красноярска. Была тщательно изучена геология стоянок, проведены раскопки нескольких из них (Сосновский, 1935б, с.152-218). Эти наблюдения над стратиграфией памятников позволили В.И.Громову создать относительную хронологическую шкалу енисейского палеолита (Громов, 1928, с.171-176). После 1928 г. Н.К.Ауэрбах переезжает в Новосибирск, Г.П.Сосновский постепенно переключается на изучение Прибайкалья и работает в Иркутске. Раскопок на Енисее они больше не производят.

Работы сибирских археологов в области каменного века приобрели широкую известность за пределами Сибири. В.А.Городцов с похвалой отзывается о раскопках Афонтовой Горы и в общем дает определение ее возраста близкое тому, что и ее исследователи (Городцов, 1929, с.66-75).

В Польше была опубликована работа Л.Савицкого (Sawizki, 1928) о палеолите Сибири, в ней он смело проводит параллели с Ордосом. Все сибирские палеолитические стоянки, по Л.Савицкому, одновозрастны (геологически) и соответствуют по времени

вторичным отложениям лесса Китая (стадия Пан-Хиао). В Европе, по Л.Савицкому, это время соответствует Анциловой эпохе, т.е. археологически мезолиту, что позволило Л.Савицкому предложить термин “сибирский эпипалеолит”.

Со многими положениями Л.Савицкого нельзя было согласиться. В.И.Громов доказывал, что в фауне и геологии стоянок Енисея есть серьезные различия, а Н.К.Ауэрбах и Г.П.Сосновский считали, что, по крайней мере Афонтова Гора и Верхоленская Гора резко отличаются по материалу, не говоря уж о новой стоянке – Мальте.

На самой Афонтовой Горе работы в 1929 г. не велись, лишь В.И.Громов осматривал новые обнажения культурного слоя.

В 1930 г. Н.К.Ауэрбах провел раскопки Афонтовой III. Он хотел раскапывать и Афонтову II, но те выходы культурного слоя, которые были видны в 1929 г., уже были уничтожены выемкой железной дороги. Восточный склон к этому времени обвалился. В то же время склады, ранее мешавшие раскопкам Афонтовой III, были снесены, что и дало возможность изучать новый участок. Работы велись осенью, не было старых обученных кадров, но тем не менее, судя по неоконченному отчету Н.К.Ауэрбаха (Н.К.Ауэрбах. Отчет о раскопках 1930 г. Архив ИИМК, фонд 42, д.371. См. также приложение к акту №6, колл.1395, Первобытный отдел Гос.Эрмитажа) и фотографиям, раскопки проводились на высоком уровне. Интересен очаг, впервые обнаруженный и расчищенный на Афонтовой Горе III. К сожалению, коллекции остались неопубликованными, а отчет не был дописан. Внезапная смерть помешала и Н.К.Ауэрбаху довести исследование и издание Афонтовой Горы отдельной монографией. Незадолго перед этим вышла работа Н.К.Ауэрбаха об Афонтовой III (Ауэрбах, 1930), в которой он критически рассматривал взгляды Г.Мергарта и Л.Савицкого на древнейшие культурные связи Сибири. Н.К.Ауэрбах приходит к выводу, анализируя материал всех известных в то время стоянок, что их надо относить к азиатскому культурному кругу. Кроме того, “расположены стоянки в Заенисейской Сибири таким образом, что как бы сами указывают на свое восточное по отношению к Енисею происхождение” (Ауэрбах, 1930, с.41), а именно – на Монголию. В итоге он пишет, что разгадку сибирского палеолита надо искать в неисследованных в археологическом отношении областях Китая и Монголии. Такого же взгляда придерживался и Г.П.Сосновский, продолжавший работу в Сибири после Н.К.Ауэрбаха.

В 1932 г. были опубликованы основные результаты исследований стоянки Афонтова Гора II. Это монографическая публикация работ ряда авторов: Н.К.Ауэрбаха, Г.П.Сосновского, М.П.Грязнова, А.Ф.Гаммерман, А.Я.Тугаринова и В.И.Громова, где признается определенная близость Афонтовой II к ордесским стоянкам и отличие ее от Верхоленской Горы и Мальты (Ауэрбах,

Сосновский, Грязнов и др., 1932). Работа коллектива археологов, привлечение разных специалистов, широкая разведка, планомерные раскопки с изучением бытовых деталей, построение периодизации палеолита Енисея завершились сводной работой Г.П.Сосновского о палеолите Северной Азии, опубликованной в 1934 г. (Сосновский, 1934). В ней он дал сведения о многих отдельных памятниках и привел таблицу, которая являлась сводкой всех известных в то время стоянок. Он показал хронологическую последовательность стоянок каждой области Сибири в сопоставлении с другими. Параллельно Г.П.Сосновский приводит геологию, фауну, инвентарь, бытовые и хозяйственные особенности каждой хронологической ступени. Такая полная сводка (конечно, с определенными пробелами) была создана впервые. После публикации этой итоговой работы исследования палеолита Енисея на долгое время прекратились. Летом 1933 г. В.И.Громов нашел мощный культурный слой C_3 на Афонтовой II между 1 и 2 участками (Громов, 1934), но уже в 1934 г. Г.П.Сосновский при осмотре его не обнаружил и вплоть до 1937 г. раскопки палеолитических стоянок на Афонтовой Горе не производилось.

В августе 1937 г. на Афонтовой Горе были подготовлены расчистки для сибирской экскурсионки XVII Международного геологического конгресса. При осмотре обнажения слоя Афонтовой II Ж.Фромаже нашел обломок лобной части черепа человека. Этот обломок был изучен с использованием особого приема и позднее опубликован Г.Ф.Дебецем. Пэй Вэнь Чжун обнаружил 4 подвески из трубчатых костей, другие члены экскурсионки до двадцати изделий из камня, переданные на хранение в Геологический Институт РАН (Архив ИИМК, фонд 42, д.56, с.43).

С целью возобновления исследования палеолита Енисея по поручению советской секции ИНКВА в Красноярск поехал Г.П.Сосновский (Сосновский, 1946, с.45-48). Он осмотрел десять палеолитических местонахождений в районе Красноярска, из которых два были обнаружены впервые. Но на Афонтовой Горе была лишь собрана фауна. Дальнейшие работы прервала война.

В послевоенные годы исследование каменного века в Сибири приобрело широкий размах. Однако непосредственное изучение палеолита Енисея началось лишь в 1960 г., благодаря созданию Красноярской археологической экспедиции; возобновились раскопки памятников на Енисее под руководством З.А.Абрамовой.

В силу ряда обстоятельств стоянки в районе Красноярска и на Афонтовой Горе в те годы не изучались. Автор имел возможность несколько раз посетить эти памятники, детально осмотреть их состояние и сделать фотографии. Один из таких осмотров был совершен совместно с геологами Э.И.Равским, С.М.Цейтлиным, Э.А.Вангенгейм, археологами З.А.Абрамовой и Г.В.Коробковой. Э.Равский и С.Цейтлин впоследствии провели работы для уточнения стратиграфии Афонтовой Горы. Автором с участка №1 Афонтовой

II был взят уголь из обнажения, давший, как тогда предположили, омоложенную дату – 11450±250 (Т-297) – не было очистки из-за малого количества угля (Астахов, 1966в, с.59), относящуюся к отложениям между верхним и нижним слоем. Учитывая исследования последних лет, она не выглядит такой уж абсурдной.

В 1984 г. в Красноярске была проведена конференция к 100-летию открытия палеолита на Енисее с докладами, посвященными истории изучения палеолита Енисея (Дроздов, Буровский, Ермолаев и др., 1984, с.3-6; Астахов, 1984, с.10-13) и проблемам исследования каменного века Евразии. Особое место отводилось осмотру ряда памятников, в том числе Афонтовой Горы II. Но не было вскрытия обнажений культурных слоев, не было и шурфов.

Таким образом, можно отметить тот факт, что наши знания о палеолите Афонтовой Горы базировались в основном на данных, полученных тридцать лет назад. Тем не менее она привлекала к себе внимание ряда исследователей, продолжающих работать в Красноярском крае. Одним из таких исследователей является Н.И.Дроздов, большой энтузиаст, воссоздавший красноярские традиции в изучении палеолита. Им совместно с геологом В.П.Чеха удалось найти и вскрыть хорошо сохранившийся участок нижнего культурного слоя Афонтовой Горы II. О посещении этого раскопа П.Азерсом и автором см.выше. Н.Дроздовым и его учениками проводились дополнительные разведки и в последующие годы, причем были открыты очень древние горизонты, сопоставимые с каргинским временем (Дроздов, 1996, с.88-90).

Остановимся на эволюции взглядов ученых по вопросам хронологии и генезиса палеолита Енисея. Некоторое повторение будет неизбежно, но без предлагаемого резюме не всегда будет ясна сложность проблемы в целом.

Итак, как видно из предыдущего, возраст находок на стоянках Афонтовой Горы был правильно оценен И.Т.Савенковым. Учитывая как геологические, так и археологические данные, он определенно заявил, что находки относятся к эпохе палеолита. Это был вывод первостепенного значения. Что касается более точной датировки, то первоначально он отнес свои палеолитические находки к изделиям “мустьерского типа”. Основой такого определения возраста явились крупные орудия, напоминавшие ему мустьерские скребла Западной Европы. Позднее им были выделены в инвентаре Афонтовой Горы и “ориньякские” типы орудий. Такое сочетание “мустьерских” и “ориньякских” элементов позволило ему говорить о переходной эпохе от мустье к ориньяку. Уточняя свои взгляды, И.Т.Савенков в дальнейшем принял во внимание наличие в своих сборах многочисленных и хорошо обработанных изделий из кости, что позволило ему отнести Афонтову Гору к “веку северного оленя” (т.е. к мадленской эпохе по западно-европейской классификации). При всем том, употребляя для классификации сибирских палеолитических находок общепринятые в то время термины,

И.Т.Савенков указывал, что такое использование терминологии условно и вовсе не означает тождества палеолита Сибири с палеолитом Западной Европы. Де-Бай сделал по сравнению с его выводами шаг назад. Он настаивал на мустьерском возрасте памятника, и его точка зрения была принята рядом французских ученых.

Г.Мергарт, некоторое время занимавшийся палеолитом Енисея, вслед за И.Т.Савенковым признал наличие в каменном инвентаре Афонтовой Горы двух компонентов. Одного, связанного с нижнепалеолитической традицией, и второго – верхнепалеолитического. Из этого он сделал вывод о своеобразии енисейского палеолита, как особой “фации”, где сочетаются разновременные по европейским масштабам элементы. Но, в сущности, вопрос о датировке и характере этих памятников оставался открытым (Merhart, 1923). В свою очередь, Б.Э.Петри, исходя из эволюционистических взглядов и стремясь автоматически перенести европейскую шкалу на Сибирь, датировал Афонтову Горю мадленом (Петри, 1922).

Новым этапом в изучении хронологии палеолитических поселений Афонтовой Горы явились работы В.И.Громова, Г.П.Сосновского и Н.К.Ауэрбаха в 1923-27 гг. Они впервые создали локальную хронологическую шкалу палеолита Среднего Енисея. Наиболее древними в ней были стоянки Афонтова II слой C_3 и Афонтова III. Стоянки Афонтова II слой B_1 - B_2 и Афонтова IV относились ими к более молодой группе. Эта хронологическая шкала была основана В.И. Громовым на геологических наблюдениях и стратиграфии культурных отложений стоянок и освещена в его работах с исчерпывающей полнотой (Громов, 1948).

Имелись и другие мнения – так, Л.Савицкий датировал Афонтову Горю азилем, В.А.Городцов, побывавший на Афонтовой Горе в 1925 г., снова определил ее возраст как мадленский, (Городцов, 1925). В сводке по палеолиту Сибири Г.П.Сосновский относил стоянки Афонтова II слой C_3 и Афонтова III к “средней стадии”, а Афонтову II слой B_1 - B_2 и Афонтову IV к “поздней стадии позднего палеолита” (Сосновский, 1934). Эту датировку поддерживал П.П.Ефименко (Ефименко, 1933), а за ним А.П.Окладников в 1956 г. (Окладников, 1956). Что касается представлений о возрасте Афонтовой Горы, то работы Э.И.Равского (Равский, 1972) и С.М.Цейтлина (Цейтлин, 1969) достаточно убедительно подтверждают основные положения, выдвинутые еще В.И.Громовым. Позднее С.М.Цейтлин еще раз пересматривает свои представления на основе радиоуглеродных дат и некоторых новых интерпретаций геологических слоев и вновь подтверждает основной вывод В.И.Громова о позднеледниковом возрасте стоянки (Цейтлин, 1979, с.137). Другая проблема, вызванная материалами Афонтовой Горы – проблема происхождения енисейского палеолита. Первооткрыватель енисейского палеолита И.Т.Савенков первый поставил ее,

указав на невозможность подхода к сибирскому палеолиту с европейскими установками. Г.Мергарт не пошел дальше И.Т.Савенкова в этом отношении. Продолжая разработки И.Т.Савенкова, Н.К.Ауэрбах и Г.П.Сосновский скрупулезно исследовали своеобразие культуры палеолитических обитателей Афонтовой Горы. Исследования показали, что в одном непереотложенном культурном слое залегают как позднепалеолитические формы, так и “мустьероидные” – грубые рубящие орудия, скребла, остроконечники, грубые нуклеусы. Что касается последних, то естественно было, как это делали Де-Бай, Савенков и Мергарт, считать их наследием мустьерской культуры Европы, поскольку мустьерские памятники в Сибири не были известны. Аналогично допустимо было выводить из верхнего палеолита Европы те формы каменных и костяных изделий, которые совпадают в Афонтовой Горе с европейскими верхнепалеолитическими. Так думал и В.А.Городцов, который усматривал конкретные связи енисейского палеолита, в частности Афонтовой Горы, с европейским мадленом в таких типах орудий, как костяные наконечники со скошенным основанием и округлые скребочки.

Таким образом, в 20-е и начале 30-х годов господствовало мнение о том, что своеобразие сибирского палеолита и, в частности, енисейского палеолита, объясняется длительным переживанием в нем элементов мустьерской культуры, в целом же ни у кого не было сомнения в генетической связи палеолита Енисея и Европы.

Коренные перемены во взглядах на происхождение сибирского палеолита были вызваны открытиями в Ордосе. Начались поиски общих черт палеолита Сибири и палеолита Ордоса. По этому пути первым пошел Л.Савицкий, который считал, что возможно объединить культуру Ордоса и Сибири в одно целое. Осторожнее рассматривал эту проблему Н.К.Ауэрбах. Свообразие сибирского палеолита Н.К.Ауэрбах объясняет тем, что он относится не только к европейскому, но и к специфическому азиатскому палеолиту. Архаический элемент комплекса (скребла, остроконечники, грубые рубящие орудия) Н.К.Ауэрбах выводил из Монголии, а вопрос о “молодом” элементе (вкладыши, круглые скребочки, костяные орудия) оставлял нерешенным, хотя и указывал на возможные связи его с Монголией. Этот же взгляд излагается и в написанной совместно с В.И.Громовым и Г.П.Сосновским работе об Афонтовой Горе (Ауэрбах, Сосновский, 1932).

В дальнейшем на разработке проблемы происхождения сибирского палеолита довольно определенно сказывается влияние стадильных концепций Н.Я.Марра и связанных с ними автохтонистских увлечений. Это нашло отражение в написанной Г.П.Сосновским обобщающей сводке по палеолиту Сибири, где он полагает, что енисейский палеолит вырастает из культуры Мальты и Бурети. Вместе с тем, накопление материала показывало, что развитие палеолитических культур Сибири было весьма сложным процессом.

На этой проблеме в ряде своих работ неоднократно останавливался А.П.Окладников. Он считал, что с самого начала на территории Сибири сталкиваются две основные культурно-этнические общности эпохи палеолита. Первая – европейского происхождения, наиболее близкая к восточно-европейскому верхнему палеолиту в бассейне р.Дона (Окладников, 1947).

Вторая общность – азиатского происхождения, галечная культура, с которой связана проблема происхождения своеобразных черт сибирского палеолита (Окладников, 1959, с.23). В дальнейшем этот исследователь указывал и на определенное влияние Средней и Центральной Азии в процессе становления местных палеолитических культур (Окладников, 1965, 1968).

В своей последней монографии “Палеолит Центральной Азии” А.П.Окладников несколько изменил свою точку зрения, признавая, по сути, автохтонное происхождение афонтовской и кокоревской культур, оставляя лишь за Мальтой и Буретью исключительное право быть свидетельством перемещения из Западной Евразии (Окладников, 1981, с.114). Первоначальные предположения А.П.Окладникова расходятся с гипотезой М.Г.Левина о заселении Сибири из Центральной и Юго-восточной Азии (Левин, 1951). При этом заселение Енисея и верхней Оби на последних стадиях верхнего палеолита происходило, по М.Г.Левину, уже из восточной Сибири, где была известна более древняя, чем на Енисее, культура Мальты-Бурети. Основываясь на изучении фрагмента черепа человека со стоянки Афонтова Гора II, Г.Ф.Дебеч высказал мнение о принадлежности палеолитического населения Енисея к монголоидной расе (Дебеч, 1948).

В шестидесятые годы эта проблема привлекла внимание антрополога В.П.Алексеева. Основываясь на геологических данных, он признавал возможным заселение Сибири еще в нижнем палеолите, объясняя отсутствие памятников этого времени малой изученностью (Алексеев, 1963).

В решении вопроса о путях заселения он, вслед за М.Г. Левиным, высказывается за южное происхождение палеолита Сибири. Основным доказательством этого В.П.Алексеев считал известную находку фрагмента черепа с Афонтовой Горы. Что касается определения его как монголоида, то позднее В.П.Алексеев указывал, “что он свидетельствует об образовании такой монголоидной черты, как плоское переносье, уже на ранней стадии верхнепалеолитической эпохи” (Алексеев, 1978, с.187). В работах тех лет автор излагал возможные пути заселения Енисея и истоки палеолита этого региона (Астахов, 1966в, с.56-67), но степень изученности не позволила однозначно решить проблему (впрочем, такого рода задачи почти неразрешимы – можно высказывать лишь предположения той или иной степени достоверности). Поздний палеолит Енисея рассматривался автором как единая культура (Астахов, 1966в, с.56) с двумя вариантами, один из которых был назван

афонтовской культурой. З.А.Абрамова обосновала выделение кокоревской культуры, совершенно отличной от афонтовской, хотя и допускала, "что в дальнейшем памятники, отнесенные к двум разным культурам, могут оказаться принадлежащими к локальным вариантам одной культуры" (Абрамова, 1975, с.21). Позднее некоторые исследователи стали усматривать в отличиях выделенных культур две технические традиции (Астахов, 1989, с.92-94; Акимова, 1992а, с.3-6).

Теперь же представления о структуре палеолита Сибири существенно изменились. В основе сегодняшних идей о целях и основах культурной дифференциации палеолита Сибири и в частности Енисея лежат представления о многофакторном характере изменения орудийного набора. Вновь начинает вырабатываться способ организации археологического материала, предполагающий стадиальность развития на обширных территориях, немного забытый в период повального увлечения культуротворчеством. В этом направлении успешно продвигается С.А.Васильев (Васильев, 1996, 224 С.).

Из этого краткого обзора видно, насколько сложны проблемы, связанные с Афонтовой Горой. Отсюда понятна и актуальность детального рассмотрения материала по такому важному памятнику сибирского палеолита, каким является Афонтова Гора у Красноярска, и его публикации.

ГЕОГРАФО-ГЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ДОЛИНЫ ЕНИСЕЯ В РАЙОНЕ КРАСНОЯРСКА.

Река Енисей является естественной границей между низменной Западной Сибирью и Средне-Сибирским плоскогорьем Восточной Сибири.

Красноярск, на территории которого расположены стоянки Афонтовой Горы, находится на самом краю отрогов Западных Саян, при переходе гор в более плоские формы рельефа. Эта область обычно называется Красноярской лесостепью. Она ограничена с востока Енисейским кряжем от Канской лесостепи, на западе переходит в Ачинскую лесостепь, а на севере постепенно сливается с равнинами нижнего течения Енисея. Именно здесь она открыта для проникновения холодного арктического воздуха с Северного Ледовитого океана. Красноярская лесостепь представляет наклонную к северу, слегка всхолмленную и расчлененную эрозионной деятельностью рек равнину.

Особенность расположения – в центре Азии, на границе крупных растительных зон, связанных с формами рельефа, закономерно привела к возникновению сложных, но устойчивых климатических условий. В целом климат отличается резкой континентальностью. Возникающая в конце лета в Центральной Азии зона высокого давления постепенно распространяется и захватывает Красноярск, что приводит к сухой, малоснежной зиме. Следует отметить одно важное обстоятельство. Несмотря на близость рассматриваемого района к центральной части антициклона, зимние (январские) температуры оказываются в общем несколько выше, чем, например, в Томске на 2°, Ачинске 2,4° и Канске 4,7°. Эта особенность, связанная с орографией района и обусловившая более высокие зимние температуры в современную эпоху, безусловно, существовала и в позднем палеолите. Мы можем так считать, потому что высота и расположение горных хребтов в данной области не изменились, во всяком случае начиная с середины плейстоцена.

Вторая особенность климата в рассматриваемой области заключается в следующем. Как известно, в настоящее время зимние антициклоны Сибири (существовавшие и в верхнечетвертичную эпоху), время от времени вытесняются циклонами Атлантики, что приводит к понижению давления и вторжению масс плотного холодного воздуха с севера. Как предполагал А.А.Григорьев

(Григорьев, 1946), в ледниковый период эти атлантические циклоны не распространялись так далеко на восток. В таком случае, мы можем считать, что не было и тех временных похолоданий, которые в настоящее время обусловлены влиянием этих циклонов. Одним из факторов, подтверждающих высказанные предположения о более теплой зиме в Минусинском и Красноярском регионах, может служить карта распространения вечной мерзлоты. На карте отчетливо видно, что Красноярская и Минусинская зоны окружены с востока, севера и запада областями с вечной мерзлотой.

Укажем еще, что в нашу эпоху на рассматриваемой территории в летнее время преобладают юго-западные ветры, приносящие в лесостепь теплые сухие массы воздуха из Средней Азии – на их долю приходится 40,7% всех ветров. Добавим еще, что И.Т.Савенков, учитывая расположение лессовидных элювиальных отложений склонов оврагов и террас, считал преобладающими юго-западные ветры и в эпоху палеолита.

В своем развитии долина Енисея прошла ряд фаз, как и другие реки Сибири. Но сопоставление фаз развития рек Сибири часто затруднено, что связано с некоторыми особенностями Енисея, которые выражены в различиях продольных профилей террас, в различиях высот террас нижнего и среднего течения реки и т.д. Основные этапы развития оледенений и межледниковий Сибири наиболее полно изучены в низовьях Енисея, где имелись отчетливые следы оледенений и была возможность непосредственной увязки с ними террас нижнего течения реки. Но поскольку количество террас и высота их в различных частях долины разные, датировка террас верхних участков долины осуществлялась комплексными методами. В настоящее время нет сомнения, что 1 и 2 террасы Енисея вполне обоснованно отнесены к сартанскому оледенению и голоцену, а возраст позднепалеолитических стоянок, вложенных в их тела, определен как поздне-сартанский (Цейтлин, 1979).

Собственно ледниковые проявления этого оледенения имели место в горах. На остальной территории, как и в зырянское время, установился перигляциальный режим. Следы его достаточно хорошо зафиксированы в различных формах ископаемой мерзлоты. Среди последних наиболее значительны были солифлюкционные явления и псевдоморфозы. Глубина оттаивания почвы достигала 1,5 м.

В сартанское время еще раз проявилась зональность, связанная с географической широтой и рельефом местности. Красноярская равнина относилась к южной части тундровой зоны, характерными представителями которой являлись мамонт и песец. Но сравнительно южное расположение ее в указанной зоне позволило развиваться островкам леса по рекам и оврагам, что способствовало появлению также животных и птиц, обитающих в лесах. При этом следует учитывать те особенности климата Красноярской лесостепи, о которых говорилось выше. И в настоящее время Красноярские

(а особенно Минусинские) степи в результате особых орографических условий относятся к области более высоких температур, чем вся остальная Сибирь, и стоят в одном ряду с Казахстаном, некоторыми районами Забайкалья и Приморья. Эти же особенности действовали и в сартанское время. Богатый животный мир также способствовал привлечению сюда кочующих охотничьих групп. И, наконец, следует учитывать расчлененность рельефа, особенно краев платообразных равнин, что, возможно, облегчало охоту на стадных животных. Эти особенности и были наиболее важными причинами скопления палеолитических общин в окрестностях Красноярска во время сартанского оледенения, и вероятно ранее его.

Учитывая все это, можно перейти к рассмотрению условий расположения позднепалеолитических стоянок у Красноярска. "Енисей, прорвав Манское Белогорье (северо-западный отрог Восточного Саяна), резко сворачивает к востоку и, спустившись с предгорий несколько выше г.Красноярска, течет в широкой длине, дробясь на рукава. Постепенно он снова поворачивает на север и течет в таком направлении до слияния с Ангарой, образуя плавную дугу, огибающую с востока ясно террасированное плато" (Громов, 1948, с.305). В окрестностях Красноярска насчитывается до десяти террас разных уровней. Из них к сартанскому времени относятся II, 14-18 метровая и I, 8-12 метровая террасы, а также покровные отложения различного генезиса, спускающиеся плащом с плато на высокие и низкие террасы, в том числе III, 20-25 метровую, террасированные склоны и конусы выноса речек (Цейтлин, 1979, с.144).

Нижние террасы и покровные отложения широко развиты на левом берегу Енисея. Правый берег, напротив, более высокий, покрыт хвойными лесами, спускающимися с Енисейского кряжа. Возможно поэтому все основные палеолитические памятники располагаются на террасах левого берега. Среди этих памятников особое место занимают поселения на Афонтовой Горе.

Афонтовой Горой называют юго-восточные склоны Черной сопки, расположенной ныне в западной части Красноярска. Склоны Черной сопки с юга омываются Енисеем, а на севере вдоль них протекает р.Бугач. Восточный край склона переходит в обширное, ранее покрытое дюнами займище (старая часть города Красноярска), ограниченное с севера р.Качей, а с юга – Енисеем. Эти склоны разрезаны несколькими логами, опирающимися на II и I террасы, а также покрыты ясно выраженными террасовидными уступами. По всему склону, спускаясь сверху вниз, протянулся шлейф покровных лессовидных отложений. Чем ниже по склону, тем больше его мощность, доходящая до 10-14 метров. Лессовидные покровные отложения подразделяются на две части, отличающиеся по структуре и цвету: палево-серая и палево-бурая супесь. Под ними залегает светло-серая супесь, почти песок с илистыми прослойками, переходящая в серые тонкозернистые пески. Во

многих местах хорошо виден контакт песков с галечной толщей русловой фации террас.

На верхней части склона Афонтовой Горы покровные отложения более песчанисты и залегают на коренных породах, представленных здесь красным девонским мергелем.

Характерно следующее строение террасы на участке Афонтовой Горы II по В.И.Громову:

- 1) Светло-серый лесс (лессовидная супесь), в т.ч. окрашенный гумусом и местами прикрытый дерновым покровом. Его характерной особенностью, кроме цвета, является пористость и наличие скоплений наземных ракушек;
- 2) Буровато-палевая лессовидная супесь с большим количеством охристых прослоев и примазок в виде полосок и расплывчатых пятен. В основании содержит культурный слой (нижний).
- 3) Толща переслаивающихся слоев песка и глины незначительной мощности, незаметно переходящая в верхней части в плотные серые супеси, суглино-супеси или пески.
- 4) Речной галечник, на котором покоится вся песчано-глинистая толща Афонтовой Горы. Однако по направлению к подошве 100 метровой террасы этот галечник не был встречен при рытье колодца, находящегося в 150-200 м от описанного выше разреза: попадались сначала "Большие камни", вероятно, плиты девонского мергеля, а затем были встречены коренные породы". (Громов, 1948, с.314).

Верхний горизонт, первый, В.И.Громов считал делювиальным, второй – делювиально-аллювиального, третий – аллювиального или аллювиально-делювиального происхождения. Многочисленные культурные остатки залегают на нижних террасовидных уступах, в двух верхних слоях лессовидных покровных отложений и в верхней части светло-серой супеси и песка.

В настоящее время остатки палеолитических стоянок располагаются дугой с юга на север, от дачи Юдина у железнодорожного моста, вдоль склона Афонтовой Горы до р.Бугач.

Более подробно геологическое строение и стратиграфия будут рассмотрены при описании каждого отдельного участка стоянок Афонтовой Горы, и приведение этих данных здесь автор считает излишним.

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА АФОНТОВА ГОРА I.

Как было сказано выше, Афонтова Гора - название большого участка изрезанного оврагами склона, ограниченного с севера и юга реками Бугач и Енисей. В палеолитическое время у восточного края склона текла река Кача, впадавшая в Енисей (Бадер, Громов, Сукачев, 1966, с.107).

Близ этого древнего русла, у подножия склона, расположена целая серия позднепалеолитических стояниц. Те места, где в 1884-92 гг. производил сборы И.Т.Савенков, к северу от Иванихина лога включительно до Пороховых погребов, были названы Афонтовой I (рис.1).

К сожалению, пункты сборов И.Т.Савенкова на Афонтовой I не были изучены в 20-е годы. Поэтому Афонтова Гора I известна нам лишь по кратким сведениям В.И.Громова (Громов, 1948, с. 310), по опубликованным работам и рукописям И.Т.Савенкова и по его коллекциям. В этих коллекциях находятся орудия не только Афонтовой I, но, главным образом, Афонтовой III, немного Афонтовой IV, и, возможно, предполагаемых стоянок между Афонтовой II (участки 4-5) и Афонтовой III. Последняя из них известна по сборам И.Т.Савенкова и названа Афонтова IVa (Абрамова, Астахов, Васильев и др., 1991, с.100). Поэтому нами была сделана попытка выделить часть коллекций, несомненно относящихся к Афонтовой I, и выяснить условия залегания культурных остатков, что в определенной степени удалось благодаря тому, что И.Т.Савенков вел постоянную запись своих наблюдений над условиями залегания фаунистических остатков и орудий. К сожалению, принятая им система ведения двух описей, для камня и фауны по отдельности, затрудняет воссоздание комплексов, тем более, что дневники И.Т.Савенкова не уцелели. Все же оказалось возможным выделить небольшую коллекцию с участка Афонтова I и отделить ее от других пунктов находок - от Афонтовой III и IV.

Как указывалось выше, к Афонтовой Горе I отнесена часть склона от Иванихина лога до Пороховых погребов, протяжением до 500 м (Рис.2). Это достаточно большое пространство, на котором, конечно, находилась не одна стоянка. Поскольку коллекция собиралась в нескольких карьерах, ее можно разделить по отдельным пунктам.

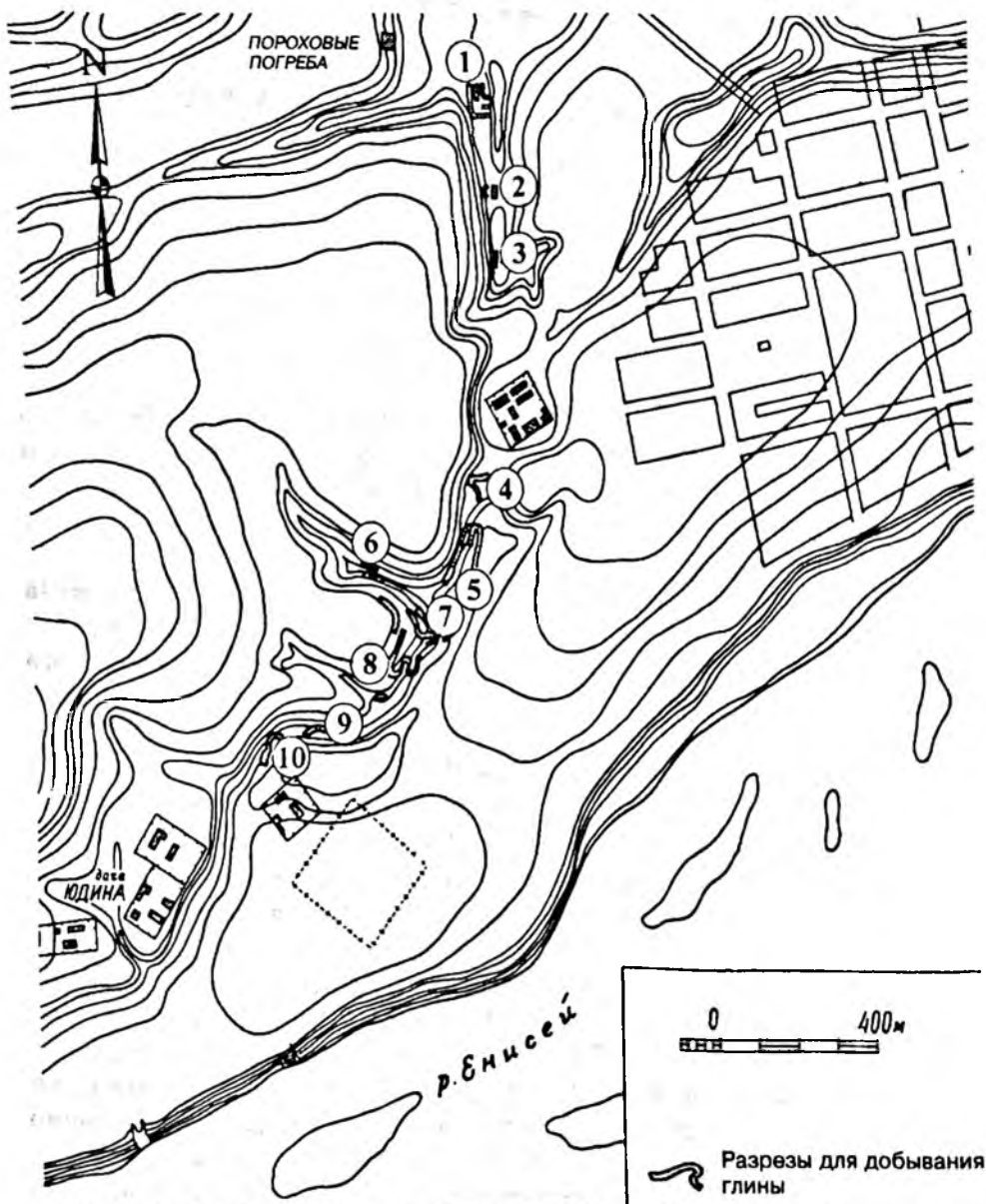

Рис.1. План стоянок на Афонтовой Горе. Съемка И.Т.Савенкова в 1890 г., горизонтали проведены через Зм. Афонтова I - №1,2,3; Афонтова III - № 4,5; Афонтова II - дача Юдина; Афонтова IVa - № 6; Афонтова IVb - № 7.

Прежде всего необходимо дать описание пунктов, т.е. карьеров, которые посещались И.Т.Савенковым с 1884 по 1892 гг. Как нам удалось установить, на территории Афонтовой I были расположены следующие карьеры или разрезы: Песегова, Баженова, Опсарова, Никитина. (Астахов, 1966, с.10). Из них для нас важнее всего разрезы Песегова к югу от Пороховых погребов, т.к. там были сделаны наиболее богатые сборы Савенкова на этой части склона, т.е. на Афонтовой I, и 3 августа 1884 г. найдено бесспорное палеолитическое орудие.

*Рис.2. Характер склона Афонтовой Горы.
Снято в 1914 г. И.Т.Савенковым от разреза № 1 Афонтовой
III в сторону Афонтовой I.*

На плане И.Т.Савенкова эти разрезы обозначены номером 1. Это подтверждается тем, что обычно И.Т.Савенков разрезы Песегова упоминает с добавлением “у пороховых”, и тем, что в “Описи костей животных пост-плиоценовой фауны” 1886 г. (Архив Минусинского музея) он прямо говорит: “[№] 267. Разрез Песегова на карте №1”. Место расположения пороховых погребов легко устанавливается, т.к. они обозначены на многих планах. Судя по другим топографическим материалам, И.Т.Савенков не нанес на свой план карьеров, появившихся в последние годы его сборов (1888-92 гг.). Сохранившиеся записи указывают, что И.Т.Савенков посещал разрезы Песегова с июля 1884 по май 1890 г.. При этом наибольшее число находок приходится на 1885 и 1887 гг., на остальные годы - единицы. По плану отчетливо видно, что разрезы находятся у подножия террасы и отделены ложбиной от мыса, на котором расположены пороховые погреба. Вполне вероятно, что у пороховых погребов, расположенных на соседнем мысу, была самостоятельная стоянка, которую можно назвать Афонтова Ia, но с уверенностью к ней относится лишь одно орудие (к.281, № 15). Расположение стоянки у подножия террасы характерно для афонтовских стоянок. Это нельзя объяснить случайным расположением карьеров. Карьеры поднимались вверх по всему склону, срезая слой глины, пригодный для обжига кирпичей, но И.Т.Савенков отмечал: “Верхние разрезы (карьеры - С.А.) почти не дают костей и вовсе не дают орудий” (Архив МАЭ, архив Савенкова, записная книжка “d”, с.181). Или еще: “Следует отметить, что кости и орудия при подъеме в гору не встречаются”(Савенков, Предварительный отчет об

археологических исследованиях в Енисейской губернии летом 1884 г. рукопись, 1884, архив Савенкова в Минусинском Музее, д.112, и Савенков, 1892а, с.7).

СТРАТИГРАФИЯ СТОЯНКИ.

Многочисленные краткие записи, рукописный отчет Савенкова за 1914 г. и его статьи позволяют до некоторой степени выяснить стратиграфию и условия залегания собранных им орудий и фауны. Он отмечал, что склоны Афонтовой Горы покрыты лессовидным суглинком, в верхней части близким к лессу (Савенков, 1916). Далее И.Т.Савенков выделяет две толщи, между которыми залегает тонкая прослойка. Он пишет: “Жирная, буровато-желтая, доброкачественная в техническом отношении глина лежит на пропластке беловатой глины, которая совершенно незаметно переходит в песчано-солончаковый слой совершенно не пригодный для приготовления кирпичей. Ниже идут песчано-глинистый песок, гравий, галечники и валунный слой, лежащий на коренной породе... Высота лессовой кирпичной глины начинается, примерно, от 15 м (50 фут) над меженью” (Савенков, 1892а, с.7).

На этикетках И.Т.Савенкова обычно указано более коротко: верхний слой - “в желтой глине”, затем - “в белой глине” или “подкалке”, как называли рабочие эту прослойку, а вслед за ними и И.Т.Савенков, и третий слой - “солончаковая” или “иловая” глина. Основная глубина залегания, как пишет И.Т.Савенков в своих работах, составляет 1,4-2,1 м (2-3 и более аршин). При этом он подчеркивал, что палеолитические орудия встречаются только с глубины 1,2-1,5 м (4-5 футов) под дерном, а т.к. толщину дерна И.Т.Савенков считал в среднем около 0,3 м, глубина залегания от поверхности составит 1,5-1,8 м (Савенков, 1892а, с.15; 1892б, с.42). На своих этикетках И.Т.Савенков чаще всего указывал глубину без дерна, т.к. при добыче глины рабочие сначала снимали весь дерн с площадки будущего карьера, и ему приходилось замерять глубину залегания от бровки разреза. Для определения первоначальной глубины следует прибавлять к указанной еще 0,3-0,5 м. Толщина верхнего слоя - “желтой глины” - равна примерно 1,4-1,6 м без дерна. Находки обычно залегают в нижней части первого и верхней части второго слоя, т.е. в “желтой” и “белой” глине. Полная, т.е. с учетом снятого дерна глубина залегания составляет 1,7-1,9 м. Исключением является орудие № 1, 281 коллекции МАЭ, впервые поднятое И.Т.Савенковым с глубины 0,75 м без дерна. Возможно, что здесь И.Т.Савенков ошибся при записи, т.к. в другом месте мы читаем: “на границе желтой и белой глины, приблизительно на одном горизонте с орудием № 1, взято мною *in situ*. Нижний разрез у самого склона горы, гл.2 аршина 1 четверть...”. (Савенков, “Инвентарь и краткое предварительное описание каменных орудий лесса Афонтовой Горы, добытых в 1884

и 1885 г.” №24 рукописи, или колл.281 №22. Минусинский музей, архив Савенкова, д.86).

Основные данные по условиям залегания взяты из этикеток к орудиям из разреза Песегова. Другие разрезы - Баженова, Ошарова, Клыкова - не столь богаты находками и не вносят ничего существенно нового. Следует сразу оговориться, чтобы в дальнейшем не возникало недоразумений, что хотя Н.К.Ауэрбах много и тщательно работал над материалами Афонтовой Горы, мне пришлось отказаться от его предположения, что “К Афонтовой I надо отнести следующие нижние разрезы 1) Романова у старой солдатской мишени; 2) Викулова - не доходя до старой солдатской мишени; 3) Никитина” (Азурбах, 1930). Очевидно, Н.К.Ауэрбах, во-первых, был введен в заблуждение планом, хранящимся у него, на котором было нанесено стрельбище. А И.Т.Савенков все время подчеркивает: “У старого стрельбища”, “за старой мишенью” и т.д., т.е. он уже знал это *н о в о е* стрельбище, а говорил о заброшенном потому, что там был хороший ориентир - насыпанный вал. Ясно, что там не было бы кирпичных сараев, если бы оно действовало. Анализируя этикетки и записи, удалось предположительно установить место расположения старого стрельбища. Во-вторых, Н.К.Ауэрбах относил часть разрезов Песегова “на горе” к Афонтовой IV. Может быть, это и так (есть фраза в отчете И.Т.Савенкова: “За Юдинской дачей, выше ее, бывшая в 80-х годах выработка Песегова” - см. Отчет И.Т.Савенкова в архиве Н.К.Ауэрбаха, а также в архиве МАЭ папку Савенкова и записную книжку за 1914 г с.3-5), но к маю 1887 г. относится точное указание И.Т.Савенков “разрез Песегова на карте № 1”, а почти все предметы собраны 1884-87 годах.

Таким образом, разрезы Песегова 1884-1887 годов отнесены мною к Афонтовой Горе I с достаточными основаниями, что существенно, т.к. именно разрезы Песегова, по-видимому, разрушили основную территорию стоянки. Есть основания полагать, что Афонтова I состояла, по крайней мере, из двух или трех стоянок (стойбищ), причем стойбище на месте разрезов Песегова, вероятно, было двухслойное. Например, И.Т.Савенков отмечает два уровня находок *для одного места* - кости мамонта (челюсти и др.) на глубине около 1 м, а ниже, на глубине 1,7 м кости северного оленя и орудия из камня (Архив МАЭ, записная книжка Савенкова №4”е”, с.217-219). В другом случае орудие было найдено ниже расколотого бивня мамонта и черепа оленя на гл. 1,6 м. Но такие случаи отмечаются чрезвычайно редко, хотя несомненно были разные горизонты залегания, в чем нас убеждают записи И.Т.Савенкова о более частых случаях нахождения орудий и костей на 10-20 см выше или ниже основного уровня залегания. В целом, к верхнему слою, менее распространенному, относятся находки костей северного оленя, мамонта и оленя тонкорогой разновидности, а большинство находок, отнесенных к Афонтовой

I, взяты из нижнего основного слоя Афонтовой I. Впредь будем говорить об одном слое Афонтовой Горы I, поскольку слишком мало данных для членения коллекции по слоям.

ФАУНА.

Фауна Афонтовой Горы впервые была обработана И.Д. Черским, и список ее приводится в описи И.Т.Савенкова, хранящейся в его архиве и в одной из ранних работ (Савенков, 1892б). Кроме того, имеются описи И.Т.Савенкова с его предварительными определениями костей, найденных в разных разрезах. В публикациях у В.И.Громова имеются данные по фауне Афонтовой I. Он отмечает наличие костей мамонта, бизона, лошади, северного оленя и благородного оленя (Громов, 1948, с.310). В описи И.Т.Савенкова было 1907 номеров к 1892 г., в основном повторяются те же виды. Следует учитывать, что в то время он еще мог ошибаться (в частности, он неправильно определил много костей, отнеся их к носорогу). Тем не менее, к списку В.И.Громова следует добавить следующие виды: челюсть грызуна (№ 301), кости птиц (№№ 422, 441-42), многочисленные находки тонкорогого оленя (марала). По количеству находок первое место занимает северный олень, а костей лошади, марала, бизона и мамонта меньше. Интересно, что И.Т.Савенков находил самые равнообразные части скелетов животных и много черепов оленей, лошадей, челюстей мамонта. Возможно, это обстоятельство в какой-то степени заставило его считать место Афонтовой I не поселением, а местом охоты или, во всяком случае, местом раздела добычи.

Описание культурного слоя стоянки.

Культурного слоя в обычном представлении И.Т.Савенков не отмечал, в его записях нет данных о культурном слое. И.Т.Савенков застал лишь остатки разрушаемой стоянки, мы же никогда не сможем восстановить достаточно полной картины. Однако то, что там были довольно крупные скопления костей с орудиями из камня и кости, можно установить по его записям. Например, с № 267 по 299 записаны кости "как нарочно сложенные". (Архив Савенкова в Минусинском музее, "Опись костей животных пост-плиоценовой фауны", 1886). Это обломки ребер, позвонков, 2 обломка лопатки, таз, астрагал северного оленя, обломки черепа марала и др. - всего 87 фрагментов. Вместе с ними лежали грубые осколки камней. И еще он указывает, что "на горизонте костей недалеко от них 2 больших голыша поперечно оббитых" и "каменный молоток для непосредственно работы рукой". (в той же "Описи..."). Прежде чем переходить к описанию коллекции, необходимо кратко остановиться на других разрезах Афонтовой I. Они располагались примерно так: Баженова (и Ошарова), между номерами 1 и 2 плана Савенкова, ближе к № 2 (рис. 1), Жлыкова - между 2 и 3, Никитина - у № 3, а пороховые - соответственно у Пороховых погребов.

Геологические условия залегания культурных остатков всюду примерно одинаковы. Разрезы Ошарова дают находки преимущественно из верхнего слоя (“желтой глины”), с глубины от 0,9 до 1,5 м. Располагались разрезы довольно высоко у вершины ската, может быть, этим и объясняется меньшая глубина залегания в тех пунктах. Фаунистические остатки - в основном мамонт, бык и лошадь. Из коллекции Савенкова орудий, относящихся к этому пункту, выделить не удалось, хотя находки с этих разрезов были. Несколько отличались от основного пункта Афонтовой I и довольно богатые разрезы Никитина. “В разрезе Никитина лесс отложился в древней озеровидной впадине глубиной около 1,8 м на высокой валунной террасе”. (Савенков, “Наконечник как оружие и ручное орудие”. Рукопись. Архив Минусинского музея, д.43, с.123). Глубина залегания достигала 1,8 м. Состав фауны тот же, кроме двух костей (по предположению И.Т.Савенкова) первобытного быка. Кости мамонта чаще встречались в 1888-89 гг., но никогда не были преобладающими. Как и в разрезе Песегова, кости залегали скоплениями, но ясно выраженного и выдержанного культурного слоя И.Т.Савенков, видимо, не обнаружил.

Каменный и костяной инвентарь стоянки.

Коллекция Афонтовой Горы I, выделенная нами из материалов всех сборов И.Т.Савенкова, состоит из 15 каменных и 16 костяных изделий, это пока все, что может характеризовать памятник, поэтому ниже даются описания каждого предмета.

I. Каменные изделия.

Материалом для них служили гальки и валуны речных отложений Енисея, преимущественно окремненные мелкозернистые породы зеленого и серо-коричневого цвета.

1. Коллекция МАЭ. 276 № 5. Галечный нуклеус, представляет разбитую поперек гальку зелено-каменной породы, с негативами сколов с неподготовленной площадки. Размеры: 104 x 83 x 63 мм. Текст этикетки: “№ 115. Лесс Афонтовой Горы, 1887 г., глубина около 2 аршин”. (табл. I,8).

2. 276-3. Галечный нуклеус такого же типа, как и предыдущий. Конец гальки, противоположный плоскости раскола, оббит. На двух сторонах есть также следы от удара или упора в камень. Размеры: 119 x 80 x 64 мм. Текст этикетки: “№ 116-39. Афонтова Гора, VI-87”.

3. 278-8. Орудие из крупной удлиненной гальки, которая оббита с одного конца так, что образует грубое лезвие. Оно слегка зигзагообразно, сильно смято, не образует острых выступов. На лезвии заметны следы сглаженности. На противоположном конце орудия заметны следы ударов, более отчетливые следы видны сбоку. По определению Г.Ф.Коробковой, это орудие могло употребляться

как массивный отбойник. Размеры: 160 x 65 x 42мм. Текст этикетки: "114. Валун-молоток. Афонтова Гора. VI (2588)".(табл. 1,5).

4. 281-40. Отщеп, вероятно с галечного нуклеуса. На спинке - следы двух параллельных снятий. Негативы этих сколов не совпадают с направлением оси отщепа и составляют угол около 30°. Правый острый край имеет ретушь утилизации. Ударная площадка не сохранилась. Размер отщепа 75 x 50 x 17 мм. Текст этикетки:" № 12, 1887 г. Афонтова Гора, при костях СТ (*Cervus tarandus*)".

5. 281-93а. Первичный укороченный отщеп с гальки. На спинке по правому краю нанесена чешуйчатая ретушь с мелкой вторичной подправкой, образующей лезвие скребка. На левом краю следы двух сколов. Размер: 52 x 77 x 14 мм. Текст этикетки: "№ 29. Афонтова Гора. Нижний разрез, 2 аршина".

Скребла преобладают - (9 экз.). Сделаны они на отщепах, расколотых гальках или просто из гальки подходящего размера, обработанных с одной стороны.

6. Выпуклое поперечное скребло на широком коротком отщепе. Ретушь крупная, чешуйчатая, фасетки широкие и неглубокие, край лезвия подправлен более тонкой ретушью. На спинке заметны следы предварительных ударов, брюшко отщепа слегка вогнуто. Размер: 66 x 89 x 21 мм. Текст этикетки: "№ 1, 1886. Склон Афонтовой Горы, у порохового погребка, 2 1/2 а" (табл. 1,1).

7. Скребло из Минусинского музея, № 789(?). Двойное конвергентное выпуклое скребло, сделано на массивном отщепе с гальки. На пятке сохранилась часть корки. Верхняя поверхность обработана широкими неглубокими сколами. Одно лезвие расположено на левом скошенном крае, посередине повреждено ударом кирки. Другой край отщепа также обработан ретушью, но менее тщательно. Размер: 107 x 64 x 32 мм. этикетка зачеркнута (табл. 1,2).

8. Скребло из Минусинского музея, №786. Двойное выпукло-прямое, конвергентное скребло. Сделано на массивном отщепе. Края обработаны крупными сколами с подправкой лезвия ретушью. Размер: 112 x 62 x 28 мм.

9. 281-22. Двойное выпуклое продольное скребло на толстом удлиненном отщепе. Брюшко вогнутое, ударная площадка не сохранилась. Спинка обработана широкими плоскими сколами. Правое, более прямое лезвие подправлено крутой заломистой ретушью, левое выпуклое обработано более пологой мелкой ретушью. Размер: 71 x 55 x 17 мм. Текст этикетки: "№24, Афонтова Гора".

10. 281-33. Орудие может быть отнесено к скреблам-остроконечникам. Сделано на удлиненном изогнутом отщепе. На спинке заметны следы предварительных параллельных сколов. Оба лезвия оформлены субпараллельной пологой ретушью. При

небольшом увеличении на краях заметны следы работы по мягкому материалу. Размер орудия: 97 x 57 x 14 мм (найдено вместе с 278-1, 278-11, 278-10/2). Текст этикетки: “№ 17, VI-20-87, Афонтова Гора. См. описание” (табл. I,3).

11. 281-1. Орудие не сохранилось. По рисунку И.Т.Савенкова, оно представляет собой двойное выпуклое конвергентное скребло, сделанное на удлиненном отщепе (Савенков, “Инвентарь и краткое предварительное описание каменных орудий лесса Афонтовой Горы, добытых в 1884 и 1885 гг. Рукопись, Красноярск, ок.1886 г. Архив Минусинского музея, Д. № 80). Брюшко отщепа слегка вогнуто. Спинка обработана крупными сколами с подправкой краев чешуйчатой ретушью. Размер: 88 x 44 x 17 мм. Материал - темно-красная яшма или яшмовидный сланец.

Следующие два скребла отнесены к Афонтовой I, хотя и не с такой полной уверенностью, как предыдущие.

12. 281-34. Выпуклое скребло очень высокой формы. Сделано из гальки зеленого цвета. Одна, почти плоская сторона гальки не обработана, другая обработана сколами от краев к центру. Левый крутой край не обработан, правый образует короткое прямое лезвие, длинное лезвие слегка выпукло. Лезвия подправлены мелкой, не очень тщательной ретушью. При небольшом увеличении заметна слабая сработанность длинного лезвия. Размеры: 95 x 75 x 35 мм. Текст этикетки: “№ 32, VI.16.87. Афонт.гора” (табл. 1, 6).

13. 281-56. Выпуклое скребло. Сделано из гальки подобно предыдущему, но имеет только одно лезвие. Ретушь приостряющая, пологая, обухок образован частью гальки. Размеры: 110 x 63 x 27 мм (табл. 1,7).

14. 281-16. (Пока не найдено). По И.Т.Савенкову “Орудие темного кремнистого сланца вместе с копьевидным орудием № 1 (Этикетка отпала)”. (Савенков. “Каталог коллекций по первобытной и доисторической археологии, собранных на реке Енисей И.Т.Савенковым и принесенным в дар Императорской Академии наук в 1895 г”. Рукопись. Архив МАЭ, документы к колл.274).

15. 274-12. Обломок листовидного наконечника. Обработан с двух сторон плоскими, очень тонкими и широкими сколами с мелкой ретушью по краям. Острый конец слегка скошен в результате поперечных ударов или обломан. Размеры: длина сохранившейся части 45 мм, ширина орудия 37 мм, толщина скола 12 мм. Текст этикетки: “27, Афонтова Гора, 87” (табл. I,9).

II. Костяные изделия.

1. 279-19. Обломок бивня мамонта из разреза Клыкова. Видны четкие следы раскалывания - раковистые изломы. 2. 279-10. Обломок бивня мамонта из разреза Песегова. Поверхность покрыта черным налетом. Конец грубо приострен. 3. 279-17. Осколок бивня мамонта из разреза Никитина. На внешней поверхности следы изношенности и забитости(?). 4. 274-1. Обломок рога оленя. Часть

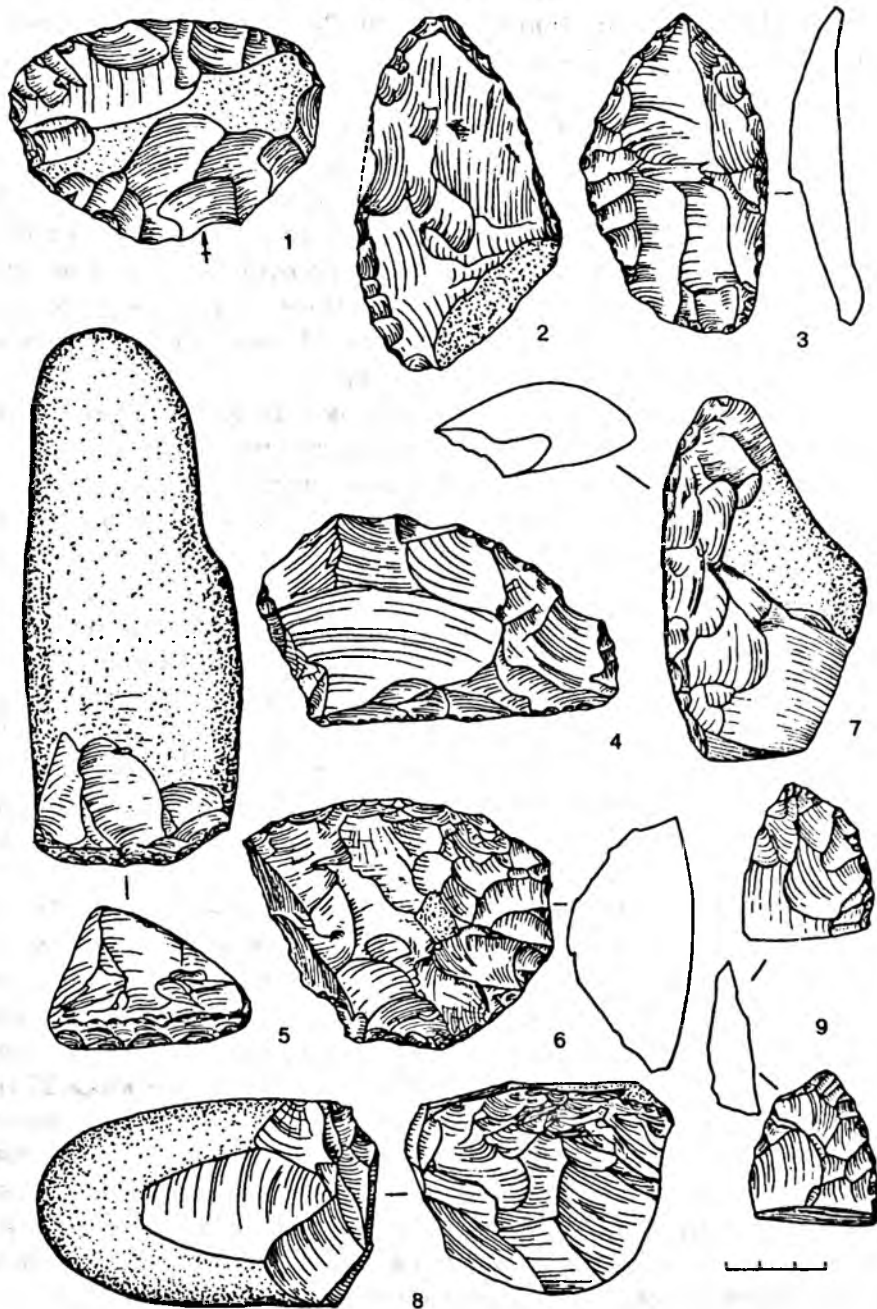

Табл. I. Каменный инвентарь стоянки Афонтова I: 1-скребло поперечное выпуклое, 2-скребло двойное выпуклое, 3-скребло-остроконечник, 4-скребло двойное прямо-выпуклое, 5-галечное орудие, 6,7-скребла выпуклые, 8-галечный нуклеус, 9-обломок листовидного остряка.

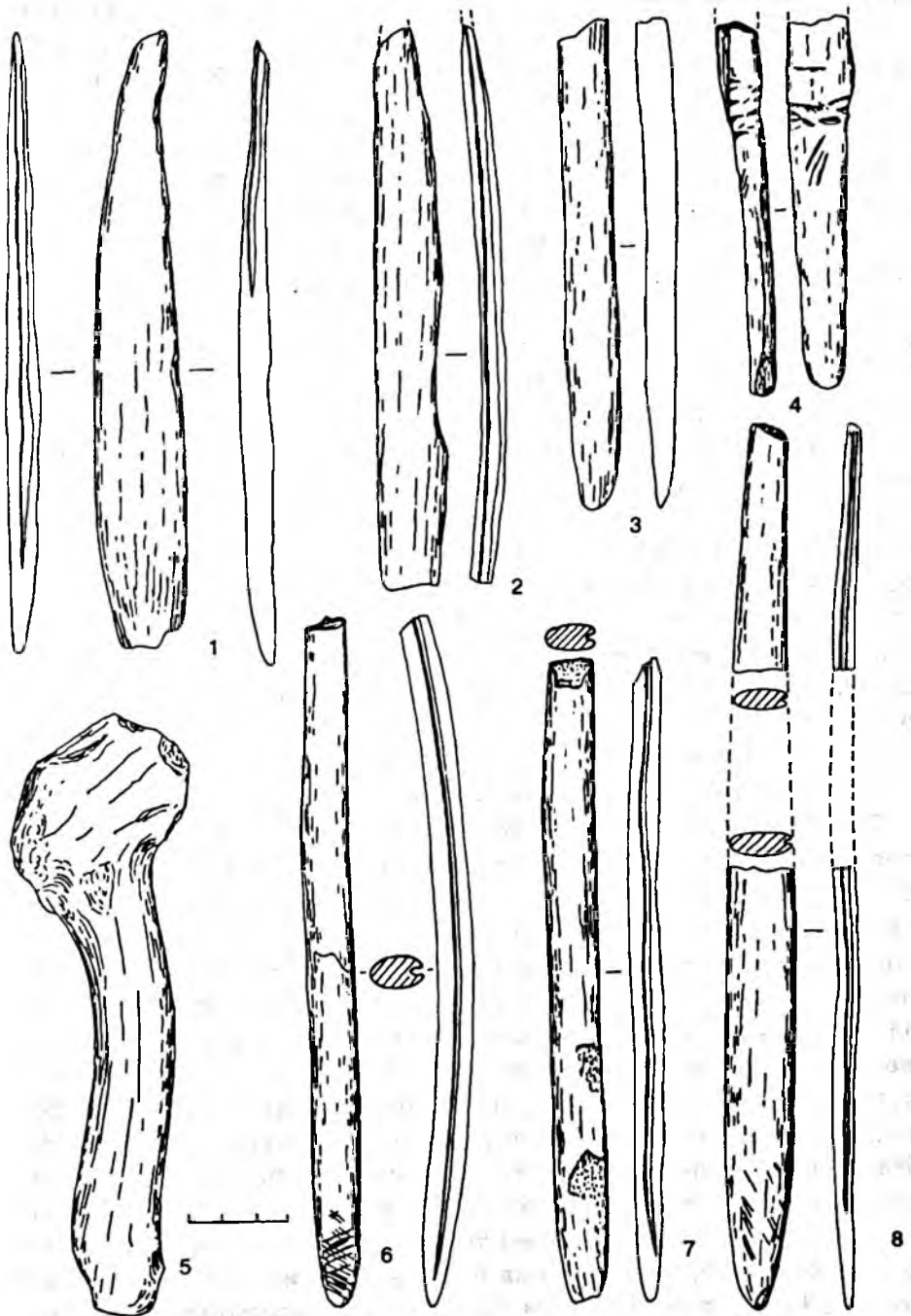

Табл. II. Костяной инвентарь Афонтовой I: 1, 2, 8 - уплощенные наконечники с пазом, 3 - овальный наконечник без паза, 4 - изделие из рога, 5 - обломок рога оленя (колотушка), 6, 7 - овальные наконечники с пазом.

толстой ветви рога, в месте облома зазубрина, а более тонкая ветвь как бы образует рукоятку. Видимо эти изделия И.Т.Савенков называл "фасеточными молотками". 5.278-26. Обломок рога оленя с частью толстой ветви. Напоминает молоток-колотушку. Поверхность, которой могли наносить удары, забита и сильно заглажена (табл. II,5).

Большую серию костяных изделий составляют орудия, условно называемые наконечниками. Очень многие из них были наконечниками копий, но некоторые могли быть ножами и кинжалами. Классификация наконечников возможна по различным признакам. Во-первых, можно делить на две группы по форме поперечного сечения. Во-вторых, дополнительно наконечники можно делить на две группы в зависимости от наличия или отсутствия паза для вкладышей. Форма поперечного сечения бывает либо очень уплощенная, близкая к эллипсу, с отношением короткой и длинной оси как 1 : 3 и более, и, другой вариант, овальная, с отношением осей, т.е. практически толщины к ширине наконечника как 1 : 2 или около того. Плоские и округлые в сечении наконечники выделял еще в 1892 г. И.Т.Савенков (Архив МАЭ, док. к колл.3298, записная книжка №4 и Савенков, 1892, с.16). В коллекции Афонтовой Горы I из 10 наконечников 8 имеют паз для вкладышей, на одном паз начат, но не доделан, и один не имеет паза. По форме сечения все наконечники делятся на 4 уплощенных и 6 овальных.

Наконечники, уплощенные в сечении.

Имеется только вариант с пазами для вкладышей.

1. Коллекция МАЭ 278, № 3. Наконечник с пазом, острие, вероятно, шиловидное, судя по углу схождению боковых краев сохранившейся части. Наконечник сделан из рога. Был разломан на несколько кусков, два из которых попали к И.Т.Савенкову. Длина сохранившейся части около 260 мм, наибольшая ширина (ближе к черешку) 22 мм, толщина 6 мм. Паз для вкладышей идет вдоль ребра, не доходя до онования 30 мм. Глубина его 3 мм, ширина по верху 2 мм, дно несколько уже. Одна сторона орудия плоская, другая слегка выпуклая. Конец (черешковый) уплощен, тщательно выструган и, возможно, был шлифован (табл. II,8). 2.238-1. Наконечник, по-видимому, такого же типа. Он был разломан и использован еще для каких-то целей, т.к. на нем видны следы ударов по облому. Острый конец тоже обломан и приострен. Сечение - уплощенное, одна сторона более выпуклая. Длина 163 мм, ширина 19 мм и толщина 7 мм. Паз идет вдоль всего края. Ширина до 3 мм, глубина тоже 2-3 мм. Сохранился плохо - поврежден корнями. Местами виден налет темного цвета (табл. II,3) 3. 278-11. Обломок наконечника с пазом, сечение уплощенное. Обломан нижний конец. Сделан из рога, впоследствии винтообразно искривился. Острие ланцетовидное. Паз начинается в 35 мм от острия и идет вдоль всего ребра. Ширина паза 2 мм, глубина 3 мм, с одной

стороны дно паза углублено ступенькой. Размер: 242 x 20 x 7 мм. 4. 278-2. Плоское орудие, сделанное, по-видимому, из части ребра. По одному краю идет паз почти по всей длине (не доходит до основания 27 мм), по другому краю паз идет от острого конца на 70-80 мм, далее плавно выходит на поверхность. Ширина пазов около 2 мм, глубина до 3 мм. Поверхность была пришлифована, но сильно повреждена корнями. В отличие от вышеописанных, это орудие, видимо, являлось ножом. Размер: 183 x 27 x 8 мм. (табл. II,1).

Наконечники, овальные в сечении. Вариант с пазами.

1. 278-10/2. Наконечник, по-видимому, из рога. Конец обломан, поперек сохранившейся части имеется трещина, весь наконечник плавно искривлен. Паз протянут по всей длине края, глубина его до 4 мм, ширина по верху 2 мм, на дне - 1-1,5 мм. Сохранившийся черешек плавно заострен, на плоских сторонах его видны поперечные, слегка наклонные неглубокие пересекающиеся насечки. Размер 210 x 15 x 10 мм (табл. II,6). 2. 278-12. Обломок точно такого же наконечника. Паз вдоль края не доходит до сохранившегося конца, в 37 мм от него сворачивается и в 20 мм исчезает. Глубина паза в средней части до 3 мм, ширина 2-2,5 мм. Поверхность орудия была тщательно пришлифована. Размер: 190 x 15 x 9 мм (табл. II,7). 3. 278-6. Плохо сохранившееся острие наконечника с пазом. Паз широкий до 3,5 мм и глубиной до 3 мм. Дно его скруглено, возможно, это вторичные изменения, т.к. обломок плохой сохранности. Размеры: длина сохранившейся части 83 мм, ширина 12 мм, толщина 6 мм. 4. 278-9. Наконечник из рога с пазом на острие. Кончик острия обломан, сохранилась средняя часть без черешка. Приострение наконечника плавное, шиловидное, в отличие от вышеописанных, от которых сохранились только черешковые части. Размер фрагмента: 160 x 12 (в средней части) x 7 мм.

Наконечники, овальные в сечении.

Вариант без паза.

1. 278-5. Фрагмент наконечника переходного от наконечника с пазами к типу без пазов. Вдоль одного края незаконченный паз. Размер: 105 x 16 x 10 мм. Разрез Клыкова. 2. 278-4. Фрагмент наконечника без паза. Сохранилась часть со слегка уплощенным и плавно закругленным черешком. Поверхность наконечника была остругана, но сильно повреждена корнями растений. Размер: 162 x 15 x 9 мм (табл. II,2).

Имеется еще одно орудие - колл.281 №23. Это изделие сделано из части продольно расколотого и оструганного рога оленя. Один конец сужен, на более широком конце заметен вырезанный неглубокий и широкий поперечный желобок. Ниже его идет сужение наподобие черешка, конец слегка скруглен. Поверхность сильно повреждена. Верхней широкий конец имеет свежий излом.

Судить о назначении орудия трудно. Размер: 115 x 13-21 x 9 мм (табл. II,4).

Как видим, эта небольшая коллекция со стоянки Афонтова Гора I не содержит форм, которых бы не было в любой крупной коллекции енисейского палеолита. С другой стороны, в ней отсутствуют скребки, микронуклеусы, микропластинки и мелкие формы, что легко объяснимо методом сбора материала: они попросту не попали в коллекцию.

Орудия Афонтовой I представлены главным образом выпуклыми скреблами, сделанными из отщепов и галек, и двойными скреблами на отщепах. Костяной инвентарь характеризуется преобладанием уплощенных в сечении наконечников с пазами для вкладышей.

Незначительный материал не позволяет точно датировать стоянку. Стратиграфически Афонтова I, залегающая в нижней части первого лессовидного слоя, может считаться древнее верхнего слоя Афонтовой II. Костяные наконечники представлены как уплощенными наконечниками с пазами, так и овальными с пазами и без них. Эти признаки сближают Афонтову I и с основным слоем Афонтовой III, и, в меньшей степени, с нижним слоем Афонтовой II. Более молодой возраст, чем нижний слой Афонтовой II, подтверждается стратиграфией стоянки. Видимо, такое не очень определенное место - между верхним и нижним слоем Афонтовой II и занимает стоянка Афонтова Гора I, то есть около 13-14 тысяч лет назад.

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА АФОНТОВА ГОРА II.

Стоянка Афонтова Гора II занимает самую юго-западную часть склона горы, обращенной к Енисею (Ауэрбах, 1930). Сейчас только здесь можно наблюдать полный разрез верхней части террасы. С юга участок склона подрыт для проведения дороги и установки мачты высоковольтной передачи, с юго-востока участок склона и выходы культурного слоя засыпаны и укреплены при строительстве лестницы к музею - бывшей библиотеке Юдина. При проведении железной дороги в двадцатых годах значительная часть склона была снята, в результате чего и получился крутой обрыв (дорога проходит от него метрах в пятидесяти), а ранее склон спускался более полого к древнему, теперь заполненному наносами руслу Качи (рис.3).

В разрезах южной части данного участка террасы и теперь можно видеть явные следы оползней. На плане, снятом

Рис. 3. Склон террасы в месте раскопок Афонтовой II в 1925 г. Линия по склону проведена Г.П.Сосновским в 1940 г.

И.Т.Савенковым до того, как территория была застроена, хорошо виден размер оползня (рис.1) - вдоль террасы до 400м и вглубь ее до 150 м (усадебная дача Юдина между двумя овражками). Сползла значительная масса, в результате чего большие участки слоя были изогнуты и получили наклон к горизонту до 40° противоположно склону (Громов, 1948). Как полагает П.Азертс, изучавший новый вскрытый В.Чеха и Н.Дроздовым участок, опоздание могло быть неоднократным. Это предполагал и В.Громов. Самые же верхние слои отложены на сползший блок и залегают согласно склону террасы.

Геология и стратиграфия поселения много лет изучалась В.И. Громовым, открывшим стоянку в 1910 г. (Громов, 1975, с.321), и его заключения не потеряли своего значения до сих пор. Он считает, что поселение “располагается у внутреннего края 15-18 м террасы (второй надпойменной), по-видимому, на размытой(?) поверхности более древней террасы (третьей надпойменной)” (Громов, 1948, с.310). Предположение о размытой поверхности более древней, а именно третьей, террасы возникло на основании того, что, во-первых, кроме Афонтовой II, в других местах Афонтовой Горы по р.Каче прослеживается уступ сорокаметровой террасы, сниженной до 30 метров и, во-вторых, судя по схеме (Громов, 1948, с.326), из-за некоторой разницы в высоте галечниковых цоколей второй и третьей террасы. В.И. Громов считал, что первоначально Афонтова II (нижний слой) располагалась на песчаном берегу третьей террасы, которая подмывалась Енисеем, оползла и частично уничтожилась. Поверх нижнего слоя отложились делювиальные суглинки, в которых находятся прослойки верхнего культурного слоя. В настоящее время из-за застройки почти всей Афонтовой Горы геологическое изучение стоянки затруднено. Как полагал Э.И.Равский (Равский, 1972, с.153), были возможны лишь частичные наблюдения и дополнения (в шестидесятые годы). С.М.Цейтлин считал, что “главное положение В.И.Громова о соответствии стоянки (ее нижнего слоя) покровным образованиям III надпойменной террасы, об одновременности ее нижнего культурного горизонта накоплению осадков II надпойменной террасы, а также о ее позднеледниковом возрасте совершенно справедливо” (Цейтлин, 1979, с.137). Вместе с тем, С.М.Цейтлин добавил ряд уточнений, главное из которых - что выше нижнего культурного слоя залегают аллювий II террасы (с чем трудно согласовать характер отложений - С.А.), а верхние культурные слои находятся в покровных отложениях II террасы (Цейтлин, 1979, с.133-134).

Следует кратко остановиться на хронологии изучения Афонтовой Горы II, изложить ее с такой же подробностью в первой главе было просто невозможно. Судя по записям И.Т.Савенкова, хранящимся в МАЭ и Минусинском музее, он не обнаружил культурного слоя Афонтовой Горы II. И.Т.Савенков не знал о

находках В.И.Громова в 1910-1914 гг. К сожалению, места сборов тех лет трудно установить. В музее г.Красноярска имеется 4 предмета, относящиеся к тому времени, собранные на Афонтовой Горе (в кол.59 № 45 и 72 за 1912 г. и колл.66 - 2 предмета - 1912 г.). Кроме того, в 1912 г. земляными работами была вскрыта часть стоянки, где позднее были участки №№ 1, 1а, 2 и 3. В.И. Громов скупал у рабочих орудия и кости, позднее через С.М.Сергеева поступившие в музей Приенисейского края, эта коллекция под № 110 имеет 97 изделий из камня и кости, и, кроме того, в разделе "рабочие материалы" было указано много разбитых костей животных, обломков камней, осколков и т.д. (см. Опись археологических коллекций Красноярского краеведческого музея). Отдельные замечания в описи позволяют сделать вывод, что большая часть находок относится к Афонтовой II. Эти сборы продолжались в 1913 г. в связи с новыми земляными работами на железной дороге. Позднее к этой коллекции добавились сборы А.Я.Тугаринова, А.Н.Соколова и Г.Мергарта с Афонтовой Горы этого же участка (Ауэрбах, 1930, с.13).

В 1919-1920 гг. Афонтова Гора осматривалась местными краеведами, систематически производившими сбор подъемного материала. В то время Афонтову Гору изучали Г.П.Сосновский, Н.К.Ауэрбах, В.И.Громов, Г.Мергарт, С.М.Сергеев. Г.Мергарт дал описание найденных им орудий с Афонтовой IV и Афонтовой II, а коллекция С.М.Сергеева с его этикетками, но без подробной документации поступила в 1920 г. в музей г.Красноярска, где хранится под № 118 (23 предмета взяты с глубины 10 м, у подножия горы, соответствующему месту участка 1 стоянки Афонтова II). В 1919 г. Г.П. Сосновский провел рекогносцировочные раскопки участка 3, результаты которых использовал Б.Э.Петри в своей публикации по палеолиту Сибири (Петри, 1922). Поступления подъемного материала в 1920-1922 гг. были незначительными. В 1923 г. на территории памятника Афонтова Гора II должны были производиться крупные земляные работы. Это заставило срочно начать раскопки, и в 1923 г. Н.К.Ауэрбах и Г.П.Сосновский с учениками школы сумели вскрыть 16 кв.м стоянки на участке № 1, 38 кв.м на уч.№ 2, 6 кв.м на уч. № 3, сделать зачистку на уч.№ 4 и вскрыть 12-15 кв.м на уч.№ 5. Раскопки были продолжены в 1924 г. - было вскрыто 42 кв.м на уч.№ 2, в 1925 г. 28 кв.м на том же участке и 4 кв.м на уч.№ 1а. Всего за три года исследовано около 150 кв.м нижнего слоя и 50 кв.м верхнего слоя. За это время с Афонтовой Горы II собрали коллекцию, включающую 1360 каменных и 276 костяных предметов и свыше 6000 предметов палеонтологических находок. Ниже следует описание всех участков (или раскопов, в современном понимании) стоянки Афонтова Гора II.

УЧАСТОК № 1 Афонтовой Горы II. Расположен на склоне Афонтовой Горы, под бывшей дачей Юдина, ближе всех к Енисею.

На прилагаемом плане он занимает пункт с отметками 150 и 152 (рис. 4).

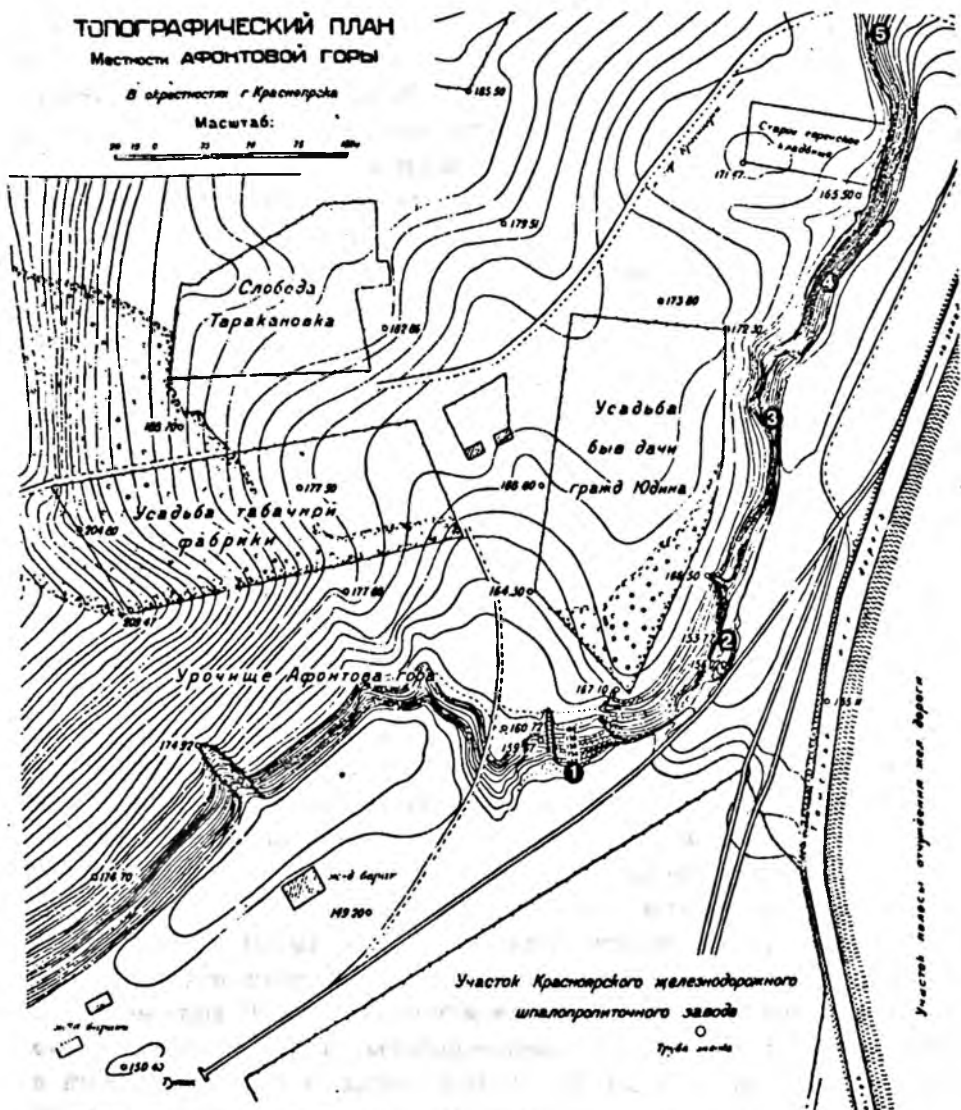

Рис. 4. Топографический план стоянки Афонтова Гора II. По В.И.Громову (1932).

К 1923 г, часть скопления культурных остатков была уничтожена. Верхние слои лесса над сохранившимся культурным слоем также были сняты земляными работами, поэтому полный разрез в верхней части восстановлен и описан В.И.Громовым по аналогии с соседними участками, и в целом **стратиграфия** разреза следующая: "Палево-бурая лессовидная супесь, содержащая редкие раковины наземных моллюсков с многочисленными выклинивающимися прослоями и расплывчатыми охристыми пятнами; она

бесструктурна, обладает вертикальной отдельностью и в нижних горизонтах заметно опесчанивается; иногда содержит небольшие неправильные по очертанию включения чистого серого песка; палевая окраска породы кажется здесь более интенсивной благодаря обилию железистых прослоек и пятен, так что вся порода представляется как бы расписанной причудливым узором, яркими желтыми полосками, переплетающимися между собой в самых разнообразных направлениях. В основании этого горизонта обнаружены культурные остатки - индустрия и фауна, идентичные участку № 2 слою С₃. Они приурочены к двум уровням находок на расстоянии один от другого в 110 см. В залегании культурных остатков наметился достаточно ясно уклон к ССЗ" (Громов, 1932, с.154). Мощность всей толщи не менее 7 метров. На фиг.153 (Громов, 1948) показан схематический разрез через участок № 1. Ниже этого слоя залегает песчано-глинистый переслой мощностью 1,60 м. Под ним - галечники до уреза воды, мощность их 13,3 м. Высота террасовидного уступа достигала 21 м. В описанном разрезе обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, слой 2 - супесь с культурными горизонтами - залегает с наклоном в сторону, противоположную склону. Во-вторых, слой 3, песок с гравием - не выходит на поверхность в продольном обнажении террасы, а маскирован наползшей супесью. Именно оползновыми явлениями объясняет эти особенности стратиграфии В.И.Громов.

Первый раскоп, или участок, был вскрыт на площади 16 кв.м. Культурные остатки встречаются на двух основных уровнях залегания. Эти горизонты с культурными остатками и стерильными прослойками Н.К.Ауэрбах и Г.П.Сосновский объединяли в один полутораметровый "культурный слой" (Сосновский, 1935), что следует иметь в виду при сравнении описаний участка в разных изданиях. В этой толще можно было видеть до 5 гумусированных прослоек мощностью 5-25 см, разной степени окраски - от коричневатой до ярко-черной. Стерильные прослойки супеси были до 55 см толщиной. Среди гумусированных прослоек особенно заметны были две, верхняя и вторая, средняя. Именно они даны в описании В.И.Громовым. Он же приводит расстояние между горизонтами в 110 см. В дневнике Н.К.Ауэрбаха есть сведения о двух уровнях залегания - на глубине 120-140 см и 340-365 см от дневной поверхности искусственного уступа. Им же отмечено скопление культурных остатков на глубине 265 см. (Дневник раскопок Афонтовой Горы южного склона, рукопись Н.К.Ауэрбаха. Архив ИИМК, ф.42, № 388). Культурный слой залегал с сильным наклоном вглубь горы. Г.П.Сосновский в 1919 г. видел сохранившуюся часть слоя, которая имела угол падения в 40-45° и, по-видимому, образовывала мульдообразное углубление в 1,5-2 м. Часть этого углубления была размита еще в древности. В настоящее время можно наблюдать две прослойки у основания террасы. Фауна культурного слоя (всех горизонтов) описана В.И.Громовым

совместно с другими участками. Встречались кости мамонта, северного оленя, песка, сайги, зайца.

Верхний горизонт находок на глубине 130-140 см от уступа представлен обломками трубчатых костей, каменными осколками, кусками и плитками сланца, орудиями из кости преимущественно на кв.3,4. Песок, в котором залегают обломки и осколки совместно с золой и углями, окрашен в темный цвет. Этот окрашенный горизонт "заметно падает внутрь горы". (Дневник раскопок... Архив ИИМК, Ф.42, № 388). Второй горизонт в траншее у края обрыва прослежен на глубине 3,3-3,65 м. Площадь, вскрытая на этой глубине, разделена на семь квадратов. На кв. 6,7 слой имел толщину 15-20 см и был окрашен прослойками угля и золы в темный цвет. В слое встречаются линзовидные включения песка. Находки - обломки костей, некоторые со следами пребывания в огне, кусочки охры, отщепы, орудия. Далее, на квадрате 5 слой утоньшается до 6 см и около полуметра проходит в опрокинутом положении. На кв. 2-4 встречаются отдельные куски угля, золы, редкие находки, но культурного слоя, как на восточных квадратах 6,7, нет. На кв. 5 был найден жезл с круглым отверстием из рога оленя.

Третий горизонт содержал меньшее количество находок, главным образом кости северного оленя. Самый нижний горизонт выражен еще слабее и почти не содержал культурных остатков. Ниже 3.75 м начинается песок, и это - граница культурного слоя. Низ лессовидной супеси и верх песка пронизаны буро-ржавыми прожилками,

Несколько юго-восточнее этого раскопа была сделана прирезка 3 x 1,5 м. В ней, на глубине 3,4 м от поверхности уступа, обнаружены обломки больших костей и каменные осколки. (Научный дневник археологических раскопок Афонтовой Горы и в других пунктах в 1925 г. Рукопись, Н.К.Ауэрбах, запись от 11 июня. Архив З.П.Ауэрбах, Красноярск). Геологически этот слой, состоящий из двух отдельных горизонтов, сопоставляется со слоем С₃ участка 2.

Инвентарь первого участка. Археологическая коллекция состоит из нескольких костяных изделий и около сотни каменных. Большая часть их была зарегистрирована в коллекции 142, ныне хранящейся в Эрмитаже, и один предмет в коллекции 152 под №50.

Полнее всего представлены скребла на расколотых гальках с выпуклым рабочим краем (табл. III, 10-13), иногда двойные, с ретушью по противоположащим краям. Затем следует вторая категория изделий - скребочки на отщепах (табл. III, 1, 2) разного размера и формы, Обычны находки микропластин (табл. III, 3, 4), пластины и отщепы с ретушью (табл. III, 5). Имеются атипичные (табл. III, 14, 15) и угловой резцы (см. Ауэрбах, Сосновский, 1932, табл. IV, 13).

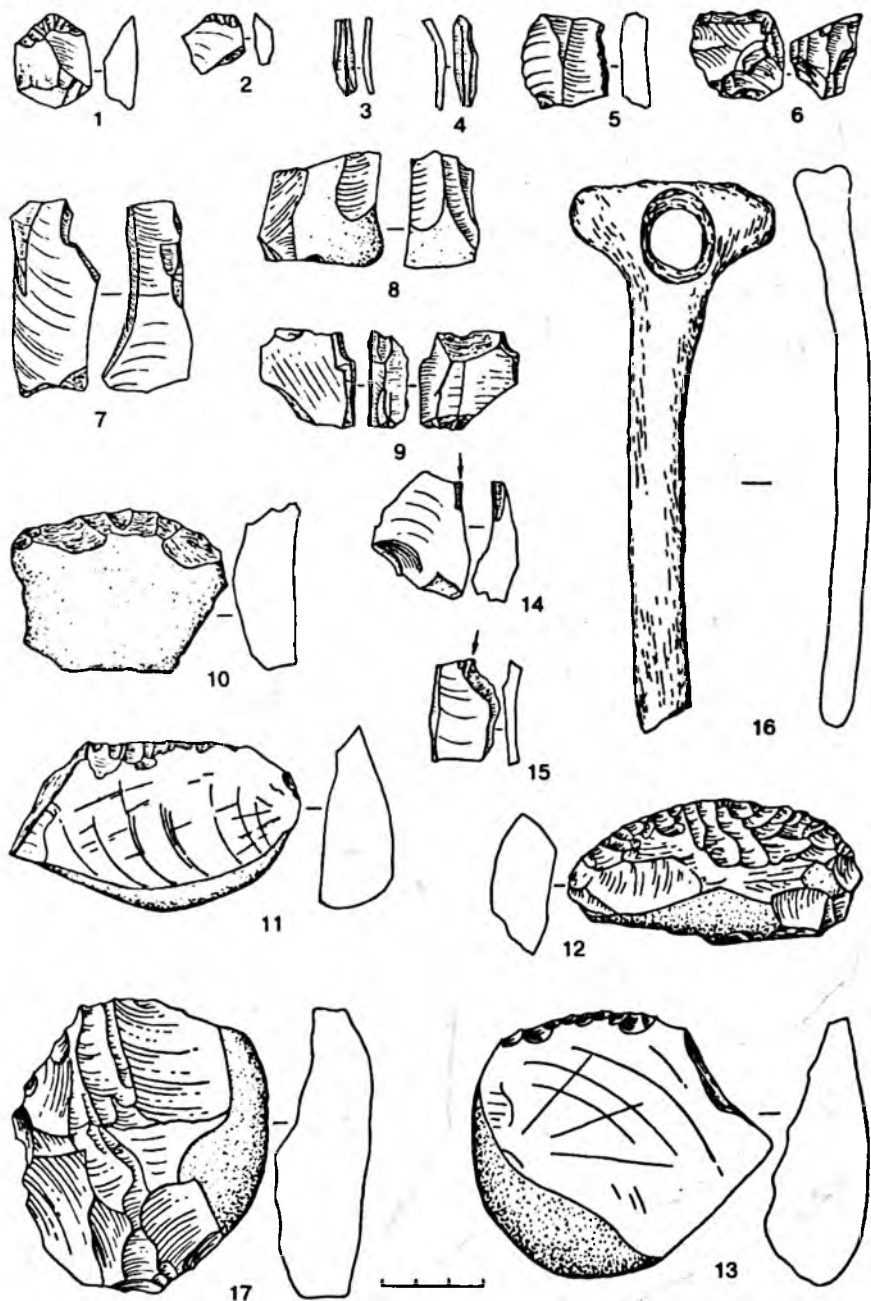

Табл. III. Инвентарь основного слоя участка № 1 Афонтовой Горы II: 1,2 - скребки, 3,4 - микропластинки, 5 - фрагмент пластины с ретушью, 6,9 - микронуклеусы, 7,8 - призматические нуклеусы, 10-13 - скребла, 14,15 - резцы атипичные, 16 - "жезл начальника", 17 - уплощенный одноплощадочный нуклеус.

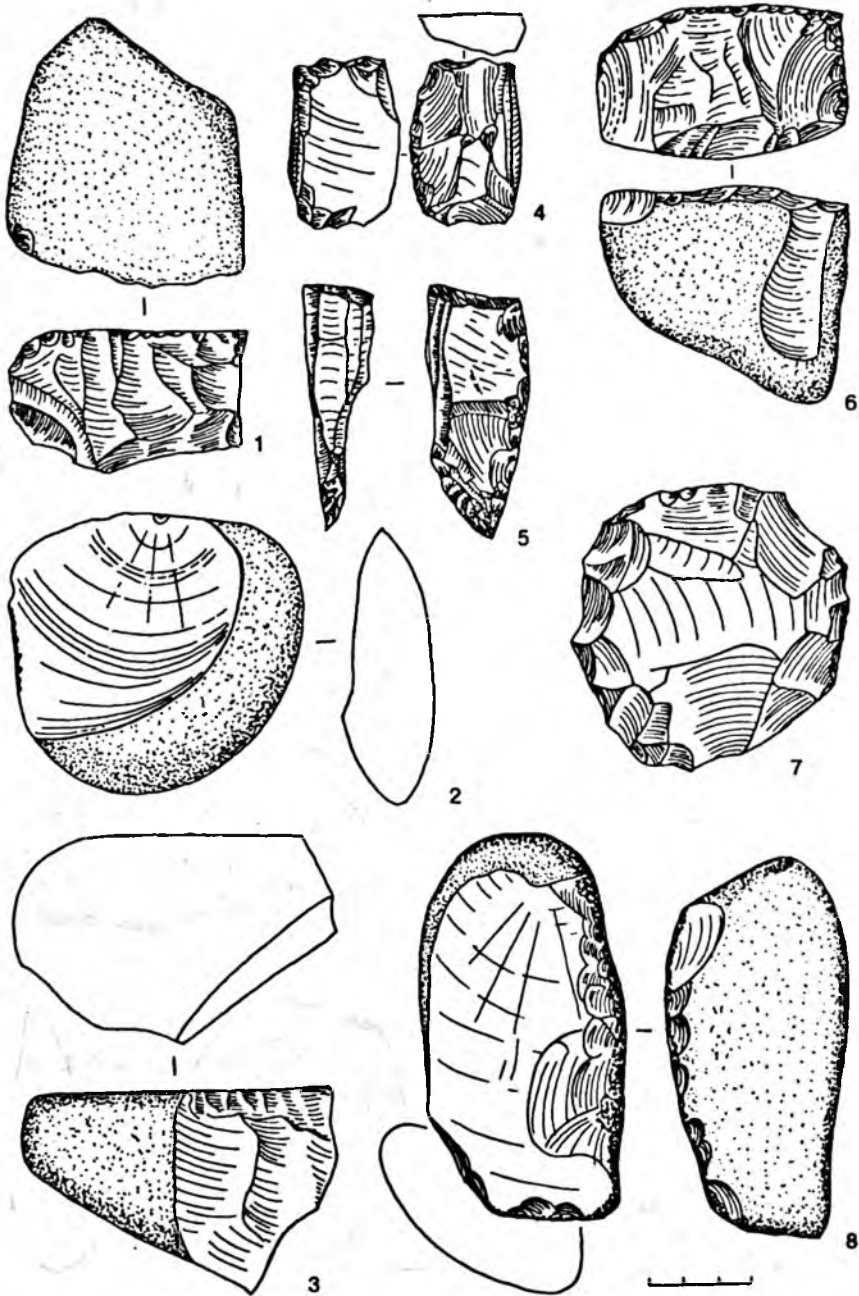

Табл. IV. Инвентарь нижнего слоя (C_3) участка № 2
Афонтовой горы II: 1,3 - галечные нуклеусы, 2 - галька с
негативом одного скола, 4 - микронуклеус, 5 - микронуклеус
на остроконечнике, 6 - нуклеус на гальке, 7 - дисковидный
нуклеус, 8 - отбойник.

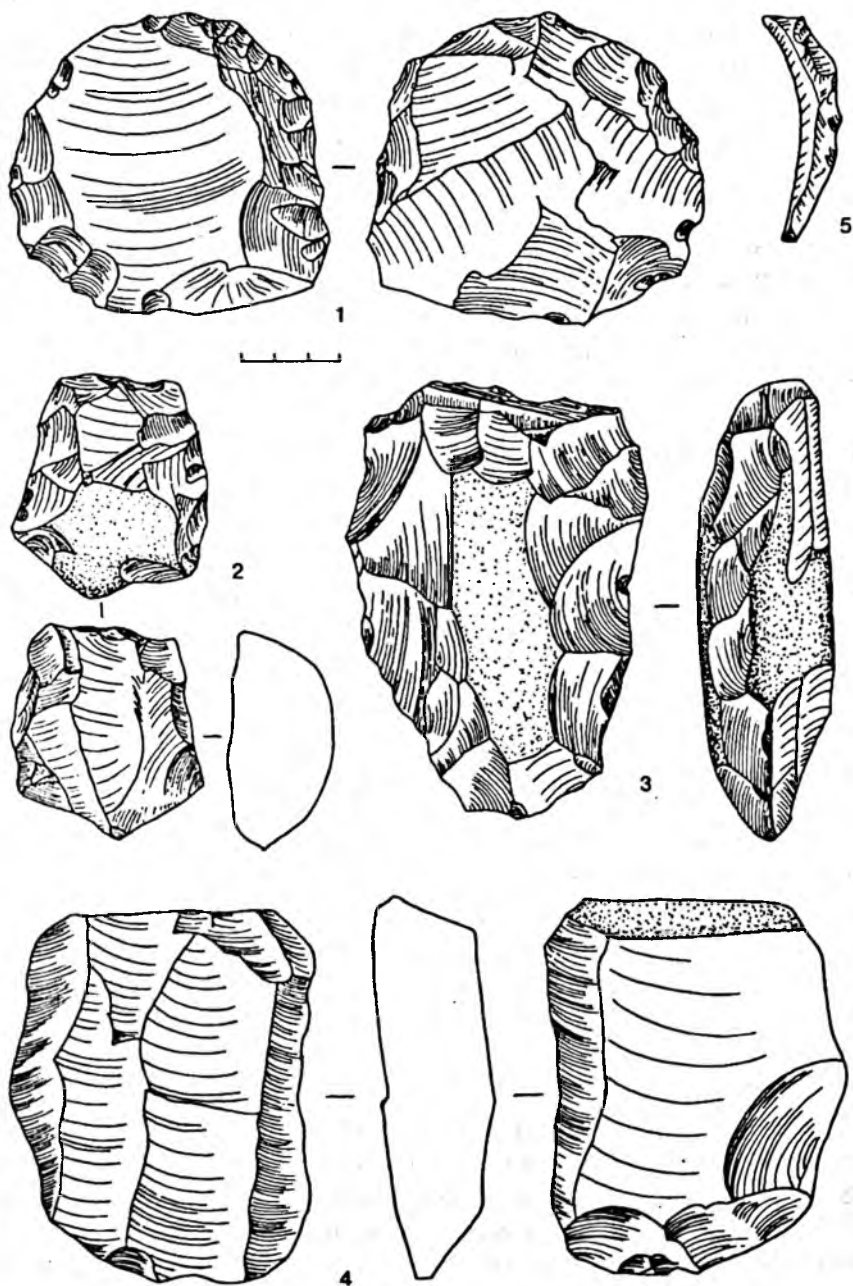

Табл. V. Инвентарь нижнего слоя участка № 2 Афонтовой Горы II: 1 - нуклеус типа "леваллуа", 2 - нуклеус односторонний одноплощадочный, 3 - заготовка нуклеуса, 4 - нуклеус односторонний одноплощадочный для пластинок, 5 - реберчатый скол.

Нуклеусы представлены торцовыми для микропластин (табл. III,6,9), небольшими призматическими (табл. III,7,8) и крупным уплощенным одноплощадочным (табл. III,17). Среди костяных поделок наиболее интересны два изделия из рогов оленя типа “жезла начальника” (табл. III,16), шило и обломок наконечника с пазом для вкладышей (см. также Ауэрбах, Сосновский, 1932, табл. VIII,4 и фиг.9 стр.87).

УЧАСТОК 1а был заложен в виде траншеи глубиной около 1 м, длиной 2 м и шириной 1 м у основания старой железнодорожной выемки между 1 и 2 участками. (Научный дневник..., запись от 9 июня 1925 г.). При раскопках присутствовал сын И.Т.Савенкова, поэтому участок иногда назывался “Савенковским”. Был обнаружен культурный слой, но находок не было, хотя траншею расширили до 4 кв.м. (О раскопках Н.К.Ауэрбаха, Г.П.Сосновского и В.И.Громова близ города Красноярска. Архив ИИМК, фонд 192, №167).

УЧАСТОК № 2 Афонтовой Горы II. Наиболее значительные раскопки Афонтовой II были произведены на участке № 2 - на плане у отметки 153,77. Он расположен на восточном склоне Афонтовой Горы, в 85 м к СВ от уч.№ 1. За 1923-25 гг. было вскрыто 158 кв.м. При этом нижний слой был вскрыт на площади 108 кв.м. Раскоп протянулся вдоль обрыва на 35 м, вглубь от 3 до 5 м. После 1925 г. на этом участке раскопки не производились. В 1933 г. В.И.Громов осматривал Афонтову Гору и между участками № 1 и № 2 наблюдал культурный слой. Но Афонтова Гора тогда быстро разрушалась, и летом 1934 г. Г.П.Сосновский уже не видел выхода культурного слоя. Позднее, в 1937 г. на Афонтовой Горе были подготовлены разрезы для участников Сибирской экспедиции XVII Международного геологического конгресса. Наконец, осенью 1940 г. Г.П.Сосновский обнаружил незначительные остатки культурного слоя около участка № 2.

После Второй мировой войны Афонтова Гора осматривалась Э.Р.Рыгдылоном, М.П.Грязновым и другими археологами, но раскопок на ней также не производилось. Поэтому сводная работа 1932 г. и отчеты, имеющиеся в архиве ИИМК, сохраняют основное значение для понимания особенностей этого участка Афонтовой Горы. Участок 2 был тогда наименее поврежденным и наиболее полно характеризует поселение Афонтову II, ее стратиграфию, условия накопления культурных остатков, комплекс фауны, каменные и костяные орудия.

Стратиграфия участка 2. Ниже приводимый геологический разрез В.И.Громов считает наиболее типичным (рис. 5) для всей Афонтовой Горы и наиболее полным (Громов, 1948, с.311). Описание сокращено автором.

”1). Тонкозернистый песчанистый пористый лесс, палеосерый, содержащий известковистые трубочки (“журавчики”) и раковины наземных моллюсков (*Succinea oblonga* Drap., *Vallonia*

Афонтова II

участок 2

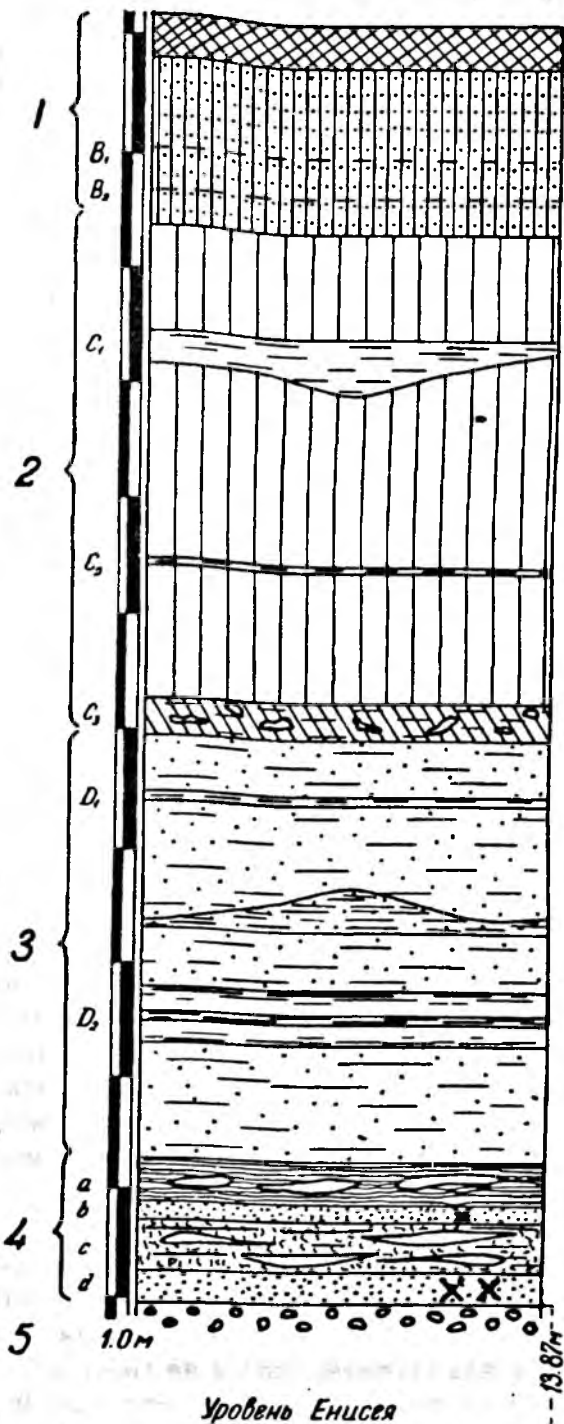

Рис. 5. Стратиграфия западной стенки участка 2 Афонтовой Горы II по В.И.Громову.

tenuilarbis, Pupilla sp.) иногда в виде многочисленных скоплений всех 3-х видов; обладает ярко выраженной вертикальной отдельностью. В верхней части благодаря гумусовой окраске переходит в более желтый современный подпочвенный и почвенный слой, с тонкими дерновыми покрытиями. В нижней части на глубине около 1,5 м от поверхности земли, обнаружен ясно выраженный горизонт культурных остатков... Общая мощность лессового горизонта, достигающая на раскопе № 2 1,75 м, постепенно возрастает к подошве 100-метровой террасы.

2. Палево-бурая лесовидная супесь с многочисленными тонкими, быстро выклинивающимися ржавого цвета прослойками и такими же расплывчатыми пятнами, обильно пропитанная известью, которая встречается и в виде тонких прослоек или шарообразных конкреций до 3-4 см в диаметре. Содержит редкие остатки тех же наземных моллюсков, что и в горизонте 1. Бесструктурна, обладает вертикальной отдельностью и светлеет при высыхании. В верхней части этого горизонта залегают два темных слоя C_1 и C_2 - первый на

глубине 1 м, второй около 3 м от контакта с горизонтом 1. Оба прослоя содержат культурные остатки и имеют падение к западу в среднем 15-18°. Местами кажутся разорванными и смятыми, несколько ниже обнаружены обрывки слоя С₀. В основании описываемого горизонта залегает мощный культурный слой С₃. Он по мере углубления в террасу меняет западное падение на восточное и таким образом, обнаруживает синклинальный изгиб с наклоном его крыльев 25-30°.

3. Палево-серая супесь с тонкими илистыми прослойками, быстро твердеющая на воздухе и обнаруживающая местами заметную слоистость, бурно вскипает в HCl. Раковины наземных моллюсков (*Succinea*) были находимы здесь весьма редко и то лишь на обнаженной поверхности. Ниже наблюдались два темных гумусированных прослоя Д₁ и Д₂, в которых не было найдено никаких культурных остатков. Верхний из этих слоев Д₁ с падением 12-15° к западу и мощностью до 0,5 м залегал на 2 м выше второго, обладавшего мощностью 0,2 м и падением 10-12°. Ниже Д₂ на 0,55-0,60 м было обнаружено линзовидное включение песка до 0,4 м мощностью, содержащего тонкие выклинивающиеся прослойки глины. Такие же глинистые прослойки вместе с бледными ржавыми полосками наблюдались в данном горизонте и выше только что упомянутой песчанистой линзы. Непосредственно под Д₂, кроме глинистых прослоек, встречаются еще черные (углистые) пятнышки, причем количество примесей уменьшается здесь, и порода становится более песчанистой (на ощупь). В основании этого горизонта в одном из прослоев песка была найдена плечевая кость (нижний эпифиз) северного оленя с признаками искусственного разлома, царапинами и следами корней растений, но без какой-либо сглаженности ее острых краев. Общая мощность описанного горизонта около 3,5 м.

4. Супесь, аналогичная горизонту 3, перемежающаяся с более мощными прослоями глины и песка в следующем порядке: а) коричневая глина, весьма сильно твердеющая на дневной поверхности, с редкими ржавыми пятнами и остатками древесины, мощность 0,25-0,35 м. б) светлый песок с остатками мамонта, мощность 0,15-0,25 м. в) легкая супесь с углистыми примазками, тонкими песчанистыми прослойками и ржавыми полосками; мощность до 0,45 м. г) серый песок.

5. В основании всей толщи залегает речной галечник, смешанный с песком; верхняя поверхность его, так же как и все перечисленные выше прослои имеет в этом месте наклон около 10 градусов к северо-западу. Наблюдалась только верхняя его поверхность, возвышающаяся над уровнем Енисея на 13,87 м".

Хорошо видимое на рис. 6 наклонное положение прослоек Д₁, Д₂ и С₃ в данном разрезе В.И. Громов объяснял наличием стариц и проток, которые вызвали наклонное и даже вогнутое залегание прослоек. Он, однако, считал возможным также, что наклонное

залегание прослоев C_2 и C_3 вызвано оползновыми явлениями, но меньшего масштаба, чем на участке № 1 (см. Громов, 1948, фиг. 152 и рис. 6).

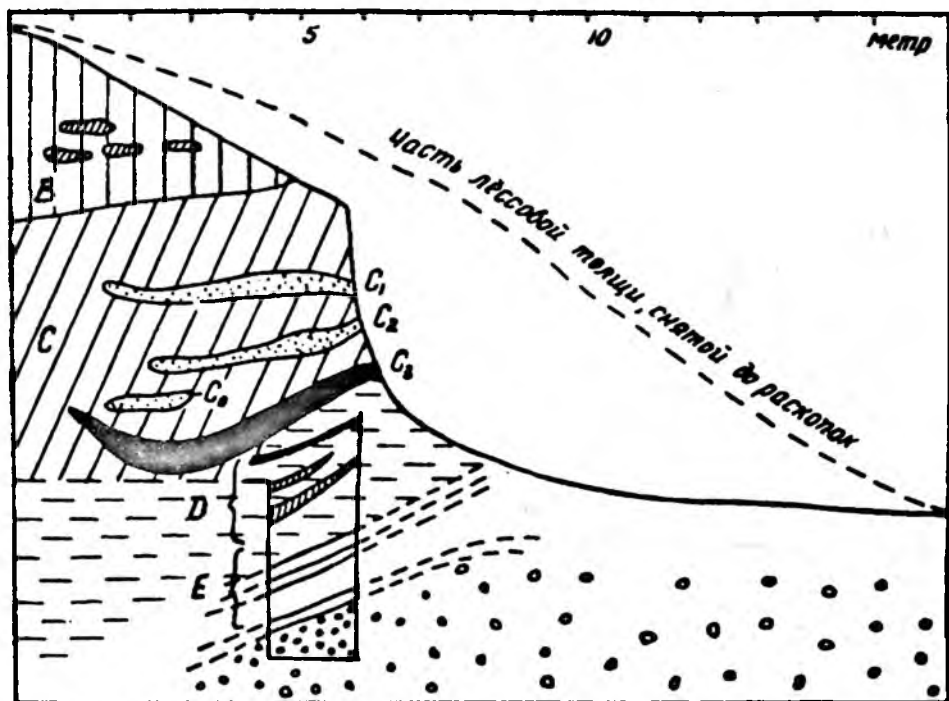

Рис. 6. Разрез террасы Афонтовой Горы через участок 2.
Схема В.И.Громова.

Всего на этом разрезе на различной глубине было прослежено 6 культурных прослоев (B_1, B_2, C_1, C_2, C_3). Н.К.Ауэрбах и Г.П. Сосновский выделяют горизонт B_1-B_2 в слое песчанистого лесса в самостоятельный верхний слой, а C_3 в лессовидной супеси в нижний культурный слой.

Верхний слой (B_1-B_2) Афонтовой Горы II участка № 2. Культурный слой B_1-B_2 залегал на глубине 1-1,5 м у внешнего края раскопа (на 75-80 см ниже почвенного слоя). Во внутренней западной части раскопа лессовидный слой (первый слой или слой В) становится более мощным, и глубина залегания культурного слоя B_1-B_2 увеличивается до 3,73 м. На раскопе площадью 50 кв.м исследователям удалось обнаружить как отдельные каменные осколки и разбитые трубчатые кости животных, так и скопления их. В местах скоплений костей и осколков камня песчанистый лесс был окрашен в ровный черно-бурый или темно-серый цвет. Здесь он обычно имел толщину до 5 см. В культурном слое попадались угольки, зола, пережженные обломки костей и "задымленные камни". (Предварительный отчет о раскопках Афонтовой Горы,

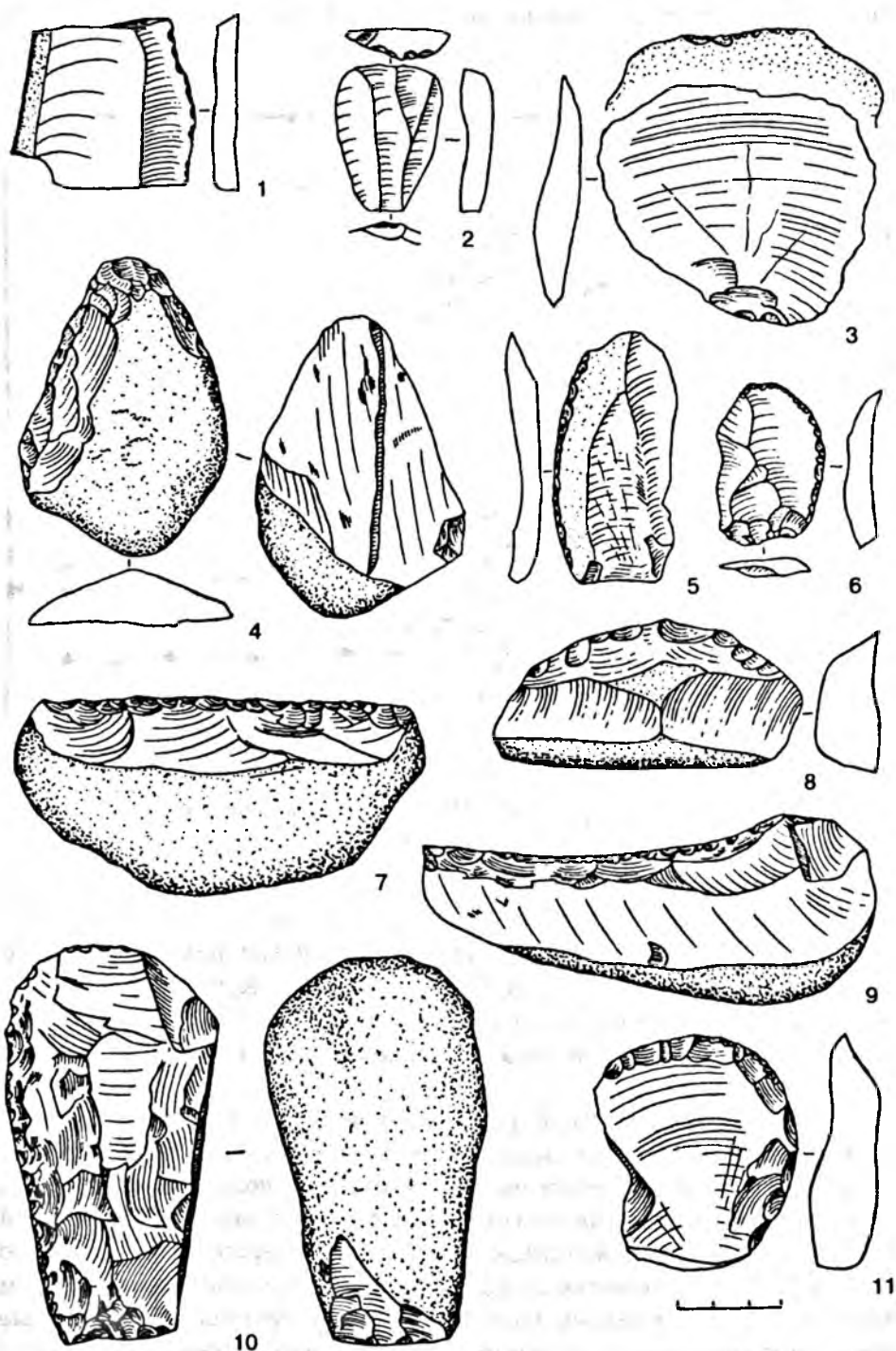

Табл. VI. Инвентарь нижнего слоя участка № 2 Афонтовой Горы II: 1 - фрагмент пластины, 2,3 - отщепы, 4-9 - скребла боковые, 10 - рубящее орудие, 11 - скребло поперечное.

произведенных летом 1924 г. Н.К.Ауэрбахом и Г.П.Сосновским. Архив ИИМК, оп.187, 1924, № 157). Все же единого горизонта залегания находок нет - они встречаются от уровня В₁ до уровня В₂ (между ними 35 см), т.е. до перехода слоя В в слой С. Горизонт находок залегает согласно склону террасы. Исследователи отмечают, что "следов размыва или иных нарушений первоначального залегания находок не обнаружено" (Ауэрбах, Сосновский, 1932, с.66).

Фаунистические остатки немногочисленны, это обломок конца бивня мамонта плохой сохранности, два клыка волка, кости северного оленя, зайца, бизона, лошади. Среди неопределимых костей имеется свыше 100 обломков трубчатых. Кости окрашены в светло-желтый цвет, они не окатаны, древесные угли из слоя В₁-В₂ были подвергнуты специальному анализу, при этом была определена только лиственница (Гаммерман, 1932).

Каменные изделия, встреченные в слое В₁-В₂, покрыты густым известковым налетом, в отличие от изделий нижнего слоя. По Н.К.Ауэрбаху и Г.П.Сосновскому, в верхнем слое было около двух десятков орудий и трехсот осколков. Однако в описи коллекции № 141 Красноярского музея к верхнему слою В₁-В₂ отнесены номера с 842 по 867, затем номера 872, 888, 902, 916, 932, 949, 998-999 и в коллекции 152 с № 40 по 48, т.е. всего 54 изделия. К сожалению, удалось найти лишь несколько орудий, поэтому приходится ограничиться рисунками и описанием Н.К.Ауэрбаха и Г.П. Сосновского. Ниже приводится текст из их совместной работы (Ауэрбах, Сосновский, 1932, с.86, табл.VI). "Материал - речная галька, преимущественно кварц и зеленые яшмовидные и кремнистые породы. На прилагаемой таблице изображены находки верхнего горизонта, представляющие собой серию орудий, различных как по своему назначению, так и по характеру обработки. Большинство орудий скребла, некоторые обработаны грубо (табл.VI,8), другие же более тщательно (табл.VI,7). Обращают на себя внимание: скребла, круто обделанные по полукруглому рабочему краю, дисковидное орудие двухсторонней обработки с заостренным рабочим краем извилистых очертаний (табл.VI,1), клиновидное орудие из куска гальки среднего размера (табл.VI,2 - тесло? - А.С.), орудие с заостренным концом, приготовленное из плоского отщепа (табл.VI,4 - двойное скребло? - А.С.) и двойное орудие - скребок в соединении с проверткой (табл.VI,3). Из мелкой каменной индустрии мы должны отметить прямоугольный концевой скребочек с полукруглым рабочим краем, сделанный из халцедона (табл.VI,13), краевой скребок из кремневого желвака с ретушью по тонкому выпуклому краю (табл.VI,12) и группу орудий нуклевидных форм (типа нуклеуса-скребка и отдельные экземпляры с боковыми сколами - табл.VI,5-6). Среди находок из этого горизонта имеется также ножевидный осколок (табл.VII,9), несколько lames различного размера (табл.VI,10 и 11); из костяных поделок - небольшой стержень со следами надреза у основания".

Средний слой участка 2 Афонтовой Горы 2. Ниже слоя песчанистого лесса (слой 1 или В) с горизонтом В₁-В₂ залегает слой лессовидной супеси (слой 2 или С). (Исследователи опубликовали в 1923 г. разрез со следующими обозначениями: А - почва, В - песчанистый лесс и т.д. Позднее они приняли цифровые обозначения слоев, но иногда использовали и первоначальное обозначение. Соотношение слоев следующее: А, В - 1 слой, С - 2 слой, Д - 3 слой. Цифры в публикациях до 1932 г. римские, в монографии В.И.Громова арабские). На протяжении всей толщи слоя 2 сверху до слоя С₃ встречаются немногочисленные осколки камня и расколотые кости животных, чаще в нижней части. На определенных уровнях культурные остатки приурочены к темным гумусовидным прослоям. Прослой С₁ залегает на глубине 2,7 м (2,35 от нижней границы почвы) ниже дневной поверхности, около 1 м от контакта с горизонтом 1. Выделяется темно-коричневой окраской и редкими угольками лиственницы. Слой не сплошной - иногда разорван и образует небольшие уступчики, местами разветвлен на отдельные более тонкие прослойки, между которыми находится неокрашенная лессовидная супесь. Общая толщина их всех - 35 см.

Слой залегает наклонно (23°) к западу, вглубь террасы. Простирается северо-западное (27°). В нескольких сантиметрах выше слоя "было найдено 8 каменных осколков, два крупных камня со следами обтесывания, обломки разбросанных трубчатых костей, позвонки и тазовые кости неопределенного животного, обломки лопатки молодого мамонта и пяточная кость северного оленя. В небольшом числе раздробленные кости попадались в нескольких сантиметрах и ниже этого прослоя" (Ауэрбах, Сосновский, 1932, с.50).

Прослой С₂ залегает на глубине 4,6-4,7 м от дневной поверхности или около 3 м от контакта со слоем 1 или на 1,6-1,95 м ниже слоя С₁. Он, как и С₁, выделяется на фоне супеси коричневой окраской и угольками. Толщина его 5-6 см. Местами он светлеет и прерывается. Слой также наклонен вглубь террасы (падение западное 19-24°, простирается северо-восточное 29° и восточное 14°). Из-за различного угла падения к склону горы слои С₁ и С₂ ближе к реке почти сливаются. Вглубь горы прослой бледнеет, делаются тоньше и в юго-западном углу раскопа исчезают. В слое С₂ встречены угольки ивы и скопление золы серого цвета, под золой - пятно красной обожженной супеси, что определенно говорит о кострище. "В самом прослое, немного выше и ниже его, вместе с угольками найдены в небольшом числе расколотые кости *Rangifer tarandus*, *o.pelvis bos* Sp.(?), косточка птицы и остатки грызуна *Microtus* Sp., группа каменных осколков и два скребла с выпуклым рабочим краем. Необходимо отметить также нахождение в самом прослое раковин *Pupa* и *Helix*" (Ауэрбах, Сосновский, 1932, с.50)

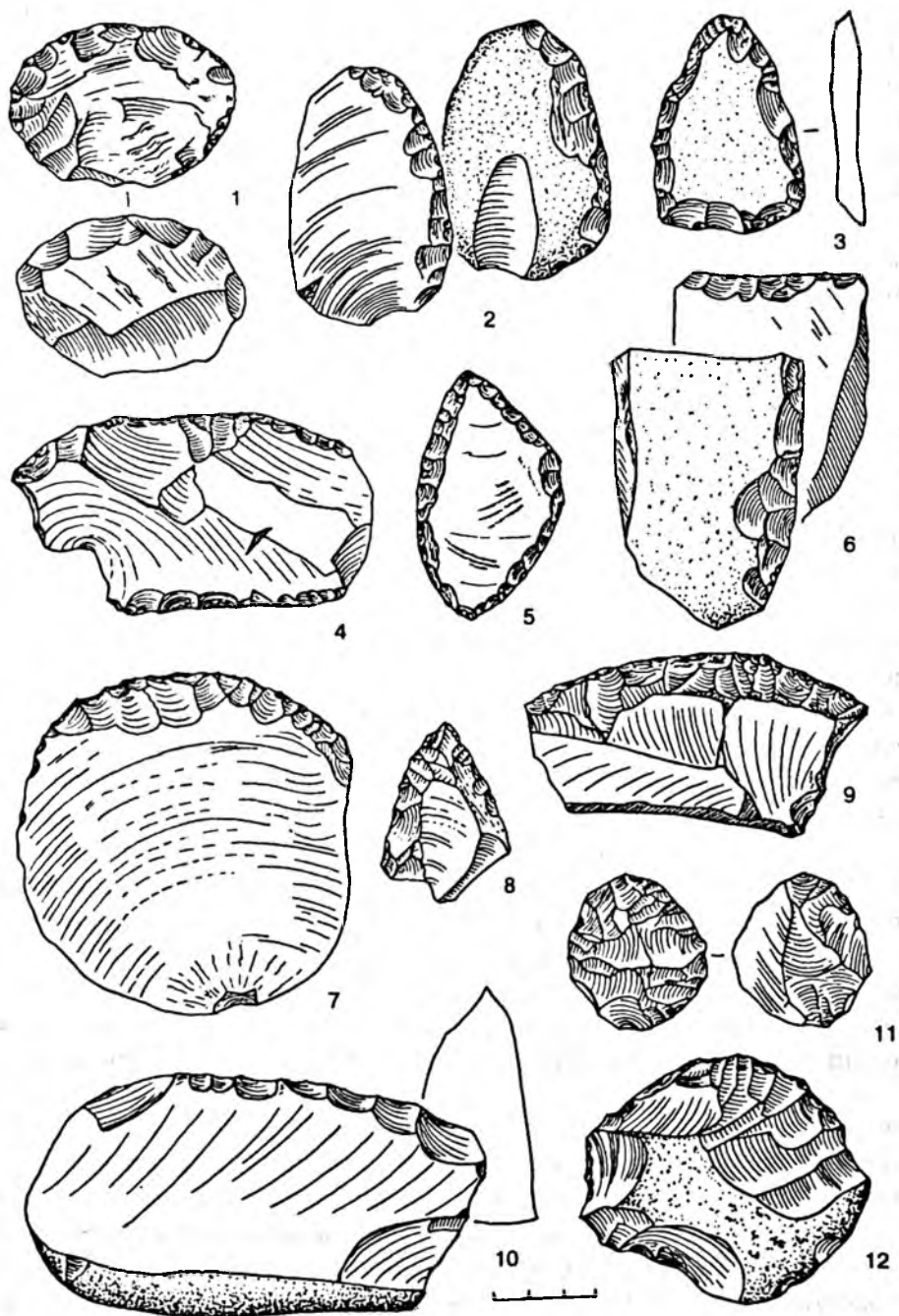

Табл. VII. Инвентарь нижнего слоя участка № 2 Афонтовой Горы II: 1,11 - скребла бифасиальные, 2,4,6 - скребла двойные, 3,5 - скребла с тремя лезвиями, 7 - скребло поперечное выпуклое, 8 - остроконечник, 9 - скребло продольное выпуклое, 10 - скребловидное орудие, 12 - скребло высокой формы.

Эти слои C_1 и C_2 были обнаружены в 1923 г., так же как и C_3 . Поэтому, когда в 1924 г. между слоями C_2 и C_3 нашли еще одну прослойку, ее обозначили C_0 . Горизонт культурных остатков C_0 залегает на глубине 5,15 м от дневной поверхности (по внешнему восточному краю раскопа) или на 70 см ниже слоя C_2 . Он не окрашен, но отчетливо заметен из-за вкрапления угольков. Мощность его всего 2-3 см, культурных остатков в нем немного. Ниже слоя - чистая лессовидная супесь. Три прослоя C_1 , C_2 , C_0 Н.К.Ауэрбахом и Г.П.Сосновским объединены в средний слой Афонтовой Горы II. Они предполагали, что на стоянке периодически жили люди, а в моменты отсутствия стоянка покрывалась песчанисто-илистым наносом. По условиям залегания видно, что средний слой (C_1 , C_2 , C_0) ближе к слою C_3 , чем к V_1 - V_2 . Однако В.И.Громов, признавая самостоятельность слоя C_3 , считает, что "наличие в верхних частях того же горизонта обрывков темных слоев (C_1 , C_2 и C_4 ; $C_4=C_0$ А.С.), удовлетворительно можно объяснить скорее всего значительным оползнем. Эти обрывки были найдены во многих местах той части Афонтовой Горы, где велись раскопки в 1923-1928 гг. Всюду они имеют одно общее направление падения ССЗ и различный угол падения, кроме одного места в усадьбе Телегина у перегиба к 100-метровой террасе, где темный слой, погребенная почва, по-видимому, залегает согласно с современным склоном горы" (Громов, 1932, с.160). В.И.Громов предполагал, что это был не однократный оползень, а повторное перемещение участков лессовидной толщи.

Нижний слой (C_3) участка 2 Афонтовой Горы II. Верхний слой V_1 - V_2 и слои C_1 , C_2 , C_0 дали сравнительно небольшое количество находок. Слой C_3 оказался настолько насыщенным археологическими остатками, что привлек к себе внимание исследователей и был тщательно, насколько тогда было возможно, изучен ими. Нижний слой хорошо заметен в обнажениях и был прослежен на большом протяжении, а именно около 150 м вдоль террасы и около 5 м вглубь от края обрыва. На участке № 2 Афонтовой Горы II слой C_3 достигал 1 м мощности и прослеживался на 25 м вдоль обрыва. Между участками 1 и 2 в 1933 г. В.И.Громов нашел обнажение того же слоя C_3 толщиной до 1,5 м и протяжением около 40 м. На участке или, в современном понимании, раскопе № 2 нижний слой расположен на различной глубине, в зависимости от места замера. Глубина залегания от поверхности у восточного (наружного) края раскопа около 6 м, во внутренней части раскопа, из-за возрастания толщи верхнего слоя супеси и падения слоя C_3 он уже находится на глубине 12 м от поверхности. От слоя C_0 слой C_3 отделен чистой лессовидной супесью около 0,5 м толщиной.

Описание культурного слоя. Слой C_3 отчетливо выделяется в обнажении темным цветом от черного до коричневатого и пепельно-серого (рис. 7).

Окраска его неровная, насыщенность цвета зависит от количества культурных остатков - в местах скопления последних слой чернее, там, где их меньше - слой ровного коричневатого оттенка. "Темная окраска слоя [в плане - А.С.] имела вид пятен различного размера с расплывчатыми очертаниями, внутри которых наблюдалось скопление угольков и золы" (Ауэрбах, Сосновский, 1932, с.51). Скопления же угольков в вертикальном разрезе в бортах раскопа представляют темные полосы. Эти темные пятна чередовались с известковистыми включениями, желтоватым

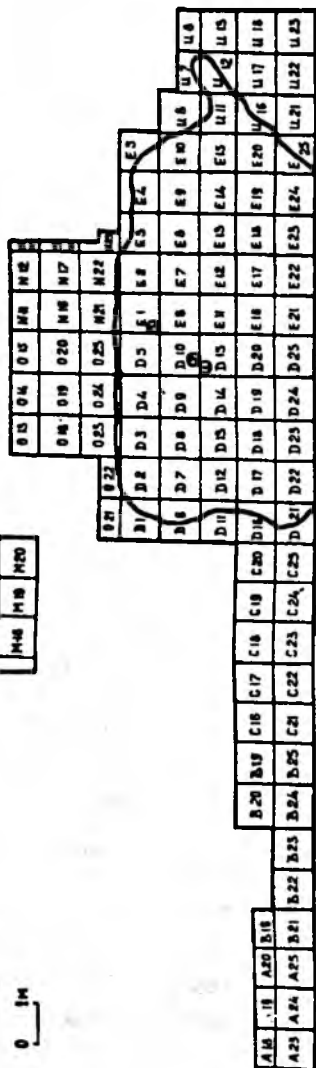
Рис 7. Афонтова Гора II, слой С₃, фото северной стенки раскопа.

песком и буро-ржавой лессовидной супесью. С исчезновением культурных остатков окрашенность супеси теряется. В слое, кроме небольших кусочков древесного угля, встречались тонкие рассыпающиеся пластинки древесины, угольная пыль и зола. Последняя обычно наблюдалась скоплениями, около которых были найдены пережженные обломки костей и кусочки костного угля. Вместе с костями животных, каменными осколками, орудиями из камня и кости попадались небольшие комочки охры, а также раковины наземных моллюсков. Все это перемешано и залегает в лессовидной супеси. Супесь иногда прерывалась линзами песка, а в нижней части слоя встречаются тонкие илестые частицы. Слой супеси довольно пластичен, но насыщен карбонатами. Известковые отложения часто облегают кости животных сплошной коркой. Встречаются также окислы железа.

УЧАСТОК 2

М4	М18	М20
----	-----	-----

0 1м

М25	М26	М27	М28	М29	М30	М31	М32	М33	М34	М35	М36	М37	М38	М39	М40	М41	М42	М43	М44	М45	М46	М47	М48	М49	М50	М51	М52	М53	М54	М55	М56	М57	М58	М59	М60	М61	М62	М63	М64	М65	М66	М67	М68	М69	М70	М71	М72	М73	М74	М75	М76	М77	М78	М79	М80	М81	М82	М83	М84	М85	М86	М87	М88	М89	М90	М91	М92	М93	М94	М95	М96	М97	М98	М99	М100
-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	------

— Траншея восточного скатления мушкетерских востанков

⊙ ⊙ ⊙ Антропогенные находки

Рис.8. План слоя С₃ Афонтовой Горы II. Фотоархив ИИМК.

Следует отметить особенности строения и залегания слоя C_3 . Представим, что слой рассматриваем, начиная от края террасы вглубь (с востока на запад). Вначале слой резко падает под углом $27-35^\circ$, затем начинает повышаться, так что в середине образуется впадина. При этом толщина слоя также меняется - вначале увеличивается, достигая наибольшей в середине впадины, а затем утончается до 4-6 см и исчезает совсем. При этом кости животных и каменные осколки на краевых частях имели несколько наклонное положение. К середине впадины в продольном разрезе слоя (СЗ-ЮВ) видно, что на СЗ конце слой утончается до полного исчезновения и немного повышается, а в ЮВ конце он утончается до 5-15 см и тоже немного повышается. В целом, в продольном разрезе наибольшая толщина слоя (0,7-1 м) была в центральной части, которая слегка углублена по сравнению с краями (см. Ауэрбах, Сосновский, 1932, с.53, фиг.5).

Рассмотрим вертикальный разрез слоя сверху вниз. Верхняя часть культурного слоя имела желтоватый цвет, как и лессовидная супесь. Каменных и костяных остатков было мало, попадались отдельные угольки. Ниже окраска постепенно темнела и переходила в ярко-черную. Культурные остатки встречались здесь в значительном количестве. Местами эта средняя часть слоя отделялась от верха и низа линзовидными включениями песчанистого лесса. Культурный слой в нижней части состоял из нескольких прослоек коричневого цвета, которые были неравны по толщине, невыдержаны в горизонтальном направлении, смыкались друг с другом и были малы по протяжению. Слоистость их подчеркивалась тонкими илистыми пропластками. Именно в этой нижней части встречались массивные кости и зубы мамонта с челюстями, лежащими на дне слоя. Весь слой (в целом) углублен в серый песчанистый лесс Д с илистыми пропластками того же типа, как и в нижней части слоя C_3 . Вместе с тем, исследователи считали, что нельзя делить слой C_3 на три одновременных горизонта, т.к. культурные элементы слоя в различных уровнях одинаковы, типы орудий тоже. Они особенно подчеркивают непереотложенное залегание и отсутствие сортировки материала. С их мнением нельзя не согласиться.

Обогащение культурного слоя на центральной части по мере понижения вначале, до 1932 г., объяснялось тем, что участок мог представлять естественное углубление, постепенно заполнившееся культурными остатками. Это естественное углубление могло быть пересохшим руслом и использоваться неоднократно охотниками за мамонтами, поэтому образовались прослойки. При этом часть культурных остатков сползла впоследствии со склона в эту ложбину. Этот процесс проходил довольно интенсивно и не отделялся далеко по времени от первоначального заполнения углубления. На основании этого исследователи и считали находки в разных горизонтах единым комплексом. В более поздней работе Г.П. Сосновский (Сосновский, 1935) подробно описывает

центральную часть участка № 2, которую считает лагерем палеолитических охотников. При этом культурные остатки, по Г.П. Сосновскому, скапливались вокруг жилья, а кости иногда специально собирались как топливо. Центральное место представляет жилой комплекс, где сосредотачивалась производственная и хозяйственная жизнь. С уходом человека груда отбросов с краев сползла в углубление, борта которого заплыли. Часть крупных костей мамонта попала на дно и прикрыла потерянные вещи. Процесс заполнения происходил неравномерно, кухонные отбросы перекрывались линзами песка - отсюда многослойность толщи. Подобная же жилая впадина, по Г.П. Сосновскому, была на участке № 1 и № 5. Но Г.П. Сосновский почему-то умалчивает о том, что в 1933 г. В.И. Громов наблюдал подобное же явление на большей части пространства между участками 1 и 2. В 1940 г. Г.П.Сосновский наблюдал мощные выходы слоя S_3 еще дальше к северо-востоку, что не позволяет однозначно согласиться с реконструкцией данных

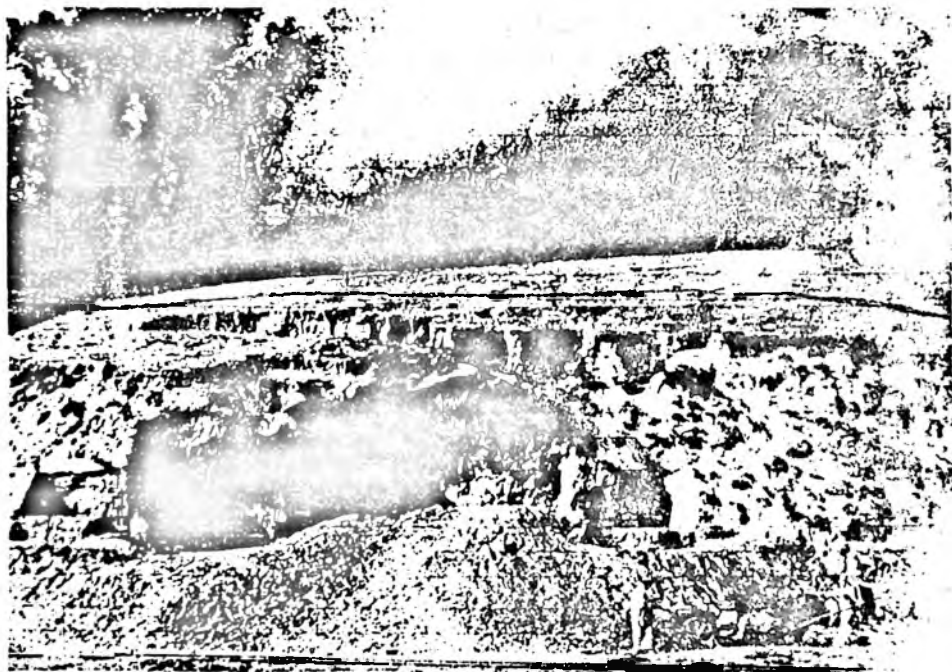

Рис. 9. Фото второго участка Афонтовой Горы II. Линия по склону проведена Г.П.Сосновским вероятно в 1940 г.

скопления как остатков жилищ. Учитывая особенность распространения находок в плане, на котором видна резкая граница контура скопления - можно говорить о площадке обитания (площадь 48 кв.м), но данных для реконструкции жилища полуземляночного типа нет. Имеется план раскопа, на котором очерчена граница центральной части стоянки (рис. 8).

Часть этой площади была уничтожена земляными работами, которые продолжались и позднее, см. рис.9, так что первоначальный размер наиболее насыщенного участка культурного слоя был более 48 кв.м, вероятно около 70 кв.м. За пределами центра стоянки находки встречались реже и почти исчезали на краю раскопанной площади.

Очагов или кострищ не обнаружено, но было много костяных и древесных углей, золы, попадались задымленные камни и обожженные кости. Они образовывали скопления в центральной части раскопа, но небольших размеров и неправильных очертаний. То, что не сохранились очаги, очень важно и может еще раз указывать на очень сильные вторичные изменения культурного слоя. Среди культурных остатков найдено около 1000 каменных изделий (считая и обломки), около 250 костяных изделий, украшения из агальматолита, зубов и костей животных.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ.

В 1923 г. и 1924 г. были найдены на 4-х соседних квадратах следующие остатки двух особей: 2-ой ложнокоренной зуб подростка 11-15 лет, обломок левой лучевой, локтевой, плечевой кости и фаланга взрослого. Расстояние между отдельными костями не превышало 1,5 м. Обломки лучевой и локтевой кости находились на одном квадрате, обломок плечевой - на соседнем, в 1,4 м к СВ. К СЗ от них находилась фаланга, а за ней в 0,9 м дальше - зуб. Эти остатки были изучены В.И.Громовым (Громов, 1929), затем М.П.Грязновым (Грязнов, 1932) и отнесены ими к *Homo Sapiens*. Вывод этот был позднее подтвержден Г.Ф.Дебецем (Дебеч, 1948). Ниже следует краткое описание костей.

1. Левая плечевая кость (*humerus*). Уцелела нижняя треть ее. Эпифиз массивен, наибольшая ширина 64,5 мм. Отмечается, что угол расхождения анатомической и механической осей очень мал (4°), что характерно для неандертальца, но встречается и у современных рас.

2. Левая лучевая кость (*radius*). Сохранилась верхняя треть. Отмечается сильное развитие *tuberositas radii*. Угол отклонения шейки равен $164,5^\circ$, что близко к величинам, найденным для неандертальца, но не выходит за пределы вариаций *Homo Sapiens*.

3. Левая локтевая кость (*ulna*). Сохранился лишь верхний эпифиз (около $1/4$ или $1/5$ длины всей кости). Среди различных признаков наиболее важен указатель платолении, равный 79. У современного человека он около 75-84, у неандертальца около 100. Все три кости от одного сустава. М.П.Грязнов считает, что сустав быя выломан из неразложившегося еще трупа. Он отмечает, что степень развития мускулатуры больше, чем у позднейших обитателей Енисейской долины, но меньше, чем у неандертальцев.

4. Вторая фаланга (второго?) пальца руки. Она не отличается от фаланги современного человека. Определить принадлежность

ее тому же индивиду, от которого остались кости левой руки, не представляется возможным.

5. Второй верхний премоляр левой стороны. Он уже принадлежит другому индивиду, лет 11-15.

Эти находки были сделаны в 1923 и 1924 гг. Позднее, в 1937 г. был найден фрагмент лобной кости с частями носовых костей.

Г.Ф.Дебеч исследовал остатки черепа и подтвердил наличие монголоидного признака, с этим выводом согласен и В.П.Алексеев (Алексеев, 1978, с.187).

Фауна нижнего слоя участка 2.

Многочисленную группу находок на поселении составляют остатки животных (5288 номеров). По подсчетам В.И.Громова (Громов, 1948, с.317), на стоянке сохранились остатки более сотни животных и птиц - 6 мамонтов, несколько десятков северных оленей, песцов, зайцев и других видов в единичных экземплярах.

1. *Rangifer tarandus* (северный олень) - 46 особей
2. *Servus elaphus* (марал) - I особь
3. *Cervus aff. elaphus* (благородный олень) - 2 особи
4. *Capreolus pygargus* (косуля) - 2 особи
5. *Capra Sibirica* (козерог) - I особь
6. *Capra Sp.* (козел) - 2 особи
7. *Ovis ammon* (горный баран) - 3 особи
8. *Saiga tatarica* (сайга) - 2 особи
9. *Bison priscus* (бизон) - 2 особи.
10. *Bos Sp.* (бык) - 1 особь
11. *Canis lupus* (волк) - 2 особи
12. *Canis (canis) sp.* (собака-волк) - 2 особи
13. *Vulpes vulpes* (лисица) - 2 особи
14. *Vulpes lagopus* (песец) - 32 особи
15. *Ursus Sp.* (медведь) - 1 особь
16. *Felis Sp. (spelaea)* (лев или тигр) - 1 особь
17. *Gulo sp.* (россомаха) - 3 особи
18. *Equus (Equus sp.)* (лошадь) - 2 особи
19. *Equus hemionus* (джегитай) - I особь
20. *Elephas primigenius* (мамонт) - 5 особей
21. *Elephas aff.primigenius* (мамонт) - I особь
22. *Lepus (timidus)* (заяц) - 17 особей
23. *Lepus Sp.* (заяц) - I особь
24. *Microtus aff. oeconomus* Pall (полевка-экономка)
- I особь
25. *Microtus (Stenocranius gregalis)* - (полевка Словова)
- I особь
26. *Aves* (птицы) - 25 особей
27. *Succinea oblonga* Drap - 2 экземпляра.

Как правило, все кости носят признаки раздробления, даже челюсти хищников. Некоторые обломки костей сохранили следы действия огня. Н.К.Ауэрбах и Г.П.Сосновский отмечают, что "ка-

кого-либо порядка в расположении костей не наблюдалось” (Ауэрбах, Сосновский, 1932, с.58). На центральных участках они располагались скоплениями, а на остальных участках стоянки более равномерно. Специальной сортировки костей также не отмечено - вместе с костями мамонта попадают мелкие косточки грызунов, птиц, челюстей мелких животных. Кости мамонта почти все, за небольшим исключением, были найдены на центральной углубленной части стоянки. Несколько позвонков иногда располагались рядом, так же как и обломки и осколки бивней. Было найдено 32 коренных зуба, которые обычно залегали попарно вместе с обломками бивня, межчелюстными костями и остатками черепа. Несколько челюстей было найдено целиком. Из других костей мамонта можно указать на ребра, обломки таза, кости конечностей. Отсутствуют верхнечерепные кости, что может указывать на раздробление черепа для добычи мозга. Все трубчатые кости (за исключением одной лучевой) раздроблены для извлечения мозга. Часть позвонков и осколков трубчатых костей обуглены. Кости различной величины были распространены в культурном слое по разному. Если небольшие обломки и пластинки от зубов встречаются по всей глубине культурного слоя, то большинство целых зубов и крупные тяжелые кости залегают преимущественно в самом низу слоя. Следует отметить, что около костей мамонта обычно были наиболее интересные находки. Около них же скапливались “кухонные остатки”. Например, на кв. В-25 (ЮВ часть раскопа) обнаружены 2 зуба мамонта. Под одним из них было найдено скребло и рядом ложило (Ауэрбах, Сосновский, 1932, с.35). Одна из самых интересных находок - диск из агальматолита с нарезками - был найден на нижнечелюстной кости, под затылочной частью разрушенного черепа. Большинство зубов мамонта принадлежат молодым особям, в том числе два бивня, длиной в 17 и 10-12 см. Лишь один зуб принадлежит старому животному.

Среди костей других животных преобладают кости конечностей. Они также раздроблены для извлечения костного мозга. Иногда встречаются кости, соприкасающиеся суставными поверхностями - это чаще всего остатки зайца, песца, лошади, оленя и птиц. Целых черепов животных не было найдено, а обломки челюстей встречаются часто. Рогов оленя обнаружено мало. Так же как и кости мамонтов, остатки других животных чаще всего принадлежат молодым особям.

Из вышеприведенной таблицы следует, что по количеству особей главное место занимает северный олень, песец, заяц, мамонт и птицы. Состав этих главных промысловых животных выражается следующим образом (процентное соотношение вычислено В.И. Громовым для первого и второго раскопа совместно, т.е. приблизительно по 1000 определимым костям): северный олень 30%, песец 20%, заяц 11%, мамонт 4%, птицы 16%. Северный олень встречен двух типов - крупная раса (около 10%) и мелкая раса (около 90%), которая

не отличается от современного северного оленя из низовьев Енисея. Песец не отличается от современного вида. "Остатки зайца принадлежат как молодым, так и взрослым особям, отличавшимся крупными размерами, но точнее, чем *Lepus* sp. они не могли быть определены" (Громов, 1932, с.167). Обращает внимание сравнительно большое количество зайца, что в свете новых свидетельств о наличии ловчих сетей в позднем палеолите заставляет иначе рассматривать способы охоты и у палеолитических обитателей долины Енисея (Soffer, Adovasio, 1997).

Наконец, птицы. Их обнаружено около 25 экземпляров. Среди них большинство костей принадлежит белой куропатке, затем тундровой куропатке и две косточки гусю гуменнику. Остальные птицы представлены кречетом, вороном и галкой. Следует указать, что, по мнению А.Я.Тугаринова (Тугаринов, 1932), такие части птицы, как конечности, мало интересовали палеолитического охотника. От тушки птицы отделялась лишь грудина, как наиболее мясистая часть, а остальное выбрасывалось. Из остальных животных, встреченных в гораздо меньшем количестве, следует отметить лошадь, благородного оленя, сибирского козла, горного барана и сайгу. Из хищников, кроме песца, - остатки лисицы, крупной разновидности росомахи, медведя и льва или тигра. Очень интересно, что наряду с обычным волком встречена разновидность с укороченной мордой, которая заставляет предположить существование либо особой разновидности крупного волка, либо появление одомашненного волка. Этот вывод В.И.Громова подтверждает предположение И.Т.Савенкова о возможном существовании одомашненного волка, сделанное на основании находок таких же черепов. Изучая следы деятельности человека на костях, В.И.Громов сделал ряд интересных заключений (Громов, 1932, с.176 и др.). Он отмечал, что все трубчатые кости расколоты одним определенным способом: сначала отбивались оба или, реже, один эпифиз, а затем кость раскалывалась вдоль. Стоит подчеркнуть, что из всех трубчатых костей лишь две не были расколоты, и не всегда разбивались фаланги.

Изучив характер и расположение насечек и надрезов на костях, В.И.Громов выделил: а) следы, оставшиеся при снятии шкуры (царапины, бороздки на фалангах, метаподиях и других костях, почти не покрытых мясом); б) следы от употребления человеком в пищу некоторых частей животных (насечки, царапины на теле трубчатых костей, которые были покрыты значительным количеством мяса. Следы искусственного раскола костей для добычи мозга)" а также разного рода технической обработки и технического использования (Громов,1932, с.179). Этот обильный костный материал позволяет сделать выводы не только о хозяйственной деятельности, но и об экологической и климатической обстановке.

Анализируя видовой состав, В.И.Громов нарисовал картину более сурового, чем современный, климата с безлесными ландшафтами перигляциальной степи (Громов, 1948, с.321) с явной климатической сезонностью.

Г.П.Сосновский (Сосновский, 1935, с.131), исходя из наличия костей водоплавающих птиц и сброшенных рогов оленей, предполагал, что люди обитали на Афонтовой Горе в летнее время.

Инвентарь слоя С₃.

Как уже указывалось, среди огромного количества - свыше 20 тысяч различных осколков и отбросов производства - было найдено около 450 экземпляров орудий, не считая обломков, более 60 нуклеусов, 250 пластин, 75 краевых сколов и т.д. Изготовление каменных орудий происходило на месте стойбища из местного сырья. Вопрос о сырье для изготовления орудий тщательно исследовал Н.К. Ауэрбах (Ауэрбах, 1928). Материалом для изготовления орудий служил галечник террас Енисея. Выходы галечника широко распространены вдоль берегов, у бечевника, и палеолитический человек брал гальку, по-видимому, рядом со стоянкой.

Породы камня, встреченные на Афонтовой Горе. Минералы, определенные по материалу орудий Афонтовой Горы II, насчитывают до двух десятков основных наименований. Это кварцит, лидит, кварц, роговик, кремнистый сланец, роговистый сланец, порфирит, яшма, халцедон, кремнистый туф, дымчатый хрусталь (Ауэрбах, Сосновский, 1932). Кроме того, есть базальт, диабаз, диорит, сердолик, агальматолит. Все эти породы, кроме агальматолита, встречаются в галечниках. Н.К.Ауэрбах предполагает, что агальматолит не мог быть принесен рекою, т.к. слишком мягок. Ближайшие его месторождения встречены на юге Красноярского края.

Для изготовления орудий чаще всего употреблялся кварцит разных цветовых оттенков (преимущественно зеленоватых тонов, реже буро-коричневатых) и разной зернистости. Причем, мелкозернистый кварцит применялся чаще, чем средне- и особенно крупнозернистый. Второе место занимают коричневатые яшмовидные породы, а кремень и его разновидности - на третьем. Остальные породы встречаются значительно реже. Примечательно, что кремень, удобный для обработки материал, занимает лишь третье место. Это объясняется тем, что желваки кремня на Енисее встречаются редко, причем сильно повреждены внутренними трещинами, что не дает возможности получать хорошие сколы.

На одном из первых мест по пригодности для обработки стоят мелкозернистые зеленоватые кварциты. Из-за несколько большей вязкости желваки и гальки этой породы обычно более крупны, с хорошо сохранившейся полированной поверхностью. Кварцит достаточно тверд, дает хорошие сколы, но требует более сильного удара, чем кремень. Эти особенности привели к некоторой зависимости типов орудий от материала, из которого они сделаны. Группа крупных орудий, которые могут быть обработаны не очень

тщательно, например, грубые скребла, изготовлялись из кварцитов и т.д., а мелкие скребочки, микропластинки, пластинки с притупленной спинкой изготовлялись чаще из кремня, роговика, халцедона. Украшения делались из мягкого агальматолита, полировальные плитки - из песчаника. Поэтому позволительно говорить о сортировке материала по его техническим свойствам, в зависимости от назначения изделий, которые человек собирался делать. С другой стороны, возможность подобрать гальку любой формы (от кубической и шаровидной до длинной овальной или уплощенной) приводила к тому, что первобытный мастер брал ту, которая при наименьших затратах труда позволила получить лезвие необходимой формы. Гальки в форме уплощенного эллипсоида, наиболее часто встречающиеся, позволяли легко получать выпуклую форму лезвия скребла (в основе выработки скребла выпуклой формы лежит наибольшее удобство в работе с мягкими материалами - в частности, мездрения шкуры). То, что орудия изготовлялись из галек, а не из плитчатого или желвачного кремня, наложило своеобразный отпечаток на общий облик каменных изделий. Но основной заготовкой для орудий Афонтовой Горы были отщепы. Вместе с тем черты псевдо-примитивности и грубости многих орудий, сделанных из слегка подработанных галек, скребла, сделанные из целых или расчлененных пополам галек, чопперовидные орудия, указывают на переживание определенных традиций, а не только на зависимость от материала.

Сочетание развитой техники изготовления орудий на отщепах, изготовления вкладышевых орудий с применением грубых, но массивных орудий - наиболее характерная черта второй половины позднего палеолита Енисея. Техника обработки камня одного и того же комплекса отличается в зависимости от назначения будущего орудия и материала, имевшегося у мастера. Можно указать на следующие способы, применявшиеся при выработке орудий на Афонтовой Горе II.

Основным приемом расщепления было получение крупных, обычно укороченных широких и реже удлиненных отщепов. Крупные пластины, как правило, почти не изготовлялись. Но хорошо была развита техника подготовки специальных небольших микронуклеусов, с которых скалывались многочисленные микропластинки - вкладыши.

Некоторые орудия получались оббивкой галек или обломков подходящей формы, часто с двух сторон. Существование разных способов расщепления наглядно прослеживается при изучении нуклеусов коллекции этого слоя.

Нуклеусы нижнего слоя участка 2. Гальки подходящего размера без всякой предварительной обработки служили для изготовления отщепов. По расположению плоскости скалывания можно выделять продольные (то есть удлиненные) широкие галечные нукелусы (табл. IV, 2). Более развитой формой был нуклеус

из расколотой поперек гальки, с полученной таким образом площадки можно было скалывать вдоль широкой или узкой стороны (табл. IV, 6). Площадка в некоторых случаях подправлялась несколькими снятиями. У второй разновидности галечных нуклеусов скалывание производилось поперек гальки, с одной из плоских поверхностей ее (табл. IV, 1, 3). Впрочем, последние трудно бывает отличить от чопперов. Обычно и нуклеусы из галек, и чопперы утилизировались, чаще всего при этом использовался какой-либо угловатый край. На их поверхности также бывают следы от ударов острым камнем в одну точку, как бы долбления или от упора небольшого нуклеуса. Следующий вид - дисковидные нуклеусы (табл. IV, 7). Весьма своеобразен нуклеус, близкий к леваллуазскому, для снятия одного отщепа. С одной стороны он несет негативы центростремительных сколов, как дисковидный, с другой - подправку краев короткими сколами и негатив одного снятия (табл. V, 1). Возможно, что одна оббитая по краям с двух сторон галька, получившая форму, отдаленно напоминающую бифас, является заготовкой такого нуклеуса (табл. V, 3). Дальнейшее развитие этой техники демонстрируют ядрища с подработкой тыльной стороны и субпараллельными снятиями с одной площадки (табл. V, 2) - односторонние одноплощадочные, они известны в инвентаре Кантегира 1 и др. памятниках афонтовского облика. Наконец, характерны нуклеусы одноплощадочные плоские удлиненные, с которых скалывались широкие пластины. Они сделаны из крупных плоских обломков гальки удлиненных пропорций. Площадка их обычно небольшая и расположена под углом менее 90° к плоскости скалывания (табл. V, 4). Этот тип нуклеуса встречается на стоянке Кокорево I.

Кроме крупных нуклеусов, в коллекции имеется несколько десятков небольших микронуклеусов разных вариантов. Н.Н. Ауэрбах и Г.П. Сосновский делят их на следующие типы: "1) односторонние, 2) неправильно призматические, 3) грубо-конические, 4) с дугообразно-изогнутым лезвием" (Ауэрбах, Сосновский, 1932, с. 70). По их классификации односторонние нуклеусы - это нуклеусы для снятия микропластин с узкой грани (табл. IV, 4). Размер их до 50 мм высотой, чаще около 30 мм. Грубо-конические иногда приближаются к карандашевидным, но с одной плоской стороной. Скалывание пластиночек вдоль узкой грани нуклеуса было распространенным приемом. В частности, есть обломанные орудия, использованные как микронуклеусы (табл. IV, 5). Встречаются многочисленные сколы с нуклеусов (75 экз.), реже - реберчатые пластины (табл. V, 5). К счастью, Е.В. Акимова обнаружила в считавшейся утраченной части коллекции из нижнего слоя (по ее определению), состоящей из 7136 предметов, то есть более трети всей коллекции, 17 микронуклеусов двух вариантов и галечный нуклеус (Акимова, 1992б, с. 60).

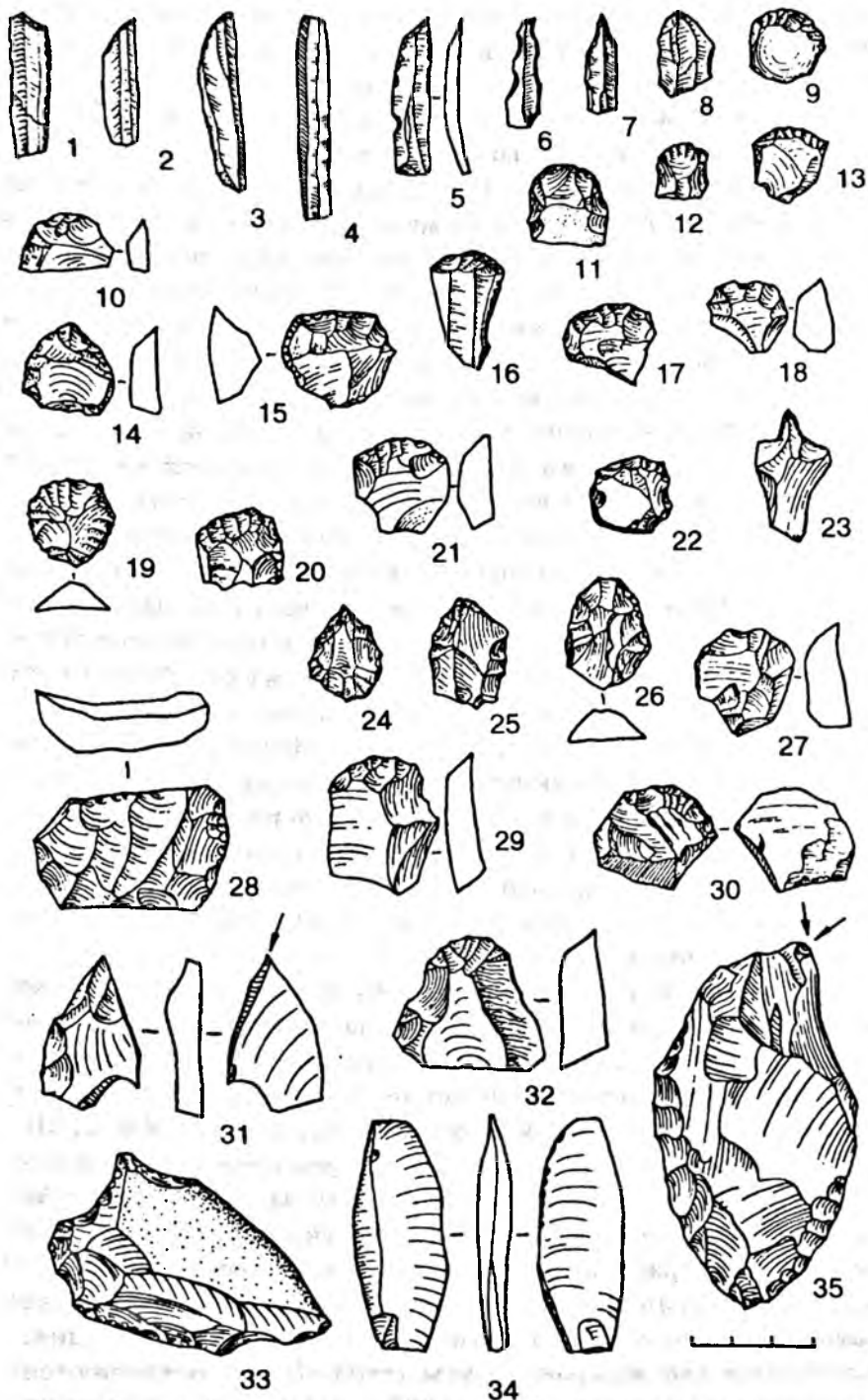

Табл. VIII. Инвентарь нижнего слоя участка № 2 Афонтовой Горы II: 1 - микропластинка с притупленным краем и косоретушным концом, 2,3,5 - микропластинки со скошенным концом, 4 - микропластинка, 6,8 - выемчатые орудия, 7,23 - проколки, 9-22,24-27,29,30,32 - скребки, 28 - долотовидное орудие, 31,35 - резцы, 33 - проколка, комбинированная с выемчатым орудием, 34 - пластинка с резчиком на конце.

Отбойники. В качестве отбойников использовались крупные обломки и гальки подходящего размера, как целые, так и расколотые (табл. IV,8).

Отщепы и пластины. В коллекции Афонтовой II насчитывалось до 20 тысяч отщепов, из них около двух десятков с ретушью и до 250 пластин. Имеются отщепы разных вариантов, начиная с первичных сколов. Обычно наружная поверхность их покрыта коркой гальки, ретушь в случае дальнейшей обработки наносилась на брюшке. По размерам и форме отщепы весьма разнообразны - и широкие тонкие, и подтреугольные толстые, и удлиненные, близкие к ножевидным пластинам, и укороченные, но тонкие и т.д. (табл. VI,2,3,5,6). Ножевидные пластины крупных размеров чрезвычайно редки (табл. VI,1). Техника скалывания микропластинок была высоко развита (табл. VIII,1-5).

К сожалению, отщепы были недоступны для исследования, также как и некоторая часть орудийного комплекса. Это произошло по разным причинам, главное из-за того, что коллекция разрознена и была частично утрачена в результате пожара. Но благодаря подсчетам Н.К. Ауэрбаха, мы можем представить себе соотношение и количество почти всех категорий орудий.

Каменные орудия нижнего слоя Афонтовой Горы II. Законченных орудий (без обломков) найдено около 450 экземпляров. Они были разделены Н.К.Ауэрбахом и Г.П.Сосновским на крупные - 272 экземпляра, т.е. 65%, и мелкие. Среди крупных первое место принадлежит скреблам - 154 экз., 45% общего числа, или 70% от числа крупных орудий. Около 6,5%, 27 экземпляров от общего числа приходится на орудия "архаических форм". Остальные крупные орудия представлены еще меньшим числом, до 2-1%.

Среди мелких орудий больше всего скребков - 78 экз., около 21% общего числа орудий, или до 50% от числа мелких орудий. Другая группа орудий - нуклеидные формы - 27 экземпляров, 6,5% от общего числа орудий, третья - орудия на ножевидных пластинках, - 5% от общего числа орудий, и последняя серия - резцы - 0,75% всех орудий. В описи перечислены 6 нуклеидных орудий и 4 резца. Возможно, Н.К.Ауэрбах к нуклеидным орудиям отнес микронуклеусы (нуклеусы-скребки). Конечно, деление на крупные и мелкие орудия довольно условно.

Из крупных каменных орудий Н.К.Ауэрбах и Г.П.Сосновский выделяют одиннадцать "грубых миндалевидных и подтреугольной формы" орудий (Ауэрбах, Сосновский, 1932, с.71). Особенностью их является отдаленное сходство с древнепалеолитическими - обработка двух сходящихся краев в грубое острие, "пятка" с галечной коркой, грубая оббивка (табл. V,3, VI,4). Этими признаками руководствовались Н.К.Ауэрбах и Г.П.Сосновский, выделяя "архаический тип" орудий. К ним же они относят и "дисковидные орудия" (3 экз.), одно из которых - типичный нуклеус (табл. V,1). Клиновидные и тесловидные орудия должны быть

рассмотрены специально, здесь достаточно указать, что Н.К.Ауэрбах и Г.П.Сосновский еще в первый год раскопок выделили рубящие орудия, полученные обработкой двух краев отщепов под прямым углом друг к другу (клиновидные орудия, табл. VI,10) и тесловидные орудия с желобчатым лезвием (табл. IX,5, X,4-6).

К крупным изделиям относится серия из 7 экземпляров овальных скребловидных орудий. Размер их около 7,5 x 5,5 см. Сделаны чаще всего из обломков или массивных отщепов обработкой одной или двух сторон грубыми сколами с более мелкой подправкой по краю извилистого лезвия.

Наиболее же массовую серию на Афонтовой Горе II составляют скребла.

Скребла нижнего слоя.

По типу заготовок скребла можно разделить на следующие группы: из целых галек - 4% орудий, из кусков крупного желвака гальки - 8% орудий, из отщепов - 78% орудий, из примитивных пластин - 4% орудий. Скребла, изготовленные из отщепов, подразделяются на следующие группы: 1) из краевых отщепов, ретушь на брюшке - 21%; 2) из краевых отщепов с частью галечной корки на ретушированной спинке отщепа, брюшко гладкое - 40%; 3) из отщепов, не имеющих остатков корки - 39%. Как видим, большинство скребел односторонней обработки сделано так, что ретушь нанесена на спинке отщепа. Плоское брюшко позволяет получить аккуратное ровное лезвие.

По форме лезвия скребла подразделяются на выпуклые, прямые и вогнутые.

Скребла с выпуклым рабочим краем составляют наибольшую серию орудий - 95 экз., т.е. около четверти всей коллекции. Размер их различен, лезвие иногда скошено к одному из концов. Скребла с выпуклым лезвием изготавливались на разных заготовках: из гальки с подработкой только одного края (вся остальная часть покрыта коркой), из краевых отщепов, из срединных отщепов, из грубых пластин. Наиболее часто скребла изготавливались из отщепов.

Именно такие прекрасно обработанные, с овальным лезвием, плоской нижней поверхностью скребла известны под названием "скребла сибирского типа". Скребла с выпуклым лезвием, сделанные на отщепах, в зависимости от степени обработки и расположения лезвий, делятся на разные варианты. Некоторые скребла с почти параллельной пологой ретушью, мелкой аккуратной подправкой могли использоваться и для резки.

Лезвия скребел обычно обработаны крупными плоскими сколами с последующей чешуйчатой и заломистой ретушью. Они бывают продольными (табл. VII, 2,9) и поперечными (табл. VI, 11, VII,7). У нескольких скребел, кроме основного лезвия, иногда добавочно обработан боковой край, в одном случае с брюшка. Особенно интересен способ уменьшения толщины массивных скребел, когда с двух противоположных коротких концов снимались длинные

аккуратные отщепы, длиной до 50 мм при ширине 15-30 мм. Они обычно смыкались к середине скребла (см. колл. 141 №490, 141 №537, 141 №842; табл. VI,8).

Скребла с прямым рабочим краем. Эта серия немногочисленна - всего 5 экз. Все скребла изготовлены на отщепах и кусках гальки, имеющих прямой край. Рабочий край обычно довольно толст и крепок. Одно из них (141 №129) имеет ретушь нижней поверхности краевого отщепа. Возможно, что они имели какое-то другое применение, чем выпуклые скребла (табл. VI,7).

Скребла с вогнутым лезвием - 9 экз. Сделаны как правило на отщепе или расколотой гальке (табл. VI,9). Обработка лезвия тщательная, хотя ретушь довольно крутая. Вероятно, как и предыдущая серия, скребла с вогнутым лезвием применялись для работы с твердыми материалами, возможно, для обработки дерева.

Двойные скребла. Кроме скребел с одним основным лезвием, имеется 12 двойных скребел. Чаще всего оба лезвия получены ретушью длинных сторон отщепа со спинки, но в одном случае (табл. VII,2) ретушь противоположная. Другое двойное скребло сделано на грубой пластине (табл. VII,4). Встречаются и более сложные сочетания, например, выпукло-вогнутое. Вогнутое лезвие обычно небольшое с хорошей обработкой (табл. VII,6).

Очень редко встречаются скребла с тремя лезвиями. Одно из них (колл. 141 №16) сделано на плоском отщепе с коркой на спинке, лезвия не очень ровные (табл. VII,3). Другое - двойное угловатое (табл. VII,5). Н.К. Ауэрбах и Г.П. Сосновский выделяют три остроконечника "удлиненно-листовидной формы" (Ауэрбах, Сосновский, 1932, с. 74, см. табл. III,3), включая сюда указанные выше формы. Есть и подлинные остроконечники. Они сделаны из отщепов, брюшко не обработано. Ретушированы оба края от основания до острия (табл. IV,5, VII,8) - с бокового края одного из них скалывались микропластинки. Основание его утолщено и представляет ударную площадку.

Н.К. Ауэрбах и Г.П. Сосновский выделяют еще 7 скребел и скребловидных орудий, сделанных из тонких отщепов, близких по виду к пластинкам (табл. VI,5). Имеются атипичные скребла (табл. IX,16).

Скребла высокой формы чаще сделаны из галек или больших обломков. Обработка лезвий сколами и вторичной ретушью очень крута, до 75°. Нижняя поверхность их плоская или слегка выпуклая, если она представляет естественную поверхность гальки (табл. VII,12). Имеются овальные бифасиальные скребла (табл. VII,1,11), отнесенные Н.К. Ауэрбахом и Г.П. Сосновским к овальным орудиям (см. Ауэрбах, Сосновский, 1932, табл. III,1).

Кроме описанных вариантов скребел в единичных экземплярах найдены: 1) Скребловидное орудие прямоугольной формы, сделанное из яшмы, с обработанной сколами верхней поверхностью и ретушированное по двум коротким и одному продольному краю

одной стороны. 2) Скребловидное орудие удлиненной формы, треугольное в поперечном сечении. С одной стороны край был обработан ретушью. Продольное лезвие у орудия слегка зазубрено. Обе поверхности представляют плоскости сколов и сходятся у лезвия. Край, противоположный лезвию, уплощен и представляет корку гальки (табл. VII,10). 3) Изделие из толстого куска кварцита, рабочими лезвиями у которого являлись вогнутые, круто обработанные противоположные края. Это орудие неправильных очертаний, имеет с выпуклой стороны, на поверхности корки гальки, щербинь. Нижняя сторона более плоская, со следами подтески. 4) Продолговатое узкое орудие (длина 11,5 см, ширина 4 см) с выпуклой спинкой, круто обработанной ретушью по продольным краям. Брюшко - корка гальки (Ауэрбах, Сосновский, 1932, с.74).

Проколки крупные (провертки). Все 6 орудий сделаны из отщепов или толстых обломков. Спинка обычно обработана сколами, брюшко без подправки. Острие тщательно отделано крутой ретушью, расположено на конце отщепа или на углу. Основание утолщено, преднамеренно притуплено или сохраняет корку (табл. VIII,33 - этот экземпляр можно рассматривать как комбинированное с выемчатым). Е.В.Акимова в найденных материалах выделяет еще 17 "прокол, проверток, сверл" (19926, с.60).

Проколки. Их всего несколько экземпляров. Одна из них срединного типа (табл. VIII,23), острие сделано крутой притупляющей ретушью. Другой экземпляр сделан из продолговатого отщепа, острие несколько скошено относительно оси отщепа. Интересна проколка на тонкой ножевидной пластинке (табл. VIII,7).

Скребки. После скребел это самая многочисленная категория орудий Афонтовой II - их 78 экземпляров. Они различной величины, и самые крупные экземпляры близки к скреблам как по размерам, так и по характеру обработки. Существуют переходные формы между скреблами и скребками. Скребки делятся на ряд подтипов по форме лезвия и по типу заготовки: 1) скребки с выпуклым лезвием на конце обломка ножевидной пластинки (табл. VIII,16,29). 2) Скребки укороченных пропорций, на обломках ножевидных пластин и отщепов (например, 141 №344, №452; табл. VIII,10). 3) Скребки на отщепах разной формы. Они разнообразны по ширине, толщине и форме лезвия. Иногда скребки утолщены, и тогда ретушь лезвия их довольно крутая (табл. VIII,15,27). Имеются и уплощенные скребки с пологой ретушью (141 №670 и табл. VIII, 11, 13, 21, 22), а также скребочки с обработкой двух сходящихся краев (табл. VIII,14,20). 4) Скребки в форме сектора. Они сделаны на расколоте отщепа так, что дугообразное лезвие опирается на две сходящиеся стороны отщепа с суженным основанием (табл. VIII,17,18). 5) Округлые скребки с ретушью почти по всему краю. Встречены как толстые (колл.141 №463), так и тонкие (табл. VIII,19). В зависимости от толщины отщепа ретушь либо крутая, либо пологая. 6) Микроскребки. Они либо округлые с ретушью

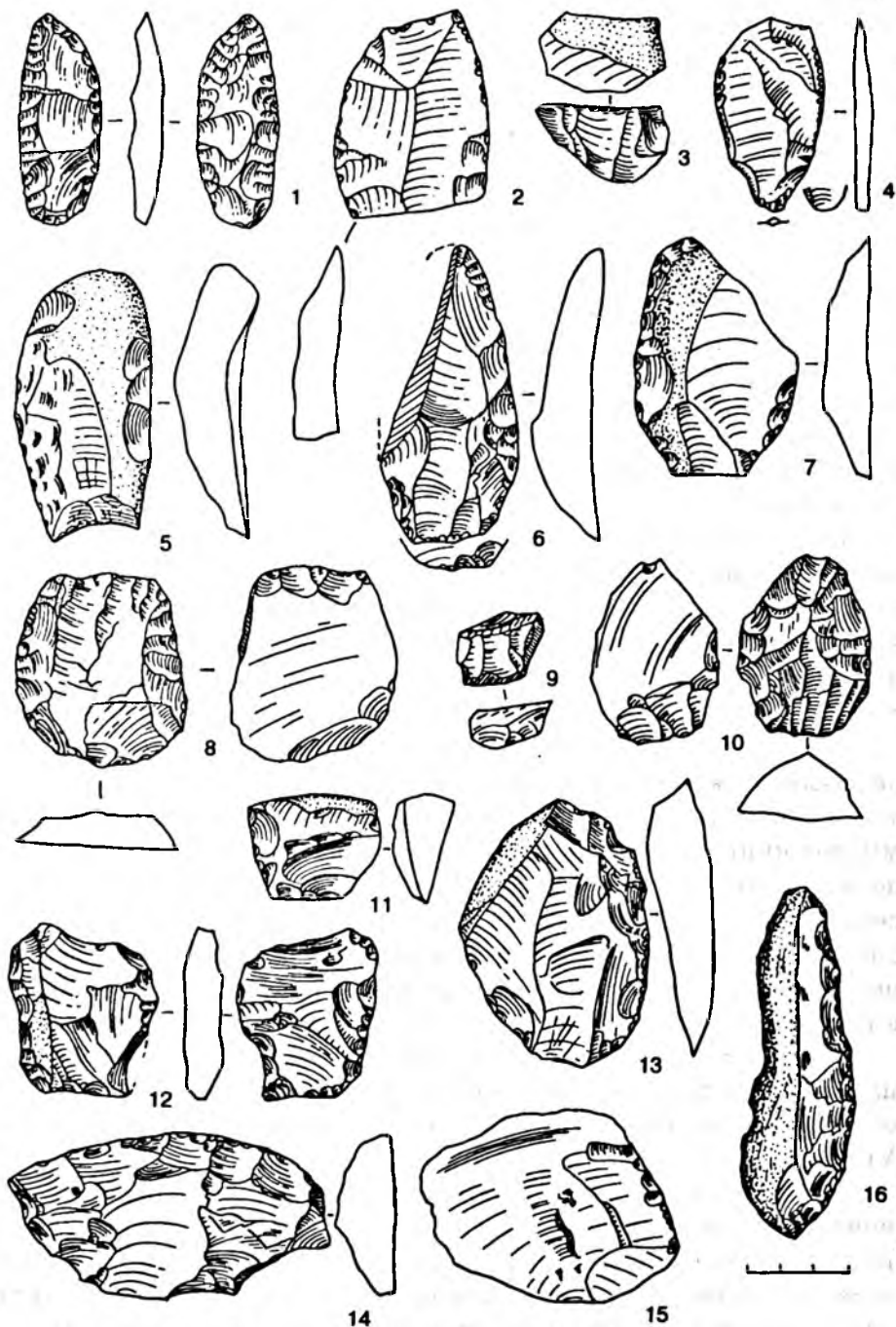

Табл. IX. Инвентарь нижнего слоя участка № 2 (1,2,5,8,10,12,16), участка № 3 (3,6,7,9,11,13,15) и участка № 5 (4,14) Афонтовой Горы II: 1 - нож, 2 - пластина, 3,9,11 - нуклеусы, 4,15 - отщепы, 5,6,10 - тесла, 7,13,14,16 - скребла, 8,12 - долотовидные орудия.

всех краев 10-20 мм в диаметре, либо сделаны на коротких отщепах. Округлые обычно тщательно обработаны крутой ретушью. Другой вариант - на отщепах - иногда представлен очень тонкими экземплярами с ретушью узкими длинными фасетками, но чаще использовались толстые отщепа (табл. VIII,12).

Обычно у всех типов скребков ретуширована лишь спинка, но в двух случаях дополнительная обработка затронула и брюшко (табл. VIII,30). К скребкам можно отнести и 10 экз. небольших орудий овально-подтреугольной формы. Они сделаны, как правило, на утолщенных отщепах (табл. VIII,24-26). Брюшко их - ровная плоскость скола, спинка сильно выпуклая. Сходящиеся края их покрыты ретушью, образуя суженный конец, иногда заостренный. Возможно, это скобящие орудия. К ним близок и скребок с суженным лезвием, на толстом отщепа (табл. VIII,32). Е.В.Акимова нашла еще 22 экземпляра, но отмечает, что "классические формы" единичны.

Орудия на пластинках. Поражает очень малое число орудий на пластинках, впрочем Е.В.Акимовой найдено какое-то количество микропластин и пластин. В известной ранее коллекции имеется несколько экземпляров коротких и широких, слегка изогнутых пластин с одним или двумя ретушированными краями. Интересна тонкая длинная ножевидная пластина с притупляющей ретушью по выпуклому краю. На верхнем конце имеется поперечное лезвие, которым можно было прорезать пазы в кости (табл. VIII,34). Из микропластинок, достигающих 40 мм длины, 8 мм ширины и 1,5 мм толщины (при наименьших размерах 22 x 5 x 1,5) сделаны десять острий со срезанным ретушью краем (табл. VIII,2,3,5). У семи микропластинок спинка притуплена ретушью (табл. VIII, 1), следует добавить, что одна ножевидная пластинка имеет две небольшие выемки, обработанные мелкой ретушью (табл. VIII,6), а противоположный ее край покрыт притупляющей ретушью.

К *выемчатым* орудиям принадлежит более массивная пластинка с широкой выемкой на одной стороне (табл. VIII,8), отщеп с рядом выемок по краю и комбинированное орудие (табл. VIII,33).

Резцы. Для Афонтовой Горы, при обилии скребков, характерно почти полное отсутствие резцов. Очевидно, их роль выполняли пластинки со скошенным краем и подходящие осколки. Но все же можно указать на несколько резцов. Наиболее выразителен сделанный на обломке конвергентного скребла (колл.141 № 120, табл. VIII,35). Кроме того, у Н.К.Ауэрбаха и Г.П.Сосновского (1932) опубликованы "полиэдрический резец" (см. у них табл. IV,рис.9), угловой резец (см там же, табл. IV,рис.13). Имеется атипичный резец (табл. VIII,31). Е.В.Акимова обнаружила 5 "резцевидных орудий".

Нуклевидные орудия представлены последней большой серией. Их, по Н.К.Ауэрбаха и Г.П.Сосновскому, 27 экз. (1932, с.78). Но в

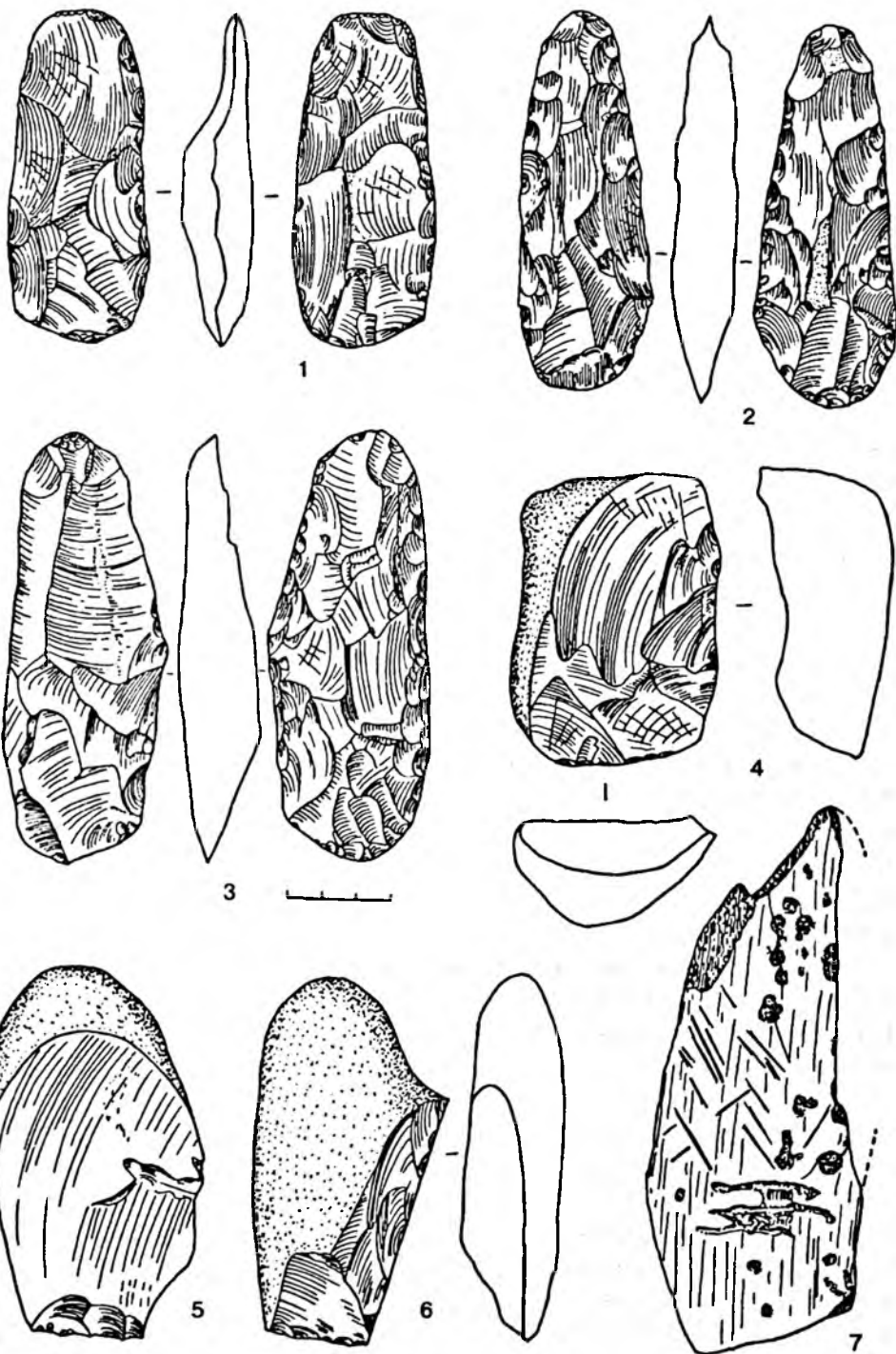

Табл. X. Инвентарь нижнего слоя участка № 2 Афонтовой Горы II: 1-6 - тесла, 7 - обломок бивня со следами рубки теслом.

эту серию попали и нуклеусы-скребки, и тесловидные орудия. Это затрудняет определение точного числа подлинных нуклевидных форм. В серию нуклевидных форм, по Н.К.Ауэрбаху и Г.П. Сосновскому, входят:

1) Нуклеусы-скребки. Сделаны на толстых коротких отщепах или обломках. Один край их обработан узкими сколами, как у типичного клиновидного нуклеуса, а на "лопасти" сделано лезвие скребка. Представленный у них на рисунке Н.К.Ауэрбаха предмет является нуклеусом (1932, табл. IV,4).

2) Нуклевидные скребки высокой формы. Верхняя поверхность этих орудий обработана глубокими желобчатыми фасетками, сходящимися к центру (табл. IX,10). Возможно, часть их является тесловидными орудиями или скобелями.

3) Орудия типа рабо (см. Ауэрбах, Сосновский, 1932, табл. IV, 12) - 2 экземпляра.

4) Орудия, близкие к типу *долотовидных* (табл. VIII,28 и IX,8,12). Самая многочисленная группа среди нуклевидных, чаще встречается не удлиненная, а широкая укороченная форма.

Среди найденных Е.В.Акимовой 42 экземпляров долотовидных орудий преобладают "квадратные и прямоугольные продольные формы" (19926, с.60).

Рубящие орудия. Н.К.Ауэрбах и Г.П.Сосновский еще в 1923 г. выделили клиновидные рубящие орудия, но позднее они не возвращались к своему предположению. Между тем, в коллекциях Афонтовой Горы II, как и в материалах других стоянок, автору удалось обнаружить серию рубящих орудий, которые могли использоваться как тесла. Они разделены на три подтипа. Первый подтип раньше обычно относили к скреблам. Действительно, один или два длинных края орудия обработаны крутой чешуйчатой ретушью. Но при этом на одном из концов затеской, либо, реже, поперечными сколами образовано рубящее, довольно острое лезвие (табл. IX,5). В качестве заготовок использовали толстый отщеп либо подходящий по форме обломок гальки. В таких случаях края орудия ретушировались очень мало или совсем не ретушировались. Лезвия их слабо вогнутые либо почти прямые.

Второй подтип тесел изготовлялся из целых удлиненных галек (табл. X,4-6). Галька раскалывалась вдоль длинной оси, а затем дополнительными сколами формировалось рубящее лезвие. Иногда ограничивались тем, что отбивали только один конец гальки под острым углом к продольной оси, а далее обрабатывали лезвие. В некоторых случаях оббивали неровный боковой край. При таком способе изготовления одна сторона орудия оставалась покрытой коркой гальки. В этом случае лезвие получалось хорошо приостренным, правильной дугообразной формы. Более совершенным выглядит третий подтип рубящих орудий (табл. X,1,3). По внешнему виду они более всего похожи на топорики. Одно из них сделано из плоской удлиненной гальки, обработанной по двум сторонам

плоскими крупными сколами, направленными от продольных краев к центру. Затем продольные, почти прямые края были обработаны противоположащей крутой ретушью. Рубящее лезвие сделано на коротком, слегка выпуклом узком краю путем стесывания широких сколов. Оно приострено небольшими фасетками, получившимися от ретуши или в результате работы. На одной стороне орудия сохранились участки с коркой гальки, на другой, в средней части, грани сколов слегка затерты (табл. X,1). Орудие найдено на кв. Д-8. Размер 95 x 43 x 20 мм.

Подобно ему и орудие, изображенное на табл. X,3. При изучении его под микроскопом С.А.Семенов обнаружил отчетливые штрихи, направленные под углом к продольному краю. Происхождение их неясно. На узких краях следов работы не обнаружено. Размер 120 x 45 x 18 мм. Симметричность продольного сечения этих орудий, казалось, говорит в пользу того, что это топоры. Не отрицая возможности использовать эти орудия как топоры, автор полагает все же, что они были теслами. Одним из доказательств этого является орудие, хранящееся в Тувинском краеведческом музее (табл. X,2) с надписью "Афонтова Гора, 1920 г." (почерк похож на почерк Н.К.Ауэрбаха). В 1920 году раскопок на Афонтовой Горе не производилось, а лишь собирался подъемный материал, поэтому нельзя быть абсолютно уверенным в палеолитическом возрасте этого предмета, хотя способ обработки, материал и сохранность аналогичны орудиям из основных коллекций Афонтовой Горы. Особое значение для нас имеет то, что на овальном лезвии орудия с одной стороны невооруженным глазом видны следы использования в виде параллельных полос, идущих вдоль вертикальной оси орудия. Они показывают, что этим орудием работали как теслом. Видимо, и два предыдущих орудия были теслами.

Следов рубки топором среди коллекций фауны со стоянок енисейского палеолита не обнаружено, что не позволяет пока говорить о существовании топора в это время. С другой стороны, нам известно немало "мотыг" позднепалеолитического времени (Костенки, Мезин, Афонтова III). Они представлены экземплярами с четко выработанной формой. Можно предположить, что костяное тесло, как тип орудия, возник раньше топора и оказался прообразом кремневых тесел. Способ работы теслом наиболее близок к способу работы рубящим орудием, непосредственно зажатым в руке или укрепленным в прямой рукоятке-обойме. При этом для мастера наиболее естественно располагать обрабатываемую поверхность перпендикулярно или почти перпендикулярно линии взгляда. Во-первых, в этом положении лучше виден результат работы, во-вторых, меньше повреждаются пальцы при неудачных ударах. Возможно, поэтому тесла возникли раньше топора; одновременное существование по крайней мере трех типов тесел позволяет предполагать, что тесло было изобретено не намного ранее времени нижнего слоя Афонтовой Горы II. Люди еще не выбрали наиболее

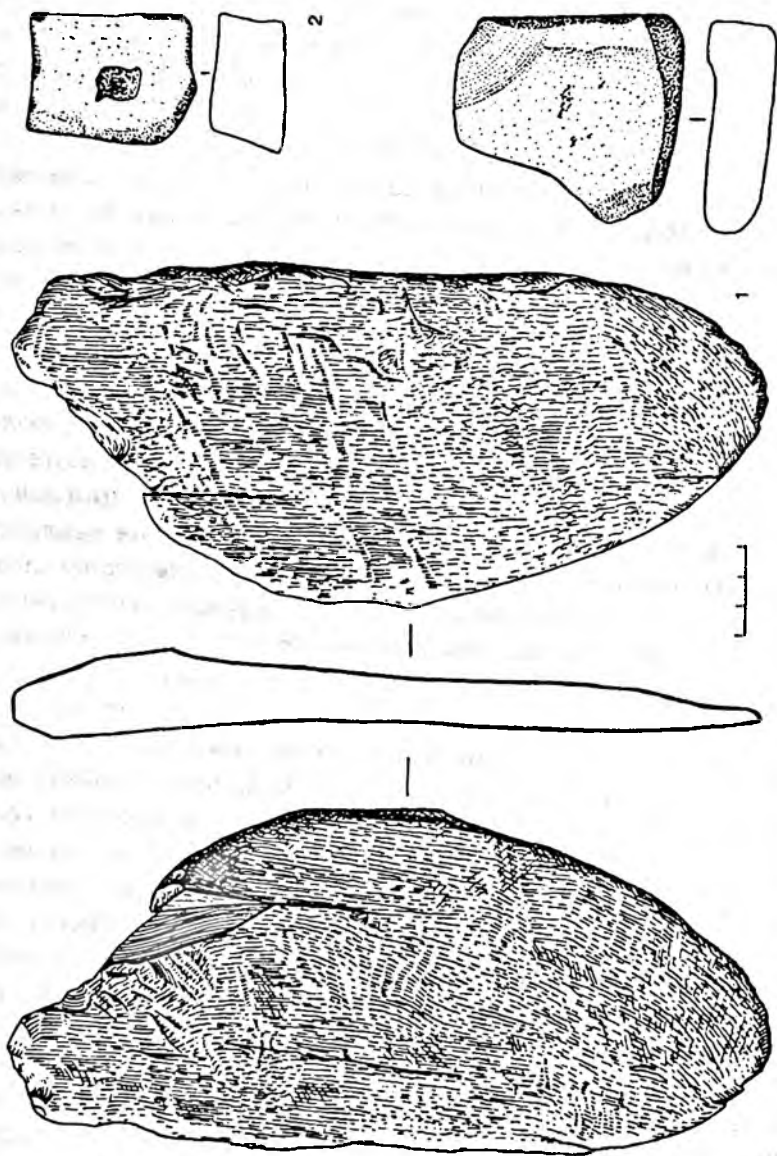

Табл. XI. Инвентарь нижнего слоя участка № 2 Афонтовой Горы II: 1 - лопатка из бивня мамонта, 2, 3 - куски абразива из песчаника со следами работы.

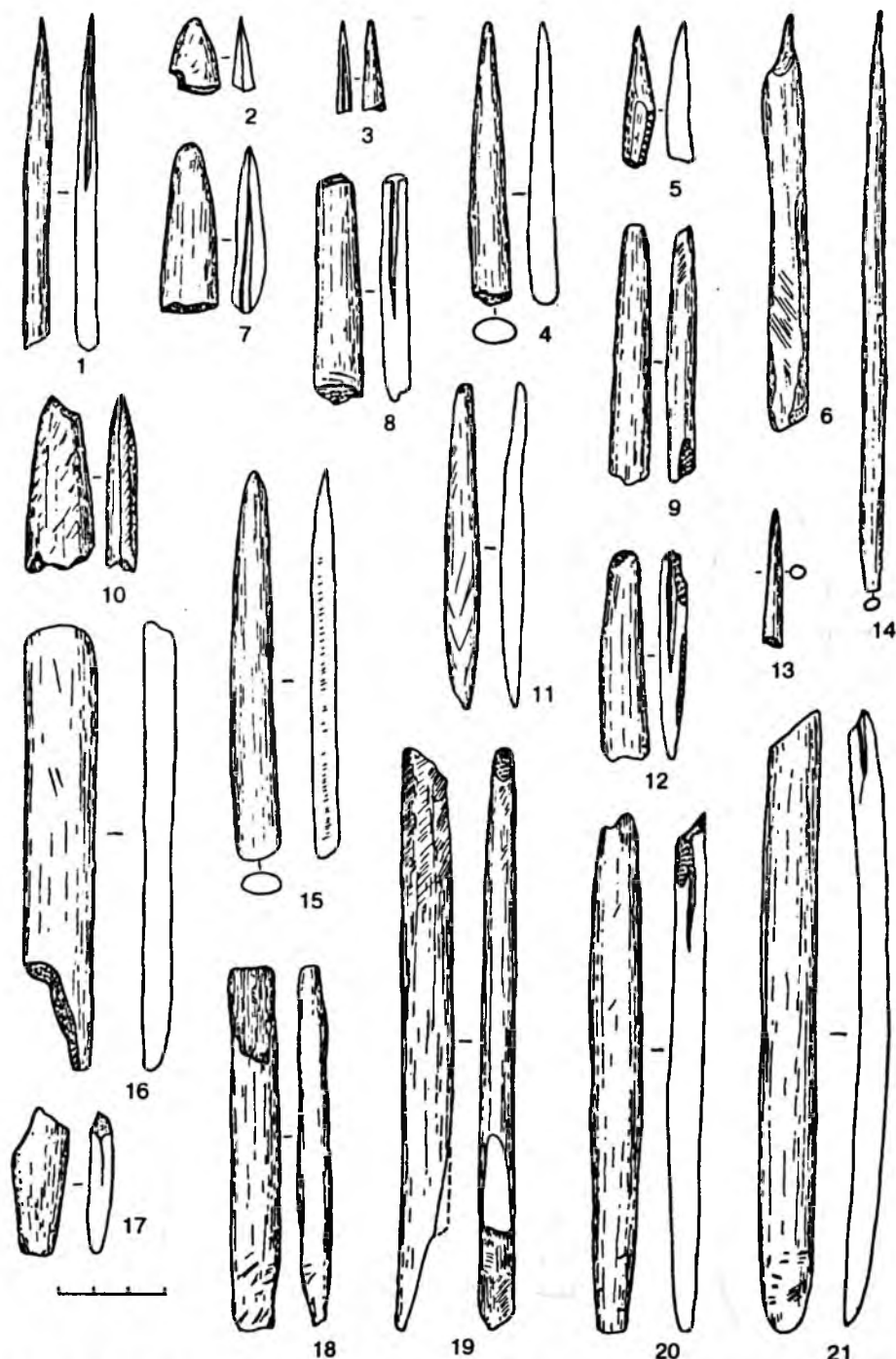

Табл. XII. Костяной инвентарь нижнего слоя участка № 2
 Афонтовой Горы II: 1-4,7-9,10,12 - фрагменты
 наконечников, 5,6 - шилья, 11 - уплощенное острие, 13 -
 обломок острия, 14 - округлый наконечник, 15-21 -
 фрагменты наконечников.

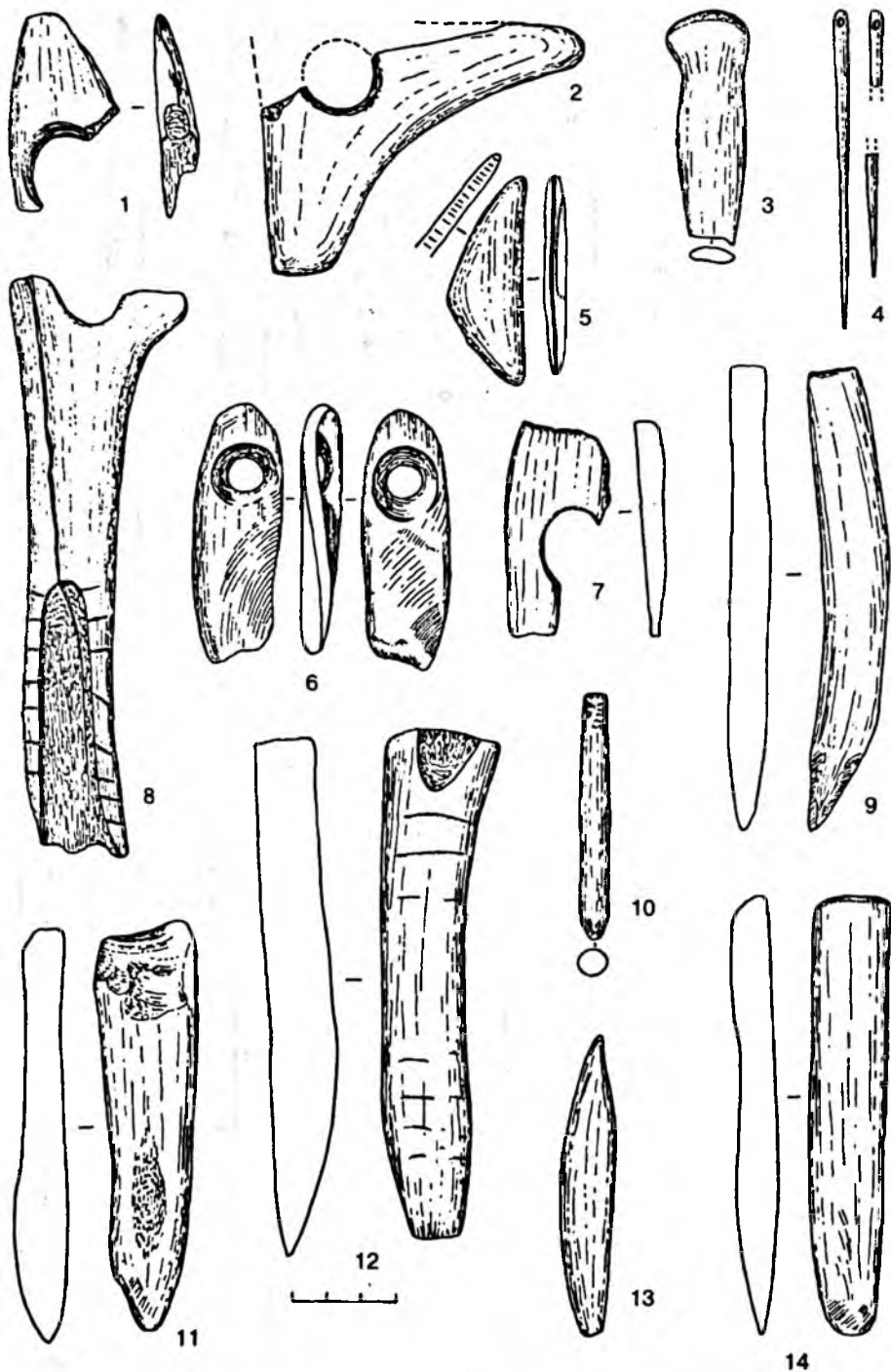

Табл. XIII. Костяной инвентарь нижнего слоя участка № 2 Афонтовой Горы II: 1,2,6,7 - изделия с круглыми отверстиями, 3 - поделка из куска бивня, 4 - иглы, 5 - нож с желобком, 8 - обломок "жезла начальника", 9,10 - стержни с приостренным, 11 - отжимник, 12 - обломок рога с зарубками и приостренным концом, 13 - изделие с острием, 14 - гладильник.

эффективное орудие как по рабочим качествам, так и по способу его изготовления. С другой стороны, такое многообразие типов могло привести к выделению нового орудия, сходного по технике изготовления с теслами. Так, в дальнейшем, из третьего типа тесла мог появиться топор, однако этот вопрос требует дальнейших исследований. Доказательством существования рубящих орудий типа тесла являются следы рубки на бивнях и роге (табл. X,7 - следы ударов вогнутым лезвием. См. также Астахов, 1967, с.19-24, рис.6). Следует учитывать, что в палеолите Японии очень рано, более 25 тысяч лет назад, появились не только обработанные оббивкой, но и частично пришлифованные топоры - смотри, например, монографию Т. Akazawa, S. Oda, I. Yamanaka 1980г.

Имеется орудие, найденное в одном экземпляре. Это бифасиальный лавролистный несколько несимметричный *наконечник или нож*, сделанный двусторонней оббивкой с тщательной пологой параллельной ретушью. Одно его лезвие прямое, другое выпуклое (табл. IX,1).

Костяные и роговые изделия нижнего слоя участка 2. Почти все орудия из кости со стоянки Афонтова Гора II разделяются на две крупные категории: на орудия охотничьего и хозяйственного назначения. Обе категории орудий изготавливались преимущественно из рогов оленя, обломков бивня мамонта и ребер животных. В коллекции имеются многочисленные предметы, показывающие стадии обработки кости (см. Ауэрбах, Сосновский, 1932, с.81 и др.). Бивень сначала перерубался в намеченном месте до середины толщины, после чего переламывался. Таким же способом разрубались рога оленей. Иногда с бивня пластины скалывались как с нуклеуса. Полученная заготовка грубо обстругивалась, затем тщательно оскабливалась и полировалась на плитках песчаника. Эти плитки встречены в большом количестве и несут явные следы заглаживания, хотя иногда употреблялись и как подкладка при работе с камнем (табл. XI,2,3). Концы орудий утончались обстругиванием, причем направление штрихов такое, какое бывает тогда, когда заготовку держат в левой руке, а рабочий инструмент - в правой (табл. XII,6, XIII,6). Но эти следы обстругивания сохраняются на более крупных орудиях - наконечники копий обычно изготавливались очень тщательно, и почти вся поверхность их (кроме черешковой части) аккуратно шлифована. Реже у таких наконечников шлифовались только острия, и тогда было видно, что заготовка скоблилась твердым острым предметом, следы которого сохранились на поверхности средней части наконечника. Кроме этих приемов, применялось сверление и прорезание отверстий, вырезание плоских костяных бусин из пластинок и т.д. Мелкие трубчатые кости (зайца, песка, птицы) надрезались по окружности и переламывались - так изготавливались бусины. Таким образом, обитателям Афонтовой Горы

были знакомы разнообразные приемы изготовления костяных орудий.

Наконечники из кости составляют самую большую группу. Их было найдено не менее трех-четыре десятков экземпляров. Они разделены на два варианта по форме поперечного сечения.

1. *Наконечники, уплощенные в сечении* (отношение толщины к ширине больше, чем 1 : 2. За ширину здесь и далее принимается размер длинной оси овала поперечного сечения, за толщину - размер короткой оси). Представлены крупными экземплярами. Длина их, очевидно, достигала 200-250 мм (ни одного целого экземпляра видеть не удалось), при минимальной длине 150 мм, ширине 18-24 мм, толщине 6-12 мм, в среднем 10 мм.

Острие этих орудий как правило плавно закруглено и заострено уплощением боковых сторон (табл. XII, 2, 7, 10), а основание обычно просто поперечно обрезано. У некоторых орудий на нем имеются насечки. В коллекции много обломков острий наконечников этого типа. Особенно интересен один экземпляр (табл. XII, 2). Его боковые ребра настолько остры, что наводят скорее на мысль, что это костяной кинжал или нож, а не наконечник копья. По-видимому, часть орудий этого типа могла служить ножами-кинжалами, часть - массивными наконечниками, и, может быть, часть из них являлась, как полагали Н.К.Ауэрбах и Г.П.Сосновский, гладильниками (табл. XIII, 14). Почти все наконечники, уплощенные в сечении, не имеют пазов для вкладышей. Лишь один экземпляр (табл. XII, 21) был с пазом у острия, которое обломилось. Он, с одной стороны, как бы является переходным типом, во-первых, от наконечников без пазов к наконечнику с пазами и, во-вторых, от наконечников, уплощенных в сечении, к наконечникам, округлым в сечении, к которым мы сейчас переходим.

2. *Наконечники, округлые в сечении*. (Отношение толщины к ширине меньше, чем 1 : 2). Этот вариант наконечников представлен несколькими разновидностями. Прежде всего их можно разделить на наконечники с пазами для вкладышей и без пазов. Наконечники без пазов делятся на наконечники со скошенным основанием и с прямым. Размер наконечников в среднем 160 x 15 x 10 мм. Интересны наконечники без пазов со скошенным основанием. По-видимому, их было немного, но они обратили на себя внимание В.А.Городцова. В Красноярском музее удалось видеть один экземпляр, сделанный из прекрасно сохранившейся слоновой кости (колл. 141 № 267). Острие его обломано, и уже при хранении в музее отскочила часть основания. На поверхности, особенно в части, прилегающей к острию, сохранились следы стругания, точнее, своеобразного пиления острым каменным орудием. Заготовка обрабатывалась по трем плоскостям на каждой стороне, так что в сечении получался сплюснутый шестигранник. Грани его сглажены, но не зашлифованы. В средней части наконечник обработан более тщательно, и сечение его округло. У основания одна грань срезана

так, что получился скос. Поверхность скоса частично покрыта неглубокими насечками (табл. XII,19).

Вторая разновидность - наконечники без пазов с прямым основанием. Они встречаются чаще первых, но все же их мало. Поперечное сечение - овал, при толщине 8-9 мм и ширине 15-18 мм. Поверхность тщательно обработана строганием, скоблением и шлифованием. При шлифовании орудие двигалось по плитке песчаника вдоль своей оси. Острие наконечников шиловидное (табл. XII,9). Средняя часть наконечника представляет уплощенный стержень с прямыми сторонами. К основанию узкие грани несколько сближаются, но приострение получается теперь за счет стесывания широких сторон. Срез основания почти прямой (табл. XII,17,18). В коллекции нижнего слоя широко представлены наконечники с пазами для вкладышей, округлые в сечении. В свою очередь они подразделяются на наконечники с пазом почти по всей боковой грани, части боковой грани у конца или реже у основания. Есть единичные экземпляры других форм. Размер таких наконечников не отличается от других разновидностей и равен в среднем 140-160 x 14-16 x 7-10 мм (см.фрагмент табл. XII,4).

Судя по сохранившимся фрагментам, наиболее распространенным был наконечник с пазом только у острия (табл., XII,20,21). Острие такого наконечника шиловидное, тщательно и плавно заострено и отшлифовано. Средняя часть - сплюснутый цилиндр, боковые грани его параллельны. Основание уплощено стесыванием боковых плоскостей. На черешке иногда видны насечки или царапины. Реже, чем предыдущий вариант, изготавливали наконечник с пазом почти по всей длине одной узкой стороны. Паз прорезан по ровной линии, ширина его обычно 2-3 мм, глубина 3-4 мм. Стенки паза вглубь сближаются, так что верх шире низа. Острие наконечника шиловидное, отшлифованное. Средняя часть наконечника - овальный стержень с параллельными стенками. Основание оформлялось двумя способами - либо стесыванием двух плоских боковых сторон, либо одной, в последнем случае получается наконечник со скошенным основанием (см. Ауэрбах, Сосновский, 1932, табл. VII,3,5).

Наконечники с пазом у основания встречаются, видимо, очень редко. Этот тип был выделен Н.К.Ауэрбахом и Г.П.Сосновским, но в коллекциях Красноярского музея они мною не обнаружены. Все наконечники с пазом изготовлены на таких же заготовках из рога или кости, как и наконечники без паза. Лишь наконечники с пазом у острия сделаны частично на маленьких костяных заготовках (табл. XII,1). Такая же разновидность наконечника, более округлого в сечении, имеется и среди небольших наконечников без пазов (табл. XII,14). Интересно, что многие наконечники всех типов изогнуты в сторону одной из плоских поверхностей. Это можно объяснить тем, что они были приготовлены из частей рогов, выпрямленных распариванием,

которые впоследствии приняли первоначальный естественный изгиб. Если же они были сделаны из бивня мамонта или кости, то, очевидно, усыхание и минерализация кости происходит по-разному на наружной и внутренней части, что опять вызывает искривление. Наконец, на многих наконечниках имеются насечки. Они расположены либо на узкой грани (со стороны паза или наоборот), либо на широкой (табл. XII,15). Назначение их неясно, хотя бытовало нелепое предположение, что они облегчали приклеивание вкладышей. Вероятнее всего, это либо орнаментальные, либо счетные зарубки. На это отчасти указывает находка автором в 1962 г. обломка рога северного оленя, на вогнутой части которого через 5-8 мм нанесено 30-34 насечки (на северном конце участка 2, нижний слой).

Кроме наконечников, представляющих охотничий инвентарь, найдены шилья, иглы, ножи и т.д.

Шилья. Размер и степень их обработки различны. Лучшие экземпляры сделаны из бивня мамонта и достигают длины 164 мм. Один конец заострен, другой обычно притуплен. Одно шило сделано из грифельной кости лошади, длина его 175 мм, сустав использовался как рукоять (см. Ауэрбах, Сосновский, 1932, табл. VII,1). Имеются шилья с хорошо приостренным концом и тонким стержнем, довольно много шильев с менее аккуратным острием, есть шило, сделанное на обломке трубчатой кости, и грубые шиловидные острия на обломках трубчатых костей (табл. XII,5,6).

Иглы. Дошли до нас в обломках, но по ним можно представить вид целых экземпляров. Сделаны большей частью из бивня мамонта. Острие округло, средняя часть слегка уплощена, а ушко сделано сверлением с двух сторон уплощенной части иголки. Поверхность игл полирована. Иглы встречены разных размеров - от 1,5 мм толщиной до 3 мм, шириной от 2 мм до 4 мм, с диаметром ушка от 1,5 мм до 2,5 мм (табл. XIII,4).

Костяные ножи с пазом для вкладышей. Имеется один целый экземпляр из мамонтовой кости, размером 90 x 20 x 3 мм, полулунной формы. По прямому ребру идет желобок для вкладышей до 2 мм глубиной. Поверхность тщательно сглажена, края скруглены (табл. XIII,5). Кроме того, есть обломок с пазом до 5 мм глубиной.

Веслообразная лопатка. Сделана из бивня мамонта, размер 255 x 112 x 18 мм (колл.141 № 414). Заготовка получена продольным сколом утолщенной части бивня. Плоский отщеп слегка подработан по краям и уплощен в средней части. Один край толстой части слегка удлинен и представляет как бы обломанную часть рукоятки. На одной стороне заметны следы скользящих ударов острием. В целом орудие несколько напоминает веслообразные лопатки из Костенок XII (табл. XI,1).

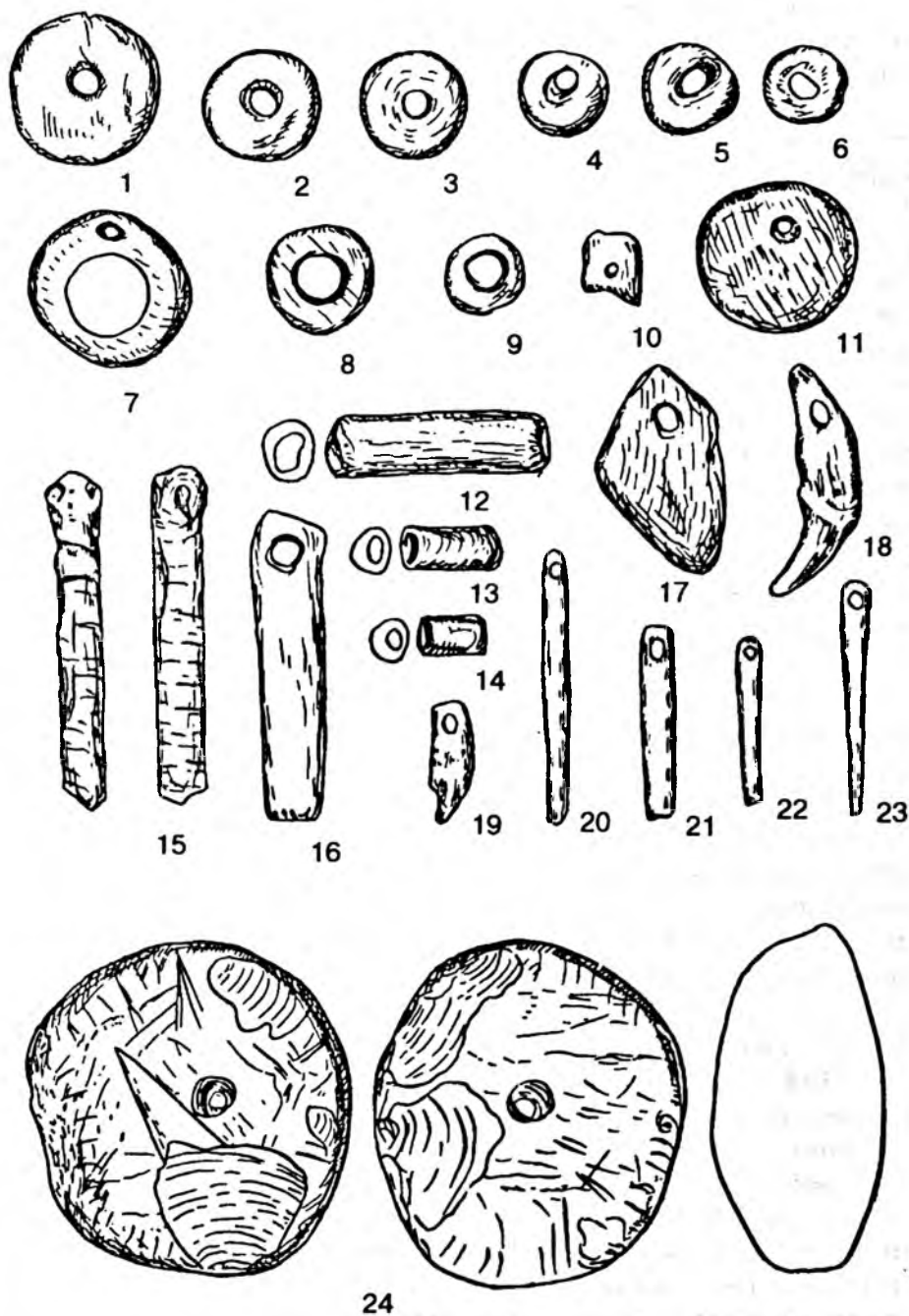

Табл. XIV. Инвентарь нижнего слоя Афонтовой Горы II; украшения и поделки из кости, бивня, зубов и агальматолита: 1-6 - подвески из агальматолита, 7-9, 11 подвески из бивня и кости, 10 - бусинка незаконченная, 12-14 - бусины из трубчатых косточек, 15 - орнаментированное изделие (кость), 16 - изделие (подвеска) из бивня, 17, 18 - подвески из зубов и клыков, 20-23 - обломки игл, 24 - орнаментированный диск из агальматолита.

Кроме вышеописанных в коллекции были единичные экземпляры костяных орудий, которые осмотреть не удалось. Описания даются по Н.К.Ауэрбаху и Г.П.Сосновскому (1932, с.84).

1. Орудие из куска рога оленя, один конец которого полу-кругло заострен срезом. Другой конец утолщен. По стержню орудия нанесены ряды поперечных насечек (табл. XIII,12), длина 145 мм. 2. "Тонкое продолговатое орудие из бивня мамонта, сужающееся к затупленным концам; 3. Два стержня, грубо заостренные к одному концу (табл. XIII,9); 4. фрагменты небольших узких предметов, стесанных к одному концу с той и другой стороны для получения острого ребра или острия. 5. Плоский кусок кости с заточенным концом. 6. Крупный осколок трубчатой кости с грубым тупым концом, имеющим следы от работы (табл. XII,6 - шило); 7. Продолговатое плоское орудие с полукруглым тонким концом, сделанным срезом с той и другой стороны (гладильник - табл. XIII,14)".

Имеется обломок круглого костяного стержня длиной 70 и диаметром 10 мм. Его конец представляет конус со срезанной вершиной, на другом конце зарубки. Может быть, он служил посредником при скалывании микропластинок? (табл. XIII,10). В связи с этим следует отметить, что концы обломков костяных наконечников иногда как бы смяты многочисленными и не очень сильными ударами (табл. XII,4,8,12). Интересны поделки из рога северного оленя и бивня мамонта, представляющие два плоских куска, обработанных с двух сторон и имеющих на одном конце круглое отверстие (табл. XIII,1,2). Кроме них известны три обломка рогов северного оленя, сломанные по месту сверления. Большой из них орнаментирован крупными насечками. Все они напоминают изделия типа "жезла начальника", целые экземпляры которых найдены на участке 1 Афонтовой II нижнего слоя (табл. XIII,8). Также неясно назначение трех небольших шариков, выточенных из бивня мамонта, и изогнутой пластины из бивня со сверлением (табл. XIII,6).

Для каких-то хозяйственных целей использовались обломки бивней и реже плоские тазовые кости. На таких костях видны царапины, покрывающие большие поверхности. Следы перекрещиваются в самых разнообразных направлениях. Эти кости, вероятно, служили подкладками при разрезании шкуры для изготовления одежды или вырезания полос орнамента из кожи (Громов, 1932, с.178). На обломках некоторых костей и бивня заметны ямки от удара при выделке орудий (табл. X,7).

УКРАШЕНИЯ НИЖНЕГО СЛОЯ УЧАСТКА 2. Украшения Афонтовой II представлены главным образом разнообразными подвесками. Они сделаны из камня, кости и клыков мелких животных.

Украшения из камня. Представлены были девятью десятками экземпляров. Наиболее интересен диск-подвеска из агальматолита розового цвета. Размеры - диаметр 42 мм, наибольшая толщина 15 мм, диаметр биконического отверстия 5 мм. Самое замечательное

- орнаментация по краю на обеих сторонах диска в виде ряда насечек. Кроме этих насечек видны значительно более мелкие и длинные царапины и две зарубки около отверстия (табл. XIV, 24). Кроме этого диска имеется еще 8 подвесок меньшего размера. По форме они аналогичны крупному диску, но диаметр их 9-18 мм, толщина 2-4 мм, диаметр отверстия 2-4 мм. Отверстие у больших подвесок просверлено посередине, у некоторых ближе к краю (табл. XIV, 1-6). Осмотреть все подвески не удалось.

Подвески и украшения из кости. Их всего 12 экз. По величине они близки подвескам из агальматолита, но дырочки большего диаметра. Форма их - почти круг. Поверхность бусинок полированная, края сглажены. Отверстия сделаны сверлением с двух сторон (табл. XIV.7-11). Далее цитирую по Н.К.Ауэрбаху и Г.П. Сосновскому (1932, с.84 и табл. XI), видевшими вещи в натуре (номер таблицы этого издания): "Из отдельных украшений этого типа, имеющих в коллекции, необходимо назвать следующее: 1) круглые плоские бусинки с отверстием посередине (табл. XIV,8,9), некоторые из них сделаны из бивня мамонта. Одна из бусинок особенно хорошо обработана; 2) бусинку четырехугольной формы (длина 1 см, ширина 1,1 см) незаконченную обработкой. На поперечных краях предмета видны следы надрезов, которыми бусинка была отделена от заготовки пластинки. Посередине ее имеется небольшое отверстие (диаметр 0,4 см), конически вырезанное с той и другой стороны; 3) круглую подвеску в виде пластинки с отверстием несколько выше середины (табл. XIV, 11); 4) подвеску, имеющую форму плоского кольца с маленькой дырочкой у одного из краев (табл. XIV,7); 5) подвески цилиндрической формы, сделанные из трубчатых костей мелких животных (табл. XIV,12,14), одна из них миниатюрного размера; 6) подвеску узко прямоугольной формы с небольшой сверлиной на одном конце; 7) Обломок тонкой пластинки с миниатюрным отверстием (табл. XIV,10)".

Интересна техника приготовления подвесок. Плоские подвески делались из пластинки кости, в которой просверливались отверстия. Затем эта пластинка разрезалась на отдельные подвески. Этот прием позволял экономно расходовать материал, делать подвески почти одинаковых размеров и удобно удерживать заготовку при сверлении. Такая пластинка плуфабрикат найдена в одном экземпляре (Ауэрбах, Сосновский, 1932, с.85, фиг.8).

Подвески другого типа - из трубчатых костей - делались проще. Косточка нужного размера перепиливалась у суставов, края срезов сглаживались, и оставалось только насадить подвеску на нить.

Подвески из зубов. Подвески такого типа встречены в большем количестве, чем сделанные из кости. Обнаружено 8 резцов и 4 клыка песка, и несколько поломанных (по отверстию) клыков. Интересны маленькие резцы с очень тонким отверстием (менее миллиметра, табл. XIV,19). Кроме песцовых, найдено 6 просверленных клыков оленя. У некоторых из них слегка сточен с боков край корня (табл. XIV,17).

Интересно орнаментированное изделие из кости, в виде продолговатого обломка овального костяного предмета, тщательно округленного. На всей поверхности

Афонтова II участок 3

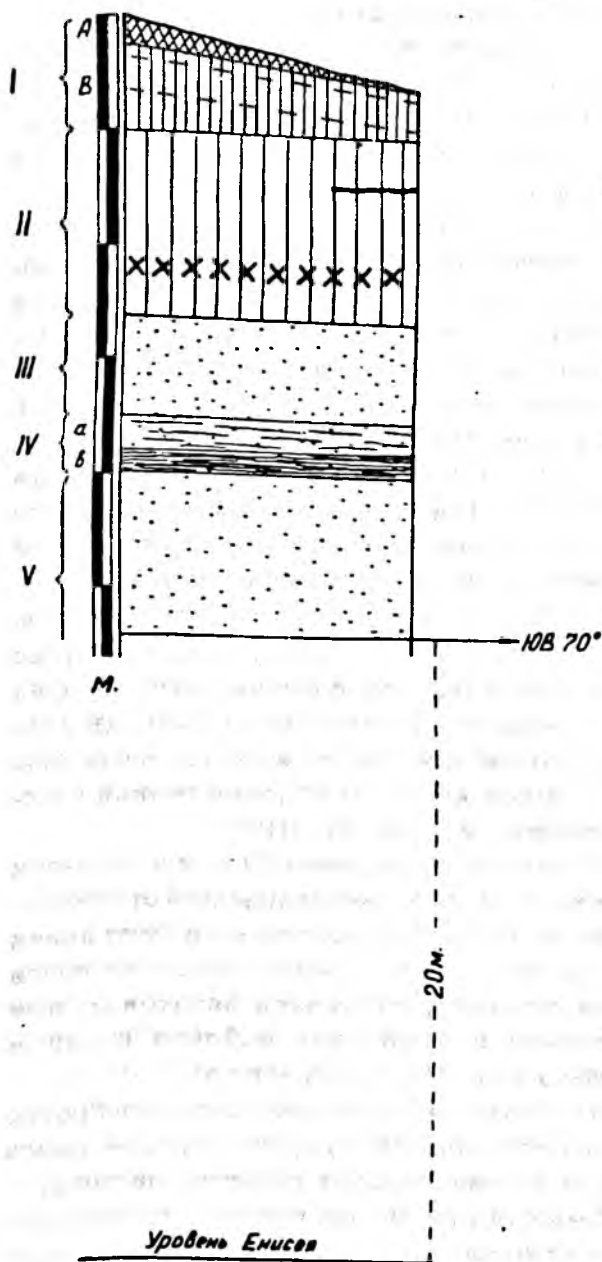

Рис. 10. Стратиграфия участка 3 Афонтовой II по В.И.Громову.

верхности неправильными рядами расположены нарезки глубиной в 0,5 мм и длиной в 3,5 мм. Длина всего изделия 42 мм, наибольший диаметр 6 мм (табл. XIV, рис.15). Такие же, но более глубокие нарезки имеются на одной из узких граней двух продолговатых предметов из кости.

Очень загадочна пластинка из бивня мамонта, к сожалению, обломанная. Она небольшой величины 70 x 25 мм, тонкая. Более широкий конец закруглен. На некотором расстоянии от него сделаны как бы перехваты, оформляющие этот закругленный конец в подобие головки. Остальная часть краев пластинки слабо выпукла и они слегка сходятся к обломанному концу. Выпуклая поверхность пластинки процарапана продольными параллельными линиями (табл. XIII, 3). В целом орнамент на костяных изделиях беден и одно-

образен - это ритмичные параллельные насечки. Кроме украшений в виде подвесок, применялась, по-видимому, раскраска, о чем говорят находки комочков желтой и красной охры, крупных кусков извести и куска кровавика со следами скобления. Этим исчерпывается коллекция участка 2 со стоянки Афонтова Гора II.

Остальные участки стоянки - № 3, 4 и 5 - изучались на меньшей площади, т.к. основное внимание было уделено участку 2. Вследствие этого и сведения о них более кратки.

УЧАСТОК № 3 Афонтовой Горы II. Расположен на восточном склоне Афонтовой Горы, в 120 м к северо-северо-востоку от участка № 2. Первые рекогносцировочные раскопки произведены в 1919 г. Г.П.Сосновским. В 1923 г. было вскрыто 6 кв.м и заложен геологический шурф, но он не был доведен до галечника.

Стратиграфия участка 3. В.И.Грозовым описан следующий разрез (Грозов, 1932, с.157, рис.10):

I. Лессовидная супесь: А - почвенный слой черного цвета, мощность... 20 см. В - темно-серая пористая лессовидная супесь, окрашенная гумусом (подпочва) мощность... 40 см

II. Плотная лессовидная супесь с редкими ржавыми пятнышками и черными точками (ортштейны?). На глубине 2,1 м от поверхности земли - разбитые кости, каменные орудия и осколки; выше уровня культурных остатков залегает резко прерывающийся темный прослой, мощность... 160-180 см

III. Серый сыпучий песок, мощность...115 см

IV. Песчано-глинистый прослой: а) глинистый песок, мощность ... 24 см б) прослой суглинка, мощность... 24 см

V. Серый сыпучий песок, мощность неизвестна".

Слой I (А и В) залегает несогласно со слоями III-V. Последние имеют уклон до 10° к северо-востоку. У Н.К.Ауэрбаха слои нумерованы несколько иначе - слой I описания В.И.Громова разделен на два слоя - 1 и 2, соответствующие слоям А и В В.И.Громова.

Верхний культурный слой участка 3. Культурные слои залегают в слое 2 (IV по В.И.Грозову) и 3 (II слой по В.И.Грозову). В слое 2 залегают две прослойки верхнего культурного слоя. Первая - на глубине 0,3 м от поверхности. Найдены отдельные угольки, мелкие обломки костей и каменные осколки и всего два скребла. Вторая культурная прослойка обнаружена на 30 см ниже на границе со слоем 3 (II по В.И.Грозову). Эта прослойка аналогична первой, не имеет четких границ и определяется по редким уголькам, косточкам, осколкам и пр. Обе эти прослойки соответствуют верхнему слою (В₁-В₂) участка 2.

Нижний культурный слой участка 3. Нижний культурный слой расположен на глубине 2,1 м или в 30 см от подошвы слоя 3 (II по В.И.Грозову). Толщина слоя от 5 до 25 см, местами он окрашен в черно-бурый цвет углями и угольной пылью и поэтому четко выделяется на фоне супеси. Слой заполнен расколотыми костями животных, мелкими косточками птиц и грызунов, осколками кам-

ня. Найдены скребла, скребочки, костяные орудия, много отщепов и т.д. (табл. IX,2). Имеются галечные нуклеусы, уплощенный длинный нуклеус, крупные отщепы, отщеп с ретушью (табл. IX,15), мелкие нуклеусы и их заготовки (табл. IX,3,9,11), скребла на отщепах (табл. IX,7,13), тесловидное орудие (табл. IX,6). В целом представлены наиболее часто встречающиеся типы нижнего слоя участка 2. Этот культурный слой соответствует слою С₃ участка 2, но находок на участке 3 сравнительно мало, что и остановило исследователей, ограничившихся выяснением геологических условий залегания.

Стратиграфическая колонка третьего участка очень показательна. Здесь отсутствует толща лессовидных суглинков участка 2, где глубина залегания верхнего и нижнего слоя отличается не меньше, чем на 4 метра. Участок 3 легче сопоставим со стратиграфией других стоянок Енисея.

УЧАСТОК № 4 Афонтовой Горы II. Расположен на том же восточном склоне Афонтовой Горы, в 57 м от участка 3. В данном месте были отвесные обнажения лессовидного суглинка. Исследовался с 1919 г., но к 1923 г. верхние слои уже были сняты земляными работами. Зачистка культурного слоя показала, что он распространен вдоль горы и маскирован осыпью.

Стратиграфия участка 4. Геологические условия были изучены В.И.Громовым, описание Н.К.Ауэрбаха отличается только нумерацией слоев. Ниже следует описание Н.К.Ауэрбаха (Ауэрбах, Сосновский, 1932, с.63):

- “1. Тонко-зернистая лессовидная супесь (лесс) с известковыми конкрециями (аналогичен гор.1 уч.2),
 мощность..... 80 см
 2. Песок с прослоями дресвы..... 30 см
 3. Пески с желтыми окристыми пятнами и прослоями глины..... 130 см
 4. Темно-серый почти коричневый плотный суглинок,
 мощность 110 см
 5. Глинистый песок”.

Культурный слой участка 4. Культурные остатки находятся в слое 3 (по В.И.Громову -IIB) на глубине 1,2-2 м от дневной поверхности. Культурный слой выделяется темной окраской от вкрапленных угольков, в нем много расколотых костей и особенно мелких косточек грызунов. Попадались крупные и мелкие каменные осколки, каменные орудия. Толщина слоя до 10 см, верхняя и нижняя границы его не всегда ясно прослеживались. Интересно, что слой залегает согласно падению песчано-глинистой толщи, тем не менее он иногда разделялся на верхний и нижний уровень со стерильным пропластком (“лессовидная порода”) толщиной до 17-20 см. Известно, что “с данного участка в коллекциях Красноярского музея имеется серия скребел и других каменных орудий, а также отделанная кость, найденные при зачистке культурного слоя ра-

ботниками музея и авторами настоящего описания” (Ауэрбах, Сосновский, 1932, с.63), однако выделить их из общих коллекций других участков автору не удалось. Культурный слой участка 4 соответствует слою С₃ участка 2. При сравнении зарисовок обнажений участков Афонтовой Горы II поражает резкое уменьшение толщины верхних слоев в данном месте, которому возможно соответствует небольшое понижение галечника. Более детальное исследование возможно позволило бы говорить о падении слоев по бортам оврага, который был, вероятно, между 3 и 5 участком. Пока же у нас нет окончательного объяснения этому явлению.

УЧАСТОК №5 (у “дороги”) Афонтовой Горы II. Это самый северо-восточный из раскопанных участков Афонтовой Горы II. Располагается у начала подъема дороги от переезда к автобазе (бывшая территория старого кладбища), по левую сторону дороги, если смотреть на Афонтову Гору. Теперь этот участок окончательно уничтожен строительством в 1961-1962 гг. Ранее склон был более пологим и почти не обнажен. Первые раскопки на этом участке были сделаны А.Я. Тугариновым и Г.П. Сосновским в 1919 г., затем в 1920 г. ими же вместе с Г.Мергартом, а в 1923 г. - Н.К.Ауэрбахом, Г.П. Сосновским и В.И. Громовым. Всего было раскопано 12-15 кв.м площади.

Стратиграфия участка 5 Афонтовой Горы II. Условия залегания культурных остатков изучены В.И.Громовым, описание слоев Н.К. Ауэрбаха почти не отличается от описания В.И.Громова, которое приводится ниже (Громов, 1932, с.159):

I. Почвенный слой (супесь) с тонким дерновым покровом различной мощности (от 4 до 70 см и больше).

II. Серая до темно-серой тонкозернистая супесь; мощность от 5 до 70 см.

III. Светло-серая тонкозернистая, весьма плотная и твердая при высыхании супесь, содержащая местами окатанную гальку и плитки девонского сланца, мощность 100 см. От горизонта II, как раз на границе с ним, ясно отделяется обилием охристых полосок и включениями галечника.

IV. Речной галечник с темно-бурым железистым песком”.

Культурный слой участка 5. Культурный слой участка 5 залегает в слое светло-серой тонкозернистой супеси (слой III) на глубине 1.2-2 м от поверхности. Выделяясь ярким черным цветом от угля, он достигал мощности 36 см, к горе постепенно выклиниваясь до нескольких сантиметров. Местами он разделялся на 2-3 прослоя с промежутками стерильной лессовидной супеси, толщиной до 15-30 см. Но при этом были и участки, где верхняя и нижняя прослойки смыкались в одну толщу. Характерно, что в залегании слоя была та же особенность, что и на участке 2 - он был изогнут седлообразно, с подъемом крыльев к горе и реке.

В слое было найдено много расколотых костей, преимущественно северного оленя, и несколько целых черепов этого же жи-

вотного. Среди каменных остатков встречены нуклеусы, крупные камни со следами сколов, отщепы (табл. IX, 4), осколки, скребла (табл. IX, 14), скребочки, провертки. Целых костяных орудий не найдено, но есть обломки их. Этот слой участка 5 соответствует слою С₃ участка 2. Поражает малая мощность верхних слоев участка 5 - высота крыши галечника 20,8 метров над Енисеем, а верх террасы в этом месте (правда, несколько сниженный) достигает 23 м, т.е. ниже, чем на уч. 2.

Другие раскопы Афонтовой Горы II.

Кроме основных участков (1, 1а, 2, 3, 4, 5) было еще несколько шурфов. Два из них, очевидно, были достаточно большими, чтобы считать их расчистками. Во всяком случае, первоначально у В.И. Громова было 7 участков. Один из этих добавочных участков располагался между 4 и 5, а седьмой, возможно, за дорогой. У В.И. Громова он опубликован под № 6 (Громов, 1932, с.59):

“I. Лессовидный суглинок темно-желтого цвета.

II. Песок с тонкими глинистыми прослойками, мощность - 110 см.

III. Пески с охристыми полосками и пятнами, более мощными (более 1 см) прослоями суглинка; мощность 100 см. В основании этого горизонта задегает глинистый прослой мощностью до 4-5 см.

IV. Светло-серый сыпучий песок.

V. Речной галечник”.

Больше никаких сведений о нем нет. В коллекции 154 Музея Антропологии в Москве есть несколько предметов с указанием участок 7, среди них галечный нуклеус.

Таким образом, на протяжении 400 м на 5 участках были вскрыты культурные слои позднепалеолитических стоянок. Верхний слой прослежен на 2 и 3 участках, т.е. в двух пунктах части террасы длиной в 120 м. Нет данных о его непрерывности, с другой стороны, его бедность и более слабая выраженность позволяют предполагать обратное, т.е. что там были лишь линзы культурного слоя, небольшие скопления с пустыми промежутками между ними.

Средний слой Афонтовой Горы II прослежен лишь на участке 2. Нижний слой Афонтовой Горы II прослежен от участка 1 до участка 2 почти без перерывов и далее до участка 5.

Наиболее резко - по облику культурного слоя, заизвесткованности и патине орудий - отличается верхний слой от нижнего. Верхний слой представлен отдельными линзами-пятнами с единичными находками между ними, орудия покрыты известковой коркой. Слой суглинка, в котором залегает верхний слой отличается от супеси нижнего слоя, что говорит о резких климатических различиях. Верхнему слою (В₁-В₂) соответствовал сухой и холодный климат последней стадии сарганского оледенения. Верхний слой В₁-В₂ датировался автором временем около 10 тыс. лет назад (Астахов, 1966б).

Прослой C_1 C_2 C_0 (средний слой) отлагались при более влажных климатических условиях кокоревского потепления. Видимо, средний слой можно, не уточняя, пока отнести ко времени 12-13 тыс. лет назад. Основную трудность представляет сложность реконструкции процесса оползания и следовательно реальной стратиграфии памятника. Вероятно, в этом контексте и дата образца, взятого из слоя выше C_3 , равная 11450 ± 250 (Т-297), не выглядит слишком омоложенной.

Нижний слой C_3 , по мнению ряда геологов-четвертичников, соотносился с началом Сартанского оледенения (Равский, Цейтлин, 1965; Цейтлин, 1979). Этот вывод как будто подтверждался датой в 19800 ± 300 и 20900 ± 300 (ГИН-117) лет назад, полученной по углю из прослоек, по мнению С.М.Цейтлина, соответствующих слою C_3 . Автор считал, что образец взят из прослоек D под слоем C_3 . Эта дата дала нижний предел, и не более того. Мы имели широкие хронологические рамки для Афонтовой Горы II. В последних публикациях Н.И.Дроздова и его группы исследователей этот вывод подтверждается (Drosdov, Tcheca, Mestdagh, Damblon, Haesaerts, 1995, p.69). Впрочем, самые последние данные (работа еще не закончена) могут сузить эти рамки (Damblon, Haesaerts, Plicht, 1996, p.203).

Таким образом, хронология Афонтовой Горы II по старым данным устанавливалась в пределах 10-16 тысяч лет и, может быть, в ближайшее время следует ожидать результаты новых радиоуглеродных определений и публикацию изысканий В.Чеха и П.Азерса.

К сожалению, очень малые коллекции слоев B_1 - B_2 и C_1 C_2 C_0 не позволяют проследить эволюцию культуры, представленную в слое C_3 . Можно лишь предположить, что это памятники одной палеолитической культуры, весьма своеобразной уже на самых ранних этапах.

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА АФОНТОВА ГОРА III.

К стоянке Афонтова Гора III Н.К.Ауэрбах, Г.П.Сосновский и В.И.Громов относили юго-восточную часть склона Афонтовой Горы у левого борта Иванихина лога, которая была занята небольшими строениями бывшего нефтесклада (рис. 11).

Иванихин лог представляет древнюю балку с пологими склонами, выходящую на II террасу Енисея (рис. 12). У устья и по обоим бортам его ясно виден небольшой уступ. На пологом склоне этого уступа, у подъема к более высокой террасе и расположены палеолитические стоянки Афонтовой III.

Впервые они стали известны в 1884 г. по сборам И.Т.Савенкова. Сопоставляя этикетки и другие материалы, Н.К.Ауэрбах в своей работе об Афонтовой Горе III отнес к данной стоянке следующие

Рис.11. Афонтова Гора III, разрез 1, вдали пункты 2 и 3, фото И.Т.Савенкова 1914 г. Архив МАЭ.

*Рис.12. Вид на устье Иванихина Лога в 1914 г.
Фото И.Т. Савенкова, архив МАЭ.*

разрезы: 1) Синявина - “у подножия левого ската Иванихина лога”, 2) Лебедевой - “ниже Иванихина лога на самом низу ската горы”, 3) Семенова - “у самого ската горы” (Ауэрбах, 1930, с.51). Но изучение материалов архива И.Т.Савенкова в Минусинске и документов архива МАЭ не позволяет полностью согласиться с выводами Н.К.Ауэрбаха. Прежде всего, в записной книжке И.Т.Савенкова за 1914 г. есть запись: “Синявина № 8” (Архив МАЭ, док. к колл.3298, книжка 1914 г., с.3). В другом месте он указывал, что разрез Синявина примыкает к даче Юдина (там же, книжка 4d, с.223). Это соответствует и плану полосы отчуждения, хотя и составленному позднее (Архив Н.К.Ауэрбаха), но на нем еще виднеются разрезы Синявина И.Я. и Лебедевой Ф.Н., заброшенные к 1914 г. Запись И.Т.Савенкова “у подножия левого ската Иванихина лога” может означать, что левым он его называл, смотря от устья вверх там, где он обычно проходил по разрезам.

Далее, разрез Лебедевой у И.Т.Савенкова упоминается редко, чаще он пишет разрез Лебедева. Так что, видимо, это разные лица и, соответственно, разные разрезы. В 1914 г. И.Т.Савенков разрез Лебедева обозначил номером 9 своего плана, что может исключить и этот разрез из стоянки Афонтова III в понимании Н.К.Ауэрбаха и В.И.Громова. Но бесспорных доказательств пока не найдено, поэтому лучше иметь в виду, что, возможно, часть коллекции из разрезов Лебедева и Лебедевой также принадлежат Афонтовой III. Что касается разреза Семенова, то он действительно расположен на территории Афонтовой III. Это легко доказывается многочисленными записями. Так, И.Т.Савенков пишет, что разрез № 4

(плана) - "мишень". Мишень - это вал для стрельбы батальона, лагерь которого был расположен ближе к Енисею. (Архив МАЭ, книжка №1, с.5). Далее, в книжке 4d страница 218 и др. он пишет о разрезе Семенова: "у старой солдатской мишени" и, наконец, в 1914 г. он указывает на приблизительное место разреза Семенова между цифрами 5а и 4 (Архив МАЭ, кн.1914 г., стр.3 и "Опись костей ..." в архиве Савенкова в Минусинском музее за май 1892 г., №1090-97). Скорее всего (не будем приводить ряда мелких соображений), разрез Семенова обозначен № 5а.

Кроме разреза Семенова, к Афонтовой III можно отнести разрезы Романова и Викулова. Разрезы Романова чаще всего упоминаются в связи со старой солдатской мишенью, а Викулова - либо - не доходя (от города - С.А.) старой солдатской мишени, либо "... Викулова близ Романова", (книжка 4d, с.217), что позволяет отнести разрезы Романова к № 5а, а Викулова к № 4. У Н.К.Ауэрбаха в той же работе разрезы Романова и Викулова ошибочно отнесены к Афонтовой I. Таким образом, к Афонтовой III можно отнести разрезы Семенова, Романова и Викулова, давшие наиболее богатый подъемный материал.

И.Т.Савенков проводил сборы в течение ряда лет, но наибольшее число находок сделано в 1885 и 1887 годах. Кратко дальнейшая история исследования этого пункта Афонтовой Горы такова. В 1914 г. И.Т.Савенков раскапывал Афонтову III, но не смог довершить своих работ из-за преждевременной смерти в ночь с 31 августа на 1 сентября, через тридцать лет после своего изумительного открытия. Раскопки были продолжены в 1925 г. Н.К.Ауэрбахом, В.И.Громовым и Г.П.Сосновским с участием сына И.Т.Савенкова - Тимофея Ивановича Савенкова, указавшего места работ его отца. Затем в 1927 г. проводились проверочные раскопки Н.К.Ауэрбаха или Г.П. Сосновского, судя по записи в дневнике ("Запись экскурсий к Афонтовой Горе в 1925 г.", последние страницы, архив Н.К.Ауэрбаха, Красноярск), описи коллекций Музея Антропологии и документам к исследованиям Н.К.Ауэрбаха в 1930 г. (Ауэрбах. Палеолитическая стоянка Афонтова Гора Красноярского края. 1930. Рукопись, архив ИИМК, ф.42, д.376).

Затем в 1937 г. этот памятник осматривался членами экскурсии Международного конгресса, в 1940 г. - Г.П.Сосновским и уже после войны археологами Красноярского краевого музея.

После отъезда И.Т.Савенкова из Красноярска в 1893 г. верхний слой красноватой "жирной" глины, годной для изготовления кирпичей, постепенно был скрыт почти на всей площади стоянки. Археологические раскопки (1914, 1925, 1927 и 1930 гг.) затрагивали слои, лежащие глубже, уже в более "тощей" глине, которая не годилась для кирпичей и поэтому сохранилась.

Таким образом, сборы И.Т.Савенкова 1884-1892 гг. и его коллекция, хранящаяся в Музее Антропологии и Этнографии РАН, относится к верхнему слою (в некоторых местах, вероятно, с

нескольких горизонтов) Афонтовой Горы III, уничтоженному до 1914 года. Поэтому необходимо подробно разобраться во всех сохранившихся сведениях об этом верхнем слое Афонтовой III.

Верхний слой Афонтовой Горы III (сборы Савенкова).

Разрезы Романова, Викулова и Семенова (Афонтова III) расположены у левого приустьевоего ската Иванихина лога, там, где вторая терраса переходит в более высокую. Именно здесь, у подножия горы, у самого перегиба и были расположены наиболее богатые скопления культурных остатков. Разрезы кирпичных сараев обычно были глубиной метра полтора, иногда меньше - около 1 м и больше, до 2 м.

Стратиграфия. Верхняя часть отложений, вскрытая разрезами, описана И.Т.Савенковым так (Савенков, 1916, с.247): сверху, до 30 см, современная почва, ниже слой "хорошей кирпичной желто-бурой глины" (лессовидный суглинок), в среднем около 1 м толщиной. На более высоких участках склона лессовидный суглинок немного мощнее и более песчанист, внизу, у перегиба к нижней террасе постепенно выклинивается. Под этим желто-бурым слоем лежит слой беловатой глины, переходящей в обизвесткованную "солончаковую" или "иловатую", как ее назвал И.Т.Савенков, глину.

Разрезы затрагивали только верх белой глины, которая в среднем начиналась на глубине 1,5-1,7 метра. Как раз большинство найденных орудий и костей залегает в этих пределах, до 1,5-1,7 м. Например, разрез Викулова. Основная глубина находок - 1,4-1,6 м, иногда (в 1888-89 гг.) несколько глубже, до 1,95 м. Разрез Семенова - в основном, до 1,4 м, реже до 1,7 м. Разрезы Романова - от 1,2-1,3 м до 1,7-2,1 м глубиной. Правда, в последнем случае, по-видимому, затронуты более глубокие слои, т.к. И.Т.Савенков отмечает, что орудие № 2 колл.276 залегает ниже части лопатки мамонта (этикетки к колл.281, 278, 276, 274, архив Савенкова в Минусинском музее).

Таким образом, условия залегания культурных остатков в этих трех разрезах близки, если не одинаковы. Находки встречались в нижней части желто-бурой лессовидной супеси и, главным образом, в самом верху заизвесткованной ("иловатой") супеси. И.Т.Савенков отмечает, что в последнем случае на орудиях заметен беловатый налет (ср. с заизвесткованными изделиями верхнего слоя Афонтовой II). В некоторых случаях И.Т.Савенков отмечает, что орудия встречены глубже отдельных костей мамонта. Разница доходит до 0,45 м. Но в основном, как и на Афонтовой Горе I, можно говорить об одном верхнем слое. "Непрерывного ясно выраженного культурного слоя в лессовидном суглинке нет, он весьма редко заметен на глаз, быстро прерывается, ограничиваясь небольшим пространством..." (Савенков, 1916, с.254).

В некоторых случаях И.Т.Савенков отмечал скопления костей (обычно северного оленя), каменных осколков. Например, он писал,

что найдены 3 осколка и что “в связи с серией костей они заслуживают внимания”. (Архив Савенкова, Минус.музей, д.80, с.57). Не всегда удается установить связь определенных орудий с костями, да и при отсутствии точного плана это мало что дает. Как правило, в скоплениях были кости северного оленя, мамонта, реже быка, лошади. И.Т.Савенков обращал внимание на непереотложенность и неповрежденность культурного слоя. “На местах, где были выкапываемы кости больших вымерших животных и орудия, не замечалось никаких посторонних прослоек, не было никаких следов изгибов, переломов и сдвигов; одним словом, ненарушенность напластований лесса была вне всякого сомнения” (Савенков, 18926, с.44).

Фауна верхнего слоя. Очень интересна фауна стоянки, собранная из верхнего слоя. Конечно, здесь, кроме костей, собранных на Афонтовой Горе III, попадают и собранные на Афонтовой Горе I и других стоянках, за исключением Афонтовой II. Но, поскольку кости взяты, главным образом, из верхнего слоя, такого же, как и на Афонтовой Горе III, для представления о фауне ее верхнего слоя можно привести следующей список из архива И.Т.Савенкова в Минусинском музее:

1. *Felis tigris*
2. *Canis lupus*
3. *Canis familiaris*
4. *Vulpes lagopus*
5. *Gulo luscus*
6. *Ursus maritimus*
6. *Ursus arctos*
8. *Phoca foetida*
9. *Ovis nivicola*
10. *Colus saiga*
11. *Alces palmatus*
12. *Rangifer tarandus*
13. *Trochoceros rosmarus*
14. *Spermophilus eversvorus*
15. *Arvicola sp.*
16. *Lemmus obensis*
17. *Cuniculus (miodes) Torquatos*
18. *Lepus variabilis*
19. *Bison priscus*
20. *Ovibus moschatus*
21. *Cervus canad.var.maral*
22. *Equus caballus*
23. *Rhinoceros tichorinus*
24. *Elephas primigenius*

Больше всего определимых костей принадлежит северному оленю. К 1887 г. И.Т.Савенков уже имел подсчет: северного оленя

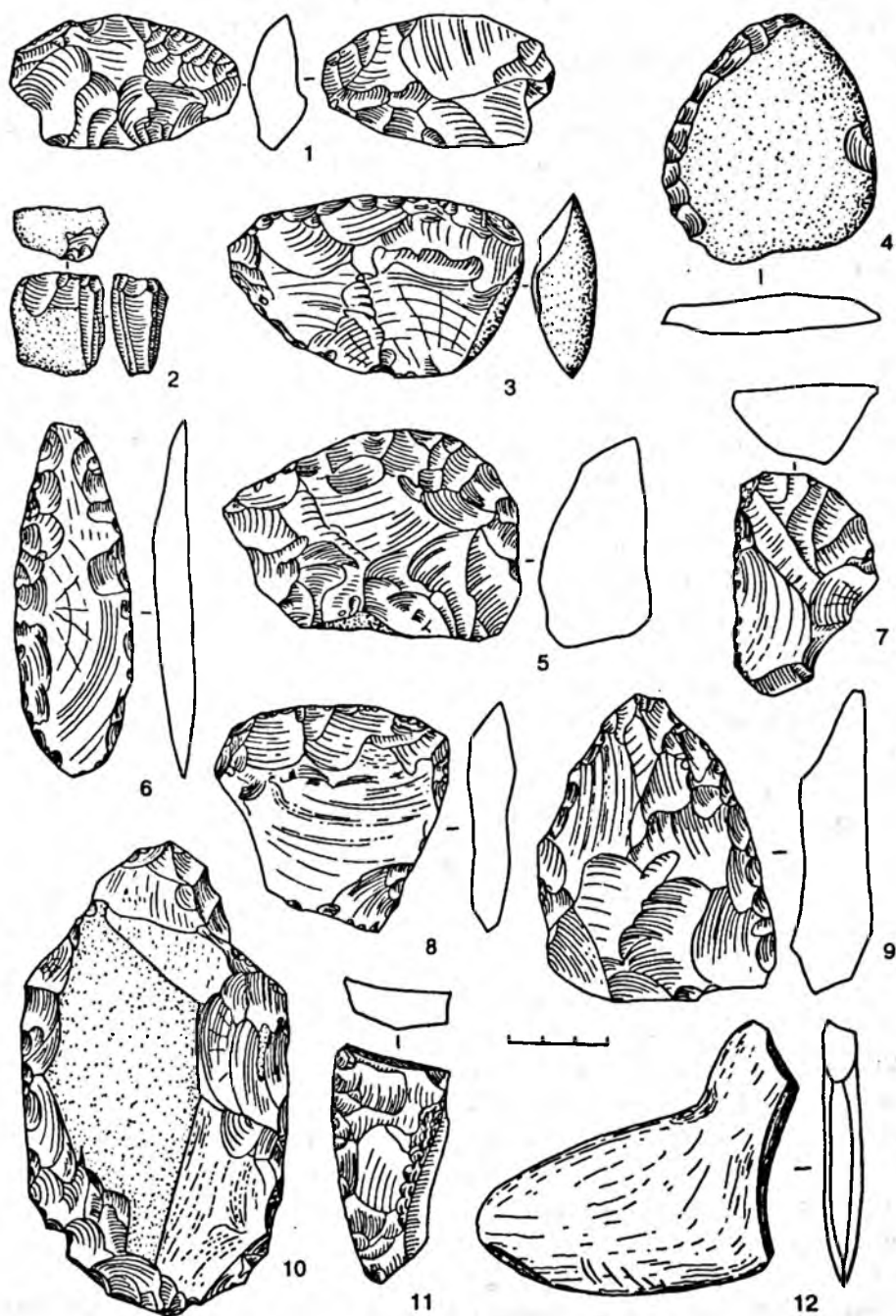

Табл. XV. Инвентарь верхнего слоя Афонтовой Горы III (сборы И.Т.Савенкова): 1,3,4,5,8,9,11 - скребла, 2 - микронуклеус, 6 - унифас, 7 - обломок нуклеуса, 10 - скребловидное орудие, 12 - лопаточка из кости.

48%, мамонта 17%, носорога 1% (В.И.Громов просматривал фаунистическую коллекцию И.Т.Савенкова, но костей носорога не обнаружил). Исходя из этого соотношения, И.Т.Савенков датировал Афонтову Гору “эпохой северного оленя” или концом “эпохи мамонта”. [Архив Савенкова в Минусинском музее. Продолжение рукописи “Палеолитическая эпоха...(остеология), с.37].

Инвентарь верхнего слоя Афонтовой Горы III.

За 1884-1892 годы И.Т.Савенков собрал значительную коллекцию каменных орудий и костяных изделий, а также ископаемой фауны. Из его сборов удалось выделить около 40 предметов, относящихся к разрезам Викулова, Семенова, Романова, т.е. к верхнему слою Афонтовой Горы III. Естественно, при своих сборах И.Т.Савенков мог получать от рабочих главным образом лишь крупные каменные и костяные орудия, что наложило своеобразный отпечаток на его коллекцию. В ней нет ни мелких костяных поделок, ни микропластинок, нет и мелких скребков. Тем не менее, она представляет определенный интерес и заслуживает подробного описания.

Каменные изделия.

В качестве материала для изготовления каменных орудий служили гальки Енисея тех же пород, что и на Афонтовой Горе II. Заготовками для изготовления орудий были отщепы, полученные с нуклеусов разного типа, начиная с простейшего - расколотой поперек гальки.

В коллекциях Минусинского музея есть массивный галечный нуклеус (разрез Романова). Плоская поверхность гальки использована как готовая ударная площадка. Сколы направлены со всех четырех краев к центру. Высота нуклеуса 65 мм.

Интересен обломок нуклеуса, вероятно, позднее использованный как скребок (колл.281, № 69, табл.XV,7). К сожалению, отщепов в сборах И.Т.Савенкова почти нет. Есть лишь два крупных отщепа со следами использования. Первый отщеп (колл.281, №29, разрез Викулова) массивный, укороченный подтреугольных очертаний, со следами сколов на спинке и остатками корки на “ударной площадке” и широком краю, противолежащем ей. Все три края его слегка забиты и стертые, по-видимому, от скобления. Размер отщепа: длина 78, ширина 85, толщина 27 мм. Второй отщеп (колл.281, № 59, разрез Романова) такого же типа, но его правый и частично левый край превращены в лезвия скребел. Отщеп был сколот с гальки, так что его пятка покрыта коркой. Ударный бугорок крупный, хорошо выраженный. На наружной поверхности видны следы предварительных параллельных сколов. Размер отщепа 70 x 70 x 25 мм. Кроме крупных галечных нуклеусов и соответствующих им отщепов, в коллекции имеется миниатюрный призматический микронуклеус. Он сделан из небольшой кремневой галечки (колл.281, № 33, разрез Романова, взято в слое).

В качестве площадки использована ее естественная поверхность, слегка подправленная легким сколом. От площадки сделан ряд сколов вдоль узкой грани и два скола вдоль прилегающей боковой. Размер *нуклеуса* 25 x 25 x 14 мм (табл. XV, 2). Другой нуклеус представлен коротким обломком со сколами на узкой грани (281, № 8). Он не приострен к концу и не имеет клиновидного сужения. Микропластинок, соответствующих таким нуклеусам, не найдено.

Скребла. Они составляют основную группу орудий Афонтовой Горы III из сборов И.Т. Савенкова. Средний размер скребел 90 x 50 x 15 мм. Они сделаны обычно из крупных отщепов и расколотых галек. Чаще всего - в 16 случаях из 27 - отщеп, из которого было сделано скребло, не сохранил галечной корки, или лишь небольшие участки их покрыты галечной коркой. В шести случаях скребла сделаны из краевых сколов с галек таким образом, что нижняя сторона скребла представляет галечную корку, а верхняя, являющаяся брюшком отщепа, обработана по краю ретушью (табл. XV, 3). В трех случаях скребла сделаны так, что большая часть орудия занята галечной коркой, и ретушь нанесена на этой стороне. Нижняя сторона скребла в двух случаях является брюшком отщепа, а в одном случае она обработана сколами, снявшими примерно половину толщины гальки, судя по остаткам корки.

Большинство скребел являются выпуклыми (23 экз.). Четыре из них сделаны из отщепов и сохранили небольшие участки галечной корки: 1. Колл. 281, № 46. Верхняя сторона продольного скребла обработана сколами. Нижняя сторона - брюшко отщепа. Дугообразное выпуклое лезвие получено обработкой левого края отщепа ступенчатой ретушью с мелкой подправкой. Длина лезвия 90 мм, размер скребла 90 x 50 x 15 мм, разрез Викулова. 2. Колл. 281, № 41. Скребло продольное, сделано на плоском удлиненном отщепе. На правом краю его сохранилась корка гальки и негативы сколов для уплощения этого края. На левом краю, более остром, сделано выпуклое лезвие скребла. Фасетки ретуши небольшие, неглубокие. Размер 107 x 50 x 20 мм. Длина лезвия около 100 мм, разрез Викулова. 3. Колл. 281, № 49а. Скребло такого же типа, как и предыдущее, но с более острым и выпуклым лезвием и легкой подправкой нижней стороны. Разрез Викулова. 4. Колл. 281, № ? (не разб.). Скребло отнесено к этой коллекции на основании косвенных данных. Сделано на удлиненном обломке; на краю, противоположном лезвию, сохранилась корка, аналогично двум предыдущим изделиям. Размер 70 x 42 x 14 мм, разрез Романова. Следующие восемь выпуклых скребел сделаны на отщепах, не сохранивших галечной корки. Три из них выделяются большими размерами: 5. Колл. 281, № 44, размер 130 x 55 x 15 мм, разрез Викулова; 6. Колл. 281, № 4, размер 95 x 55 x 23 мм, разрез Викулова; 7. Колл. 281, № 5 (отнесено к Афонтовой Горе III на основании косвенных данных). Размеры остальных скребел несколько меньше. 8. Колл. 281, № 35а, разрез Семенова; 9. Колл. 281, № 19, поперечное

выпуклое скребло, разрез Семенова; 10. Колл. 281, № 49е, поперечное выпуклое скребло, разрез Викулова; 11. Колл. 281, № 9, разрез Романова, продольное скребло получено ретушью спинки отщепы, на брюшке - плоские сколы; 12. Колл. 274, № 11, разрез Викулова. Продольное скребло скошенное (табл. XV, 11); 13. Колл. 281, № 27, разрез Викулова, и 14. Колл. 281, № 11, разрез Викулова. Оба последние скребла отличаются от предыдущих тем, что нижние стороны их выровнены плоскими сколами. На краю, противолежащем выпуклому лезвию, видны негативы нескольких сколов, которые утончали его (табл. XV, 1). Следующие пять выпуклых скребел сделаны из краевых сколов так, что спинка краевого отщепы, являющаяся естественной коркой гальки, стала нижней стороной скребла: 15. Колл. 281, № 55. Разрез Викулова. Скребло сделано на краевом сколе. Верхняя сторона образована брюшком отщепы. Лезвие получено двухрядной ретушью - грубой ступенчатой и мелкой, тщательной, но тоже ступенчатой по своему характеру подправкой. Лезвие скребла слабо выпуклое. Край, противоположный лезвию, оббит несколькими сильными ударами, уплотившими эту часть орудия. Размер 120 x 50 x 18 мм. Материал - светло-зеленый кварцит. 16. Колл. 281, № 67, разрез Романова. Скребло сделано из краевого скола подтреугольной формы. Лезвие слегка выпуклое, очень острое, получено плоской ретушью внутренней плоскости отщепы с последующей подправкой. Размер орудия - 85 x 62 x 20 мм. 17. Колл. 281, № 39, разрез Викулова. Скребло сделано из массивного краевого скола. Выпуклое асимметричное лезвие получено аккуратной, частично ступенчатой ретушью с мелкой подправкой края. Край, противоположный лезвию, утоньшен сильными сколами. Размер орудия 90 x 63 x 30 мм (табл. XV, 5). 18. Колл. 281, № 64, разрез Викулова. Скребло сделано из овального краевого скола с гальки. Лезвие приострено плоской ступенчатой ретушью, форма его слабовыпуклая в середине и более круто загнутая к концам. Край, противолежащий лезвию, несет следы подработки легкими ударами и затерт от скобления. Нижняя сторона орудия - естественная поверхность гальки. Размер 88 x 53 x 17 мм (табл. XV, 3). 19. Колл. 281, № 66, разрез Романова. Скребло поперечное выпуклое, сделано из краевого скола. Ретушь довольно крутая, ступенчатая, имеется мелкая подправка. Остальная часть верхней стороны скребла почти не обработана. Нижняя сторона скребла - естественная поверхность гальки. Размер 75 x 45 x 10 мм.

Три выпуклых скребла сделаны из отщепов и целой гальки так, что верхняя сторона скребла является естественной поверхностью гальки. Нижняя сторона скребла в двух случаях (20. Колл. 281, № 54, разрез Романова и 21. колл. 281, № 63, разрез Романова, табл. XV, 4) является брюшком отщепы. В одном случае - 22. колл. 281, № 92, разрез Викулова, - нижняя сторона скребла получена серией сколов, которые сделали гальку вдвое тоньше.

В коллекции имеются двойные скребла: 1. колл. 281, № 43, разрез Викулова. Скребло угловатое на первичном сколе с гальки. Одно лезвие слабо выпуклое (табл. XV, 8). Нижняя сторона скребла - естественная корка гальки. Размер орудия - длина 68, ширина 72, толщина 17 мм; 2. колл. 281, № 58, разрез Семенова. Скребло конвергентное, спинка отщепа несет негативы предварительных сколов, брюшко гладкое (табл. XV, 9). Размеры 80 x 70 x 25 мм; 3. колл. 281, № 23, разрез Романова. Скребло продольное, на тонком плоском отщепе черного кварцита с тщательно приостренным аккуратной ретушью левым краем. Правый край его также слегка подработан; 4. колл. 281, № 25, разрез Романова. По типу обработки к предыдущему орудию примыкает удлиненный ретушированный отщеп из зеленого кварцита. Обработаны оба его края, ближе к обломанному концу ретушь доходит до середины верхней стороны орудия.

Орудия других типов: 1. Унифас. Колл. 281, № 3, разрез Викулова. Сделан на удлиненном краевом отщепе. Нижняя сторона его - естественная поверхность гальки. Края отщепа обработаны ретушью и сходятся к обоим концам орудия (табл. XV, 6). 2. Тесловидное. Колл. 281, № 38. Боковые края слегка выпуклые и обработаны крутой ретушью с заломами, создающей форму орудия, в то время как у скребел ретушь служит для создания рабочего края лезвия. На нижнем конце орудия виден желобчатый скол и мелкие зазубрины. Но все же следов, какие обычно наблюдаются у типичных неолитических тесел, при рассматривании под микроскопом обнаружить не удалось (см. Астахов, 1967, рис. 4, с. 22). 3. Обломок, возможно, являющийся частью скребловидного орудия (231-73. Нет полной уверенности в правильности прочтения номера и отнесения его к Афонтовой III). 4. Чопперовидное орудие, сделанное из гальки зеленого кварцита (колл. 296, № 2). Один выпуклый дугообразный край обработан крупными сколами. На получившемся лезвии заметна замятость от работы. Другая, противоположная сторона гальки снята несколькими ударами. Размер: 108 x 85 x 43 мм.

В Минусинском музее хранится грубое скребловидное орудие, сделанное из плоской гальки путем оббивки ее краев с одной стороны. Галечная поверхность частично сохранилась и на обработанной стороне (табл. XV, 10).

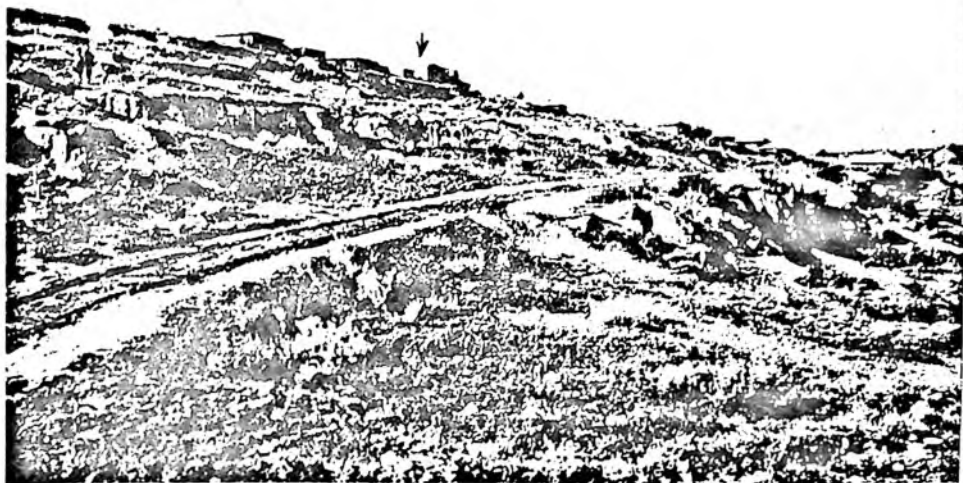
Каменный инвентарь, кроме орудий, представлен двумя бесформенными обломками гальки (281, № 60 и 261, № 57) и пережженными кусками камня (276, № 9 и 10).

Костяные изделия. Среди костяных находок этого слоя встречаются разнообразные изделия и поделки. Часть их сделана из мамонтовой кости, часть из рогов оленей. Из бивня мамонта сделано орудие, похожее на мотыгу или скорее кирку (колл. 279, № 1). Бивень мамонта сначала был надрублен вокруг и обломан, что хорошо видно на обушковой части орудия. Стороны мотыги

обработаны сильными сколами, средняя часть, после снятия крупного куска бивня, обрабатывалась каким-то рубящим инструментом, а конец приострен скоблением. Длина мотыги 300 мм, сечение овальное, 50 мм на 35 мм. Короткая ось овала почти перпендикулярна воображаемой ручке.

Из мамонтовой кости сделано и орудие в виде плоской лопаточки с обломанной ручкой. Ручка располагалась под углом около 75° к длинной оси (колл.278, № 34, табл. XV,12). В коллекции имеется своеобразная рукоятка из отростка рога северного оленя (278, № 29). Более тонкая часть рога была надрезана и обломана, конец срезан под острым углом, губчатая масса выдолблена с двух сторон. Видимо, в эту ручку вставлялось каменное орудие. Длина изделия 130 мм, толщина посередине 27 мм. Еще на одном обломке рога (косули? колл.278, № 25) образовалось острие, но явных следов дополнительного оформления оно не несет, хотя могло быть использовано как проколка. Наконечники копий составляют серию орудий (4 экз.). Все они относятся к типу округлых в сечении. Один из них без паза, длиной 165 мм, шириной 15 мм и толщиной 8 мм. Одна сторона слегка уплощена из-за мягкости губчатой массы рога (колл.278, № 20). Поверхность орудия изъедена корнями растений. Конец его шиловидно приострен, черешок обломан. Другой фрагмент представляет тоже округлый в сечении тип наконечника. Он очень плавно, шиловидно, приострен, с пазом лишь у острия (колл.278, № 8). Длина сохранившейся части 134 мм, наибольшая ширина 14 мм, толщина 7 мм. Поверхность наконечника была тщательно выстругана и оскоблена. Паз длиной в 50 мм начинается в 5 мм от кончика. Ширина паза 2 мм, глубина 3 мм, у дна резко суживается. На стороне, противоположной пазу, у места облома, имеется зарубка. Третий фрагмент представляет черешковую часть округлого в сечении наконечника (колл.278, № 14). Длина сохранившейся части 123 мм, ширина 16 и толщина 8 мм. От места облома на 35 мм тянется паз идущий к острию. Ширина паза около 2 мм, глубина тоже около 2 мм, паз прорезан не по оси симметрии, а слегка скошен в сторону. Черешковая часть слегка выделяется срезанными узкими гранями. Возможно, это вторичное приострение. Последний фрагмент - острие округлого в сечении наконечника с пазом (колл.278, № 21). Длина обломка - 80 мм, ширина 12 мм, толщина 6 мм. Одна сторона уплощена. Обломок сильно изъеден корнями растений. Паз шириною и глубиной около 3 мм начинается в 37 мм от острия. Наконечник был с шиловидным острием. В этой коллекции нет наконечников с пазом по всей длине, но нет уверенности, что это не является результатом сбора материала.

Рассматривая всю коллекцию в целом, можно лишь отметить, что формы и типы орудий близки орудиям других стоянок Афонтовой Горы. Костяные орудия больше напоминают изделия слоя С₃ Афонтовой II. Делать более определенные заключения,

*Рис.13. Вид на склоны Афонтовой III в 1914 г.
Фото И.Т. Савенкова. Архив МАЭ.*

учитывая характер материала, прежде всего его выборочность, пожалуй не следует.

Основной слой Афонтовой Горы III.

Этот слой впервые стал известен после раскопок И.Т. Савенкова в 1914 г. Еще в 1892 г. он писал: "Нужны раскопки и углубления в местах, которые известны нам по обилию остеологической и антропологической добычи" (Савенков, 1892а, с.42). Эти места - разрезы Викулова, Романова, Семенова и в меньшей степени другие в окрестностях Иванихина лога. В настоящее время это место расположено между улицами Энгельса и Бульварной. Тогда же, 70 лет назад, там не было никаких строений (рис. 2).

Верхний пласт отложений - супесь желто-бурого цвета - была скрыта для изготовления кирпичей. Отвесные стенки карьеров облегчали разведку.

При раскопках И.Т.Савенков применял следующую методику. (Астахов, 1997: 77). Раскоп обычно начинался траншеей, разбитой на квадраты со стороной по одному метру для взятия материала. Раскопки производились по условным горизонтам (через 0,25 м). Все найденное фиксировалось в таком порядке: 1) № раскопа, 2) № "столба" (римская цифра), столб - это ряд квадратов параллельно склону. Далее 3) горизонт и 4) № квадрата. Все орудия шифровались в указанном порядке, что позволяет определить точное местоположение вещи.

После прохождения одного столба разбирался следующий, по склону вверх, а земля отбрасывалась вниз, на раскопанную часть. Раскопки фотографировались. Судя по отчету сына И.Т.Савенкова,

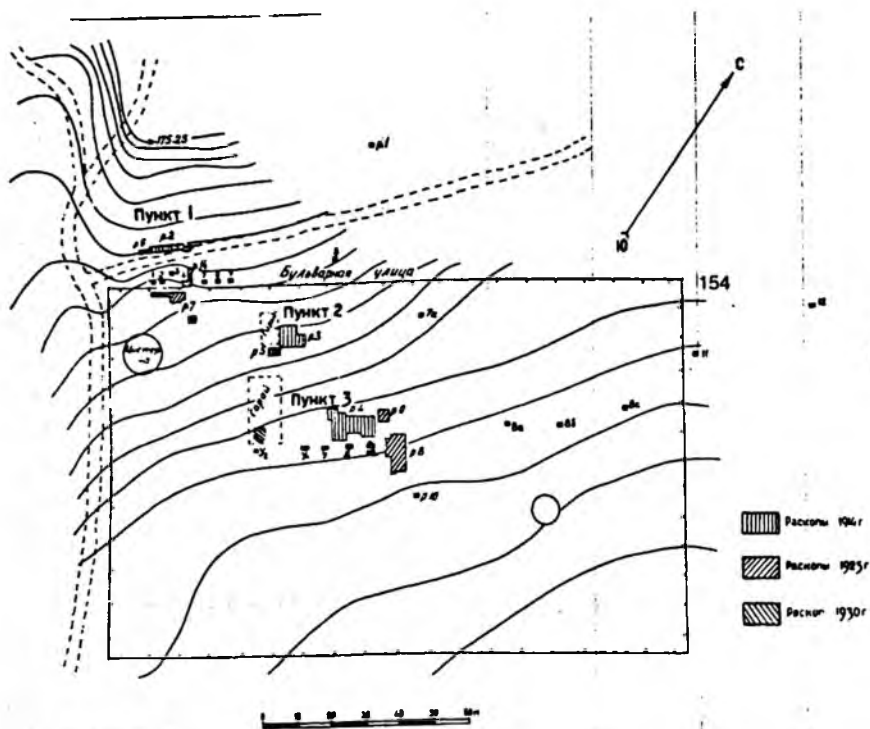

Рис.14. План стоянки Афонтова Гора III. По Н.К.Ауэрбаху с добавлениями автора (добавлено местоположение раскопов, шурфов Савенкова и раскоп 1930 г.).

имелись также планы раскопов (были переданы в МАЭ), но они до нас не дошли. До слоя с находками балласт снимался лопатами, дальнейшая разборка производилась более мелкими инструментами (ножи, мастерки). Грохот не применялся. (см. Отчет об археологической экспедиции И.Т.Савенкова, составленный после его смерти. Архив МАЭ, док. к колл. 3298). Первый разведочный разрез (то есть раскоп - А.С.) И.Т.Савенков заложил ниже ул.Энгельса, под перекрестком со 2-ой Гремячей улицей, на высоте около 10 м над линией железной дороги (рис. 14).

Размер раскопа - 6 метров длины вдоль террасы и 4 метра по склону. Глубина его доходила до 4 м. "Несмотря на обширную выемку, находки оказались только на квадрате № 2 на глубине 0,75-1,0 м от верхней поверхности мергелистой глины и на кв.№ 3 на глубине 1-1,25 м" (Ауэрбах, 1930, с.8-10). Однако в описи материалов эти находки отсутствуют (не найдены и среди этикеток И.Т.Савенкова, хранящихся в МАЭ). И.Т.Савенков отмечает большую мощность мергелистой глины, доходящей за Иванихиным логом до 6-8 м.

Следует еще добавить, что в отчете И.Т.Савенкова подчеркнуто: " По всему склону горы слой красной кирпичной глины снят кирпичезаводчиками до слоя мергелистой глины, на который они

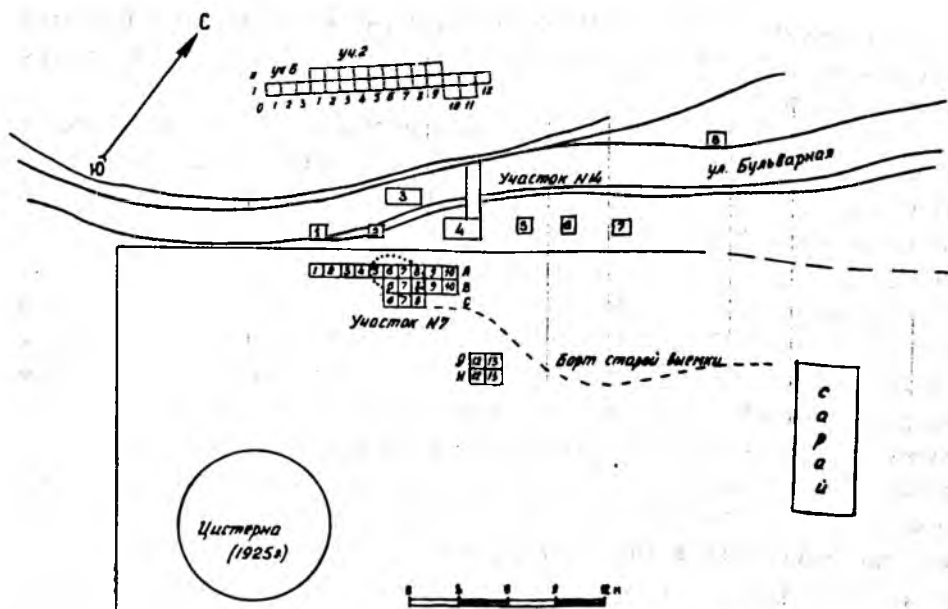

Рис.15. План раскопок пункта 1 Афонтовой Горы III.

при выработке отбрасывали дерн, счищаемый с поверхности. Толщина слоя кирпичной глины была около 2 м. Наше счисление [глубины залегания - С.А.] ведется всюду от поверхности мергелистой глины: чтобы определить прежнюю естественную глубину предмета, нужно прибавить к нашей до 2 м красной глины и еще 0,5 м слоя дерна". (Обратите внимание на это существеннейшее замечание и на цифры!) Именно в этой красной глине (верхний слой), в нижней части ее и залегали орудия, собранные И.Т.Савенковым до 1892 г., описанные выше, как верхний слой Афонтовой Горы III. Как увидим далее, все остальные находки Афонтовой Горы III залегают ниже верхней границы "мергелистой" глины. Об этом же говорит и Н.К. Ауэрбах: "Здесь (разрез 7 - С.А.), как и на всей площади двора нефтесклада, верхние слои земли были сняты предыдущими земляными работами" (Ауэрбах, 1930, с.16).

Пункт 1 Афонтовой Горы III.

Уже в 1930 г. Н.К.Ауэрбах разделил Афонтову Гору III на две верхних и нижнюю стоянки. К верхней он относил свои раскопы № 7 и № 14. На этом же месте располагались раскопы И.Т. Савенкова (1914 г.) № 2 и 6. Именно этот пункт с раскопами 2, 6, 7 и 14 может считаться самостоятельной стоянкой, названной нами пункт 1 Афонтовой Горы III, по Н.К.Ауэрбаху (1930, с.35), это "третья стоянка" (рис. 14 и 15).

С целью предоставить читателю как можно больше документальных данных, описания всех разрезов пункта 1 даются по отдельности.

ВТОРОЙ РАЗРЕЗ И.Т.Савенкова располагался вдоль террасы на 12 м и шириной в основном 2 м, всего площадью 23 кв.м (рис. 15). С юго-запада к нему примыкает разрез № 6, площадью 3 кв.м. Топографически эти разрезы расположены на самом перегибе склона террасы, но еще на ровном месте. Далее цитирую отчет: “Слой мергелистой глины различной толщины, но не толще одного метра (подчеркнуто мною - С.А.). В нем в большом количестве заключаются полосы темного окрашивания с большим содержанием обломков костей и других остатков. Под ним слой толщиной 10-15 см красного девонского мергеля, в котором и под которым никаких находок не было. Для того, чтобы убедиться в этом, мы вынули несколько квадратов глубже девонского мергеля. Темные полосы в белой мергелистой глине прерываются, представляют как бы разорванные и сдвинутые части одной линии (подчеркнуто мною - С.А.), имеют как бы наклон на северо-восток и ясный крутой наклон на юго-восток. Продолговатые кости лежат в наклонном вперед на ю.-в. направлении, это заметно на фотографиях. В то время, как сейчас, рельеф местности представляет здесь наклон только на ю.-в. В одном месте полоса темного окрашивания (толщиной 2-3 см - С.А.) с большим содержанием предметов, изогнутая S-образно. Встречаются угольки, дресва, обожженные камни, попадался два раза рыхлый зеленый камень, легко разваливающийся, один из них 15-12 см длины. Находились большие угловатые камни, служившие, по-видимому, для разбивания костей, обломки костей и кости, еще годные для определения... и каменные орудия... Верхние горизонты в этом разрезе богаче нижних, в верхних больше обломков костей, в нижних появляются больше камней. Поверхность мергелистой глины над этим разрезом затронута, по-видимому, для устройства старой кирпичной дороги. Мы брали предметы только из нетронутого слоя и счет горизонтов вели тоже только с его поверхности”. (И.Т.Савенков. Отчет о раскопках..., архив МАЭ).

Кроме черновика отчета И.Т.Савенкова и краткого отчета его сына, есть описи коллекций, показывающие распределение находок в раскопах, и фотографии. Это позволило восстановить план раскопов И.Т.Савенкова, определить основные глубины залегания, распределения находок по площади и т.п.

Естественный стратиграфический разрез раскопов 2 и 6 не сохранился полностью. Находки залегали в желтом суглинке на глубине от 0,10 до 0,75 м. Верхний слой и почвенный покров были скрыты. Их общая мощность около 2 м. Следовательно, можно считать, что раньше находки были на глубине около 2-2,8 м.

Фауна раскопов 2 и 6 неизвестна, т.к. кости были переданы в Зоологический музей и не были в свое время определены. И.Т.

Афонтова III раскоп 7

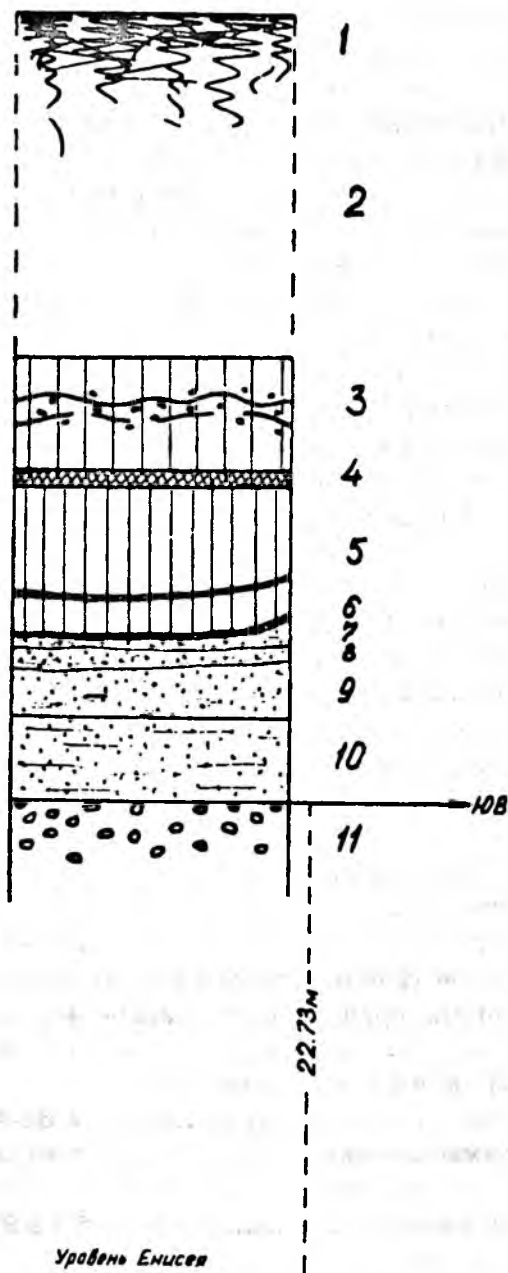

Рис.16. Стратиграфия пункта 1
Афонтовой Горы III.

Савенков указывал на присутствие костей мамонта. Им же зарегистрирован "клык медведя", оказавшийся, по определению Н.М. Ермоловой, зубом лошади.

Культурный слой.

Как можно представить себе по описаниям и фотографиям, остатки деятельности человека встречены на разной глубине и приурочены к определенным горизонтам. Они не образуют единого мощного слоя, как на Афонтовой Горе II. Но эти прослойки хорошо заметны из-за скопления угольков, золы, костей. Наиболее отчетливо выделяется одна прослойка в 2-4 см толщиной. Она залегала на глубине 10-30 см от поверхности (во II столбе, что выше по склону). Прослойка была искривлена, изогнута и разорвана. Ниже ее прослеживалась другая, менее четко выраженная. На площади разреза № 2 и 6 можно проследить два основных скопления культурных остатков, по-видимому, отчетливо не разделенных. Граница между этими остатками проходит по линии квадратов 6 и 7. Распределение находок по вертикали и их описание будут даны ниже, совместно с коллекцией 1925 г. В 1925 г.

Н.К.Ауэрбах и Г.П.Сосновский при помощи Т.И.Савенкова смогли установить места раскопок его отца. Они решили продолжить изучение этого пункта Афонтовой Горы. Поблизости от разрезов 2 и 6 И.Т.Савенкова был заложен раскоп 7, затем ряд шурфов и раскоп 14. Раскоп 7 был заложен в западном углу двора нефтесклада параллельно забору, выходящему на Бульварную улицу. "Как и на всей площади двора Нефтесклада, верхние слои были сняты предыдущими земляными работами" (Ауэрбах, 1930, с.16).

Стратиграфия раскопа 7. В приведенной в работе Н.К. Ауэрбаха схеме не учтен тот слой, который был скрыт до раскопок. Поэтому стратиграфическая колонка автором дополнена сверху слоем гумуса и желто-бурой супеси (около 2 м). Ниже этот суглинок переходит в светло-серую лессовидную супесь с темными прослоями и культурными остатками - теми, которые описаны Н.К.Ауэрбахом.

То, что весь склон Афонтовой Горы и территория нефтесклада во время раскопок Н.К.Ауэрбаха были покрыты слоем чернозема, не должно нас удивлять. Ведь при разработке карьеров гумус с дерном срезался и отбрасывался на дно, а глина увозилась на завод. Этот гумус расползся и покрыл слоем почвы дно карьеров. Его (гумус) можно не включать в описание. Следовательно, стратиграфия разреза № 7 (с дополнением!) представляется в следующем виде (рис. 16):

1. Почва (до 1914 года) 0,0-0,5 м
2. Желто-бурая супесь (до 1914 г.) 0,5-1,8 м
- 2а. Прослойка светло-серой супеси(?)..... 1,8-2,0 м
3. Светло-серая лессовидная супесь с темными прослоями и культурными остатками.....2,0-2,8 м
4. Прослой красного суглинка.....2,8-2,92 м
5. Серая супесь с включениями красной глины и известковых конкреций2,92-4,02 м
6. Малиново-красный прослой суглинка
мощностью 0,02-0,05м до 4,0м
7. Серая песчанистая глина 4,07-4,17 м
8. Перемежающиеся слои гравия, глины с кусочками охры (желтой и красной), ярких оранжевых и красно-малиновых цветов 4,17-4,32 м
9. Слои песка и серой глины с желтыми полосами.....4,32-4,67 м
10. Серый песок с примесью глины..... 4,67-5,12 м
11. Галечник до уреза Енисея 5,12-27,85м

Культурный слой. Площадь раскопа № 7 - 22 кв.м. Большая часть раскопа, квадраты А1-10, В6-10, С6-8 были заложены от борта старой выемки, а квадраты G 12-13 и Н12, Н13 на дне этой выемки. Поэтому в первом случае находки встречались на глубине от 35 см (на квадратах G и Н - с глубины 5-10 см), причем прослойка

культурных остатков толщиной до 2 см встречена на наиболее богатых квадратах, на глубине 41-45 см. При вертикальной зачистке эта прослойка образует извилистую и прерывистую линию. Ниже этой прослойки, на глубине 53-55 см, находится более мощная темная, серая прослойка толщиной в 5-6 см. В некоторых местах обе прослойки сближаются, иногда вторая прослойка прерывается. На кв.Г и Н верхняя прослойка, аналогичная кв.А, В и С, встречена на глубине 10-25 см. На фотографиях и зарисовках тех лет отчетливо заметны нарушения прослоек с культурными остатками, но мы можем лишь предположительно говорить о том, что это результат солифлюкции. Сами прослойки, видимо, представляют овражные почвы, быстро перекрываемые склоновыми отложениями.

Обе прослойки залегают согласно современному склону. При раскопках 1925 г. Н.К.Ауэрбах и Г.П.Сосновский рассматривали их как один культурный слой, тем более, что находки встречались и выше первой прослойки, и в прослойках, и между ними, и ниже прослойки.

Этот культурный слой стратиграфически залегал под первым культурным слоем, который был уничтожен в 80-х годах (сборы И.Т.Савенкова).

Фауна пункта 1. В раскопках 1925 г. было найдено много целых и расколотых костей животных. Среди них В.И.Громов определил следующие виды: 1. *Rangifer tarandus*; 2. *Lepus* sp.; 3. *Vulpes* sp.; 4. *Elephas Prim.* Кости повреждены корнями растений, видимо, современных. Небольшие скопления костей были встречены на кв.Г и Н, на дне выемки.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ шурфы пункта 1.

Кроме основного 7 и 14 раскопов, было заложено 8 шурфов вдоль забора нефтесклада, на внешней стороне его.

Шурф № 1 (самый западный). Находок нет, супесь серо-желтого цвета, толщина ее 0,65 м. Шурф № 2 (против квадрата А-5 раскопа 7), Находок нет. Шурф № 3. Встречена темная прослойка, в ней и немного ниже обломок костяного орудия, несколько осколков костей (Ауэрбах, 1930, с.18). Шурф № 4. Лессовидная супесь достигает 72 см толщины. В ней, на глубине 0,10 м - темный слой до 11 см мощностью. "Окраска слоя неодинакова, при вертикальной зачистке он дает такую смену цветов: сверху черный, ниже бурый, еще ниже буро-черный, переходящий у нижней поверхности прослоя в коричневый цвет. При горизонтальной зачистке прослой не дает поверхности ровного окрашивания, а образует ряд пятен различной окраски. В прослоя и ниже прослоя обнаружены многочисленные кости северного оленя и отдельные угольки и скопления угольков" (Ауэрбах, 1930, с.19). Шурф № 5. Встречены две прослойки культурного слоя. Верхняя на глубине 0,25 м. Она также, как и в шурфе № 4, неоднородна по окраске. По направлению

к ю.-в. прослойка прерывается. Вторая прослойка была на 10 см ниже и достигала 12 см мощности (в основном 3 см). В ней было встречено много расколотых костей. Отдельные находки их попали также между прослойками и несколько ниже второй прослойки. Шурф № 6. Встречена одна темная прослойка на глубине 30 см толщиной 4 см. Обнаружены разрозненные мелкие осколки и расколотые трубчатые кости. Шурф № 7. Лессовидной супеси нет, сразу идет гравий. Шурф № 8 (в 7-8 м севернее № 7). В лессовидной супеси, на глубине 16 см обнаружена слабо выраженная темная прослойка, в ней несколько обломков костей.

Кроме шурфов 1-8 были заложены небольшие шурфы "в 18 м юго-восточнее линии квадратов А (раскопа 7 - А.С.). Темного окрашивания в суглинке, выходящем на поверхность, не обнаружено. В 16 м ю.-в. линии кв.А по линии 16 обнаружены на глубине 37 см небольшие темные примазки" (Научный дневник археологических раскопок на Афонтовой Горе и в других местах. 1925 г. Запись от 8 июля. Рукопись Н.К.Ауэрбаха. Архив Ауэрбаха, Красноярск).

Таким образом, культурные остатки вниз по склону от участка 7 довольно быстро выклиниваются, то же самое - в северо-восточном направлении. Основное распространение находок - на северо-запад к участку № 2 И.Т.Савенкова.

Н.К.Ауэрбах заложил 18 июля раскоп 14, рядом с которым был расположен шурф № 4. Раскоп 14 протянулся в северо-западном направлении на 4,3 м при ширине 0,7 м. (Научный дневник археологических раскопок ...). Северо-западная часть его захватила нарушенный слой, т.к. здесь лессовидная супесь перекопана до галечника, и ее толщина всего 1,8 м вместе с 0,8 м старого отвала. Юго-восточная (ниже по склону) часть раскопа сохранила обрывки культурного слоя. Стратиграфия этого участка дана в описании шурфа № 4. Каких-либо скоплений культурных остатков исследователям, очевидно, не удалось проследить.

В раскопе 7 квадраты А-1 и А-2 находок не дали, на квадратах А-3 и А-4 находок очень мало, на кв.А-6 - обломки костей и орудия. В квадрате А-9 на глубине 69 см обнаружено несколько соединенных суставов конечностей северного оленя, на кв.А-10 - челюсть бизона, микропластинка, шарик из бивня мамонта. На квадратах В-9 и В-10 находок почти нет (смотри "Книга описей" Красноярского Музея).

Наиболее насыщенными оказались квадраты В-6, А-7, В-7, В-8, С-9; менее насыщенными - А-5, А-6, D-12, С-7. Остальные почти пусты. Таким образом, можно проследить скопление культурных остатков. Очевидно, именно оно было очерчено на черновике плана Н.К.Ауэрбаха в его дневнике. Диаметр его около 2,5-3 м. Видимо, в данном случае можно говорить о наличии здесь наземного жилища. На плане, уточненном автором, контур его обведен точками. В целом раскопы Н.К.Ауэрбаха захватили лишь юго-восточную

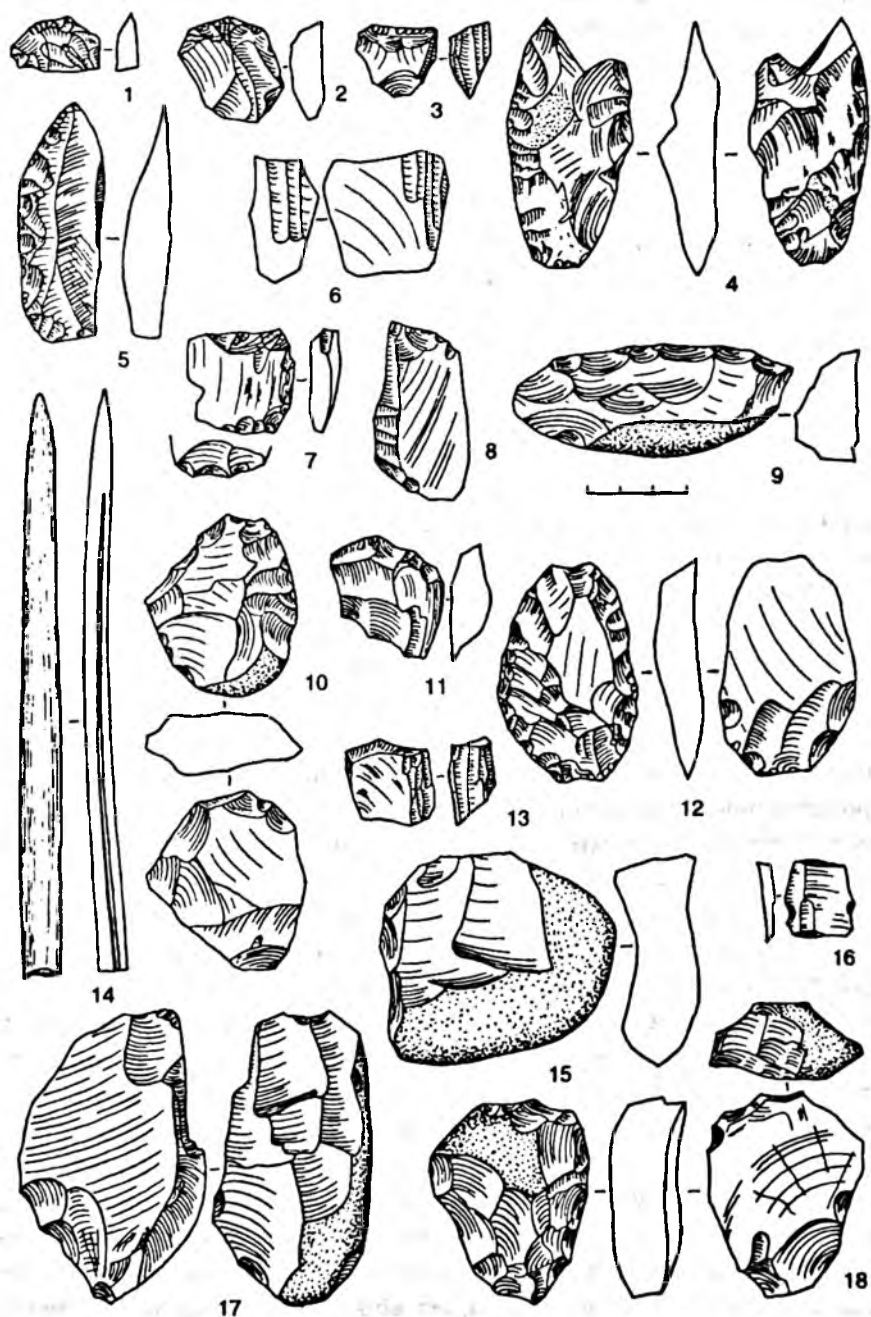

Табл. XVI. Инвентарь пункта 1 Афонтовой Горы III: 1,2,11 - скребки, 3,6,7,13 - микронуклеусы, 4 - обломок ножа (ли-мас), 5 - отщеп с ретушью, 8 - резец атипичный, 9,10,12 - скребла, 14 - наконечник из рога с пазом, 15 - нуклеус одно-площадочный уплощенный, 16 - фрагмент пластины, 17 - нуклеус призматический, 18 - заготовка нуклеуса.

часть стоянки ("третьей стоянки" по Н.К.Ауэрбаху). Отчетливо прослеживается явное увеличение количества находок по направлению к северо-западу, к раскопам № 2 и 6 И.Т.Савенкова.

Общая площадь стоянки, видимо, была не менее 300 кв.м. Она была вскрыта И.Т.Савенковым на площади 26 кв.м и Н.К.Ауэрбахом на 36 кв.м. В 7 и 14 раскопах найдено 54 каменных и 9 костяных орудий (из двух прослоек вместе), из трех горизонтов 2 и 6 разрезов получено 3348 каменных предметов, 50 каменных и 5 костяных орудий. Орудия по горизонтам распределялись так: первый горизонт - 40 каменных и 5 костяных, второй - 10 каменных изделий, а третий - только отщепы и осколки.

Следует учитывать, что И.Т.Савенков свои "горизонты" располагал строго горизонтально. При этом прослойка с культурными остатками, залегающая наклонно, попадала как в 1, так и во 2 и даже в 3 горизонт. Но общая тенденция - уменьшение насыщенности прослоек с увеличением глубины - в приведенных цифрах все же отражена.

Каменные и костяные изделия (Афонтова Гора III, пункт 1). Вначале рассмотрим каменный инвентарь. Здесь, как и на всех стоянках Афонтовой Горы, чаще других пород применялся кварц и кварцит с его разновидностями, затем яшма с опалом и халцедоном, реже кремь и окремненные породы. Подсчет сделан по описи коллекции № 150, хранящейся в Красноярском музее. *Нуклеусы* представлены несколькими вариантами. Есть обломок валуна с несколькими сколами (колл.3298, № 60) и галечный продольный широкий нуклеус. Более развитая форма представлена двумя одноплощадочными удлинненными нуклеусами.

Один из нуклеусов (коллекция И.Т.Савенкова) выполнен на крупном обломке гальки, вдоль длинного узкого края которого производилось скалывание отщепов. Высота нуклеуса 90 мм. Площадка под углом около 80 градусов подправлена сколами. Нижний конец забит от удара (табл. XVI,17). Такой же нуклеус есть и в коллекции Н.К.Ауэрбаха. Второй вариант крупных нуклеусов - одноплощадочный односторонний, плоский, и сравнительно невысокий нуклеус (около 60 мм). Скалывание производилось вдоль широкой стороны обломка гальки. Площадка его также подправлена, наклонена к плоскости сколов под углом около 60° (колл.3298, № 54 и колл.150, № 153; табл. XVI,15). Имеется два оббитых обломка гальки, возможно, являющиеся заготовками нуклеусов (3298-10, табл. XVI, 18).

Два небольших ядрища из коллекции И.Т.Савенкова относятся к типу микронуклеусов. Высота их около 20 мм (табл. XVI, 3,13). К ним примыкает заготовка такого нуклеуса с одним сколом резцового типа (табл. XVI,7). В коллекции Н.К.Ауэрбаха и Г.П.Сосновского тоже есть нуклеусы для микропластинок, но они немного более крупные, чем из раскопа 2 (табл. XVI,6). Их всего 4 экз.

В коллекции И.Т.Савенкова имеется скол с крупного нуклеуса, очевидно, клиновидного типа, несколько довольно тонких и длинных отщепов, обломок правильной ножевидной пластины (табл. XVI,16) и много отщепов.

Скребла - преобладающая группа среди орудий. В раскопах № 2 и 6 было найдено 12 скребел, раскопах 7 и 14 - 8 или 9 экземпляров. Среди первых имеются два довольно массивных орудия, сделанных из галек. Одно из них - выпуклое скребло со скошенным лезвием. Край гальки был сбит крупными плоскими сколами и приострен мелкой ретушью. Второе - вогнутое скребло, сделано из крупной гальки, расколотой пополам. Получившийся край обработан сколами и ретушью. Остальные 10 экземпляров (и один обломок) представлены обычными скреблами с выпуклым одним или двумя лезвиями. Сделаны они на отщепках. В двух случаях на краю, противоположном лезвию, осталась часть поверхности гальки (табл. XVI,9). Брюшко отщепки не обрабатывалось, а ретушь наносилась на спинке. Иногда она подправлялась дополнительными сколами (табл. XVI,10), а в двух случаях оба края отщепки ретушировались, и получались продольные двойные скребла.

Особого внимания заслуживает одно орудие. Оно выглядит как двойное скребло, с очень крутой ретушью по боковым краям и одному из узких концов. Другой противоположный конец его затесан с нижней стороны плоскими сколами, а с верхней стороны заострен плоской ступенчатой ретушью так, что образовалось не очень ровное, но достаточно острое и крепкое лезвие. Вероятно, это тот же тип тесловидных орудий, которые встречены на других стоянках Афонтовой Горы (табл. XVI,12). В связи с этим можно отметить наличие обломков орудий, видимо, такого же типа.

В коллекции из 7 и 14 раскопов скребла имеют как правило выпуклые лезвия. Одно сделано из расколотой гальки с естественной коркой на нижней стороне. Четыре скребла (см. Ауэрбах, 1930, табл.5, рис. 3,14,15) сделаны на отщепках. Ретушь на спинке, крутая, иногда ступенчатая, двурядная. В одном случае (табл. 5, рис. 12) на нижней стороне скребла имеется подправка сколами.

Скребки - вторая крупная группа орудий этой стоянки. В коллекции Савенкова их 5 экземпляров, в коллекции Ауэрбаха и Сосновского - 7 экз. Скребки составляют 63% от числа скребел, что несколько больше, чем на Афонтовой Горе II слой С₃.

Скребки обычно сделаны на отщепках разной формы, хотя один сделан на правильной, но укороченной толстой пластинке. Лезвие его выпуклое, слегка скошенное. Ретушь крутая, фасетки узкие и длинные (табл. XVI,2). Остальные скребки имеют лезвие большей ширины, чем длина отщепки, на котором они сделаны (табл. XVI,1, 11). Во всех случаях лезвие создано ретушью, кроме одного орудия, у которого лезвие образовано пересечением внутренней поверхности отщепки с коркой гальки.

Скребки из раскопов № 7 и 14 не отличаются от выше-описанных. Они тоже сделаны на отщепах, форма лезвия выпуклая и ретушь не заходит на края. У одного скребка ретушированы все края. Два скребка имеют крутую ретушь, остальные - обычную.

Орудия других типов встречены в единичных экземплярах. Одно изделие (колл. Савенкова) представляет тонкий широкий отщеп с аккуратно приоттренированной ретушью краем. Есть более узкий отщеп с ретушью одного края. Несколько отличается от них обломок с выпуклым краем, ретушированным с двух сторон в режущее лезвие, и удлиненный кремневый отщеп, левый край которого ретуширован по всей длине, а правый зазубрен у самого острия (табл. XVI,5). Поражает тщательностью отделки обломок (вероятно, сломан при изготовлении) ножа или листовидного острия с двусторонней обработкой (коллекция Н.К. Ауэрбаха и Г.П. Сосновского). Фасетки ретуши, заходящей иногда за середину орудия, широкие и неглубокие, мелкая подправка края весьма совершенна (табл. XVI,4). Имеется орудие, также обработанное с двух сторон. Это отщеп с резовым сколом, оба продольных края его частично обработаны крутой противоположающей ретушью. Н.К. Ауэрбах (1930, с.19) называл его двойным резцом (табл. XVI,8).

Костяные изделия пункта 1.

В коллекции И.Т. Савенкова имеется только обломок наконечника и грифельная косточка. Фрагмент наконечника относится к подтипу *округлых* в поперечном сечении наконечников с пазом вдоль всего края. Длина фрагмента 123 мм, ширина 15 мм и толщина 8 мм. Паз вырезан ровно, шириной 2 мм, глубиной 3-4 мм. Вероятно, это был наконечник с плавным приоттренированием острия. Черешок уже однажды был сломан, затем подрезан с одной стороны и вновь закреплен в древке, а затем обломилось острие.

При раскопках 1925 г. (раскопы 7 и 14) костяных изделий найдено было больше. Они представлены обломками наконечников и шариком из бивня мамонта. Все фрагменты наконечников в сечении округлы и относятся к разновидности с пазом (за исключением одного - колл. 150, № 264). Самый крупный фрагмент (табл. XVI,14) длиной в 170 мм. Сечение его округлое, ширина 10 мм. Паз начинается в 30 мм от острия, он неглубокий и вырезан не очень ровно. Другой наконечник по форме сечения является переходным от округлых к уплощенным. Он приоттренирован не так плавно, как предыдущий. Паз только по одному краю, к середине он углубляется (см. Ауэрбах, 1930, табл. 11, рис.15). Из других изделий найдено только шило. Конец его плавно заострен, сечение округлое. Имеется шарик из бивня мамонта неправильной округлой формы и небольшое число подвесок из просверленных зубов животных. В целом коллекция этого пункта по общему облику (техника расщепления, набор орудий и их форма) близка другим стоянкам Афонтовой Горы. От нижнего слоя Афонтовой Горы II она отличается большим процентом скребков, наличием наконеч-

Рис.17. Раскопки пункта 2 Афонтовой III в 1914 г. Вдали на склоне виден пункт 1. Фото И.Т.Савенкова, архив МАЭ.

ников, хотя и округлых в сечении, но уже с пазом вдоль всего края. Стратиграфически пункт 1 помещается между верхним и нижним слоем Афонтовой Горы II.

Можно также указать, что, в отличие от мощного слоя S_3 (и средних слоев) Афонтовой Горы II, здесь наблюдались тонкие прослойки, но залегающие друг над другом со стерильными промежутками. Культурные остатки в двух основных прослойках группировались тремя пятнами. Два из них приходится на раскоп № 2 и 6 и одно - на раскоп 7. Может быть, это были жилища. Пункт № 1, таким образом, является самостоятельной стоянкой.

ПУНКТ 2 Афонтовой Горы III.

Этот пункт исследовался И.Т.Савенковым в 1914 г. Здесь были раскопы № 3 и 5. Они расположены метрах в 25 на восток от раскопа 7 или метрах в 40 от раскопа 2. Разрез № 3 раскапывался, начиная последовательно с нижних по склону квадратов. Всего было снято 50 кв.м. Разрез № 5 продолжал разрез № 3 в юго-западном направлении. Площадь его 12 кв.м (Рис.17).

Здесь, как и всюду на этом склоне горы, верхний слой желто-бурой супеси был скрыт карьерами кирпичных заводов. И.Т.Савенков раскапывал уже светлую серо-желтую супесь, в которой и были культурные остатки.

Стратиграфия раскопа №3 (без верхнего уничтоженного слоя) по И.Т.Савенкову (из Отчета об археологической экспедиции И.Т.Савенкова. Архив МАЭ, док.к Колл.3298, с.5):

1. Небольшой слой темной дерновой земли ок.0,3 м

2. "Мергелистая глина" (серовато-желтая супесь), мощность 0,7-1,0 м

3. Слой красной глины, без галечника, мощностью ок. 0,2 м. В разрезе (раскопе) № 5 слой серо-желтой супеси немного мощнее, до 1-1,5 м, ниже идет тот же слой красноватой глины, Этот слой прослежен во всех раскопах Афонтовой Горы III и является здесь маркирующим горизонтом.

Фауна, собранная на данном раскопе, известна далеко не вся, это мамонт, северный олень, медведь. Кости расколоты, представляют кухонные остатки. Некоторые кости обгорели, особенно на квадратах 1-3 столбов IV, V, VI (по системе координат И.Т. Савенкова).

Характеристика культурного горизонта. Культурный горизонт здесь, как и в пункте 1, выражен несколькими прерывистыми темными прослойками. Окрашенность супеси наблюдается обычно лишь около находок и скоплений костей. Больше всего находок было на квадратах в восточном конце раскопа, ближе к горе. Горизонт И.Т. Савенкова - это штык в понимании археологов в более позднее время. Основная масса находок залегала в 1 и 2 горизонтах, т.е. на глубине до 0,5 м. В третьем горизонте, на глубине 0,5-0,75 м находки встречены в основном на северо-восточных квадратах. Четвертый горизонт дал единицы находок. По мере углубления количество находок в первом горизонте возрастает в северо-западных и частично в юго-восточных квадратах. Во втором горизонте находки довольно многочисленны в северо-западных и центральных квадратах. В третьем горизонте - в северо-западных квадратах, это распределение показывает как бы прогибание одного уровня культурных остатков от северо-западного и северо-восточного углов раскопа к середине, что вполне возможно. К сожалению, нет других данных, позволивших бы уточнить этот вывод. Т.И.Савенков отмечает: "Всюду попадаются угли, особенно столбы IV, V, VI кв.1-3". Интересно, что на кв.2 столба I и кв.1 столба II была найдена лопатка мамонта с крупными углями под ней. Каких-либо особенностей в залегании культурного слоя исследователь не приводит, кроме одной детали. "На границе IV и V столбов горизонта 1 кв.2 и 3 обнаружен пласт темного окрашивания с большим содержанием угля, обожженных костей и других предметов толщиной до 10-15 см, поставленный в очень наклонное (около 45 градусов) положение" (Отчет И.Т.Савенкова, рукопись, архив Н.К.Ауэрбаха, Красноярск).

И.Т.Савенков для проверки прокапывал во многих местах ниже слоя красной мергелистой глины, но нигде культурных остатков не обнаружил. Поэтому он ограничился снятием толщи лишь до этого маркирующего горизонта красной глины. Тем не менее, И.Т.Савенков очень тщательно проверял сохранность и неповрежденность слоя, из которого извлекались находки.

Каменные и костяные изделия пункта 2.

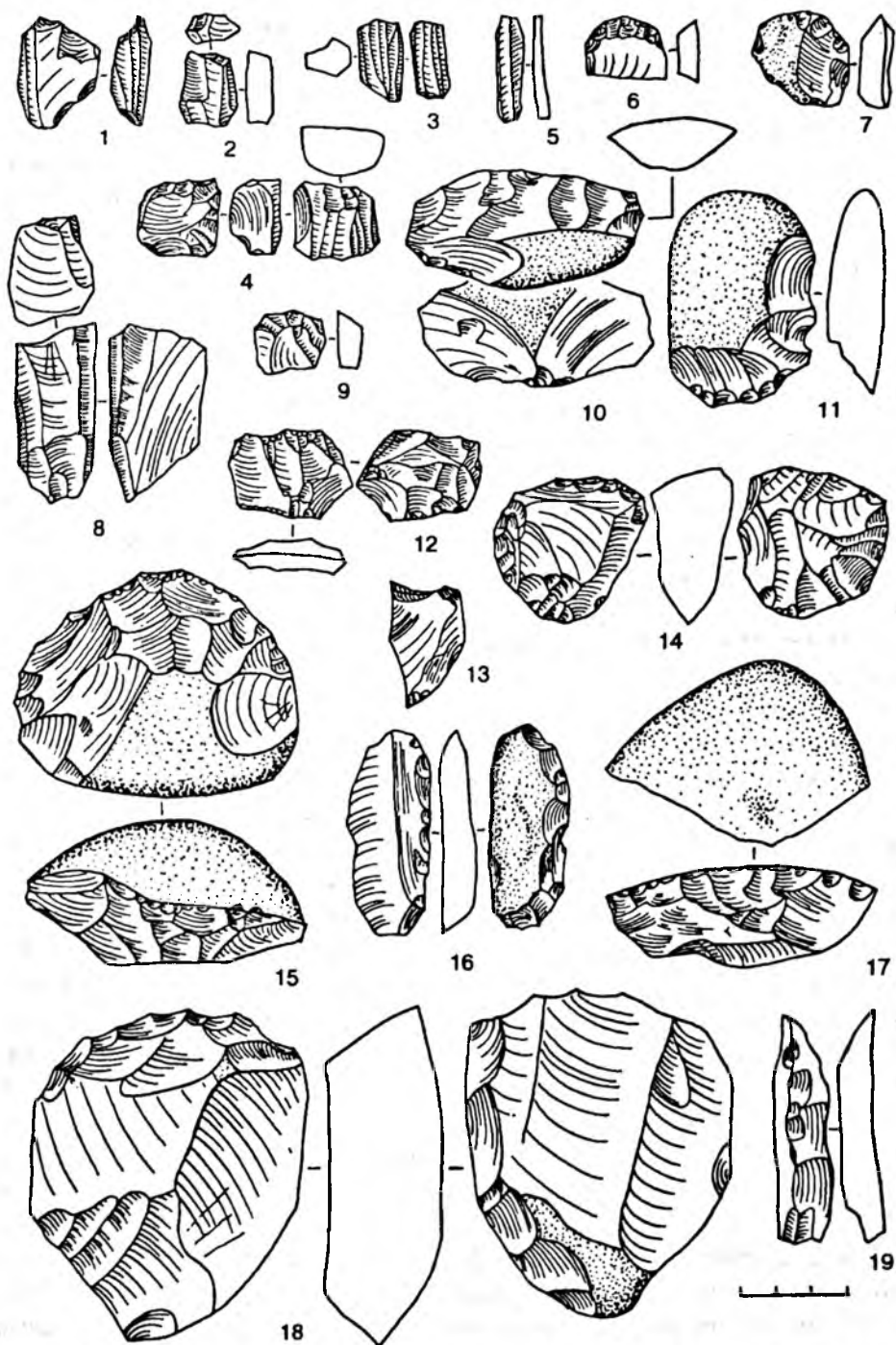

Табл. XVII. Инвентарь 1-2 горизонтов пункта 2 Афонтовой Горы III: 1-4 - микронуклеусы, 5 - микропластинка, 6,7,9 - скребки, 8 - призматический нуклеус, 10,16 - скребла, 11 - тесло, 12 - долотовидное орудие, 13 - атипичный резец, 14 - заготовка микронуклеуса, 15,17 - чопперы, 18 - нуклеус одноплощадочный односторонний, 19 - реберчатая пластина.

Материал каменных изделий - все те же гальки Енисея. Способ изготовления их аналогичен другим комплексам Афонтовой Горы. Большинство обломков, осколков и орудий выкопано из 1 и 2 горизонта. Вначале опишем эту коллекцию. В ней имеется до десятка расколотых галек разной величины, некоторые из них являются *чопперами* (табл. XVII,15). Несколько небольших галек имеют угловатое лезвие (табл. XVII,17). Среди трех чопперов нижнего горизонта наиболее выразительно орудие, сделанное из небольшого валуна (колл. 3298, № 306). Одна сторона его является поверхностью валуна, а другая оббита с двух краев так, что получилось широкое тупое лезвие по длинному краю, переходящее в острое лезвие на узком краю. Имеются отщепы и пластинки, сколотые с крупных *нуклеусов*. Одно ядрище - крупное одностороннее одноплощадочное уплощенное с обработанной тыльной стороной (табл. XVII,18). Есть несколько реберчатых пластинок и сколов с нуклеусов высотой 40-60 мм (табл. XVII,19). Имеется несколько атипичных нуклеусов с одной площадкой и одним-двумя неудачными сколами, а также призматический двуплощадочный (табл. XVII,8).

Несколько экземпляров нуклеусов относятся к типу *микронуклеусов* разных вариантов. Клиновидная лопасть почти не выделялась (табл. XVII,1). В трех экземплярах встречены двуплощадочные нуклеусы почти цилиндрической формы. Скалывание пластинок производилось с подправленной одним или чаще несколькими сколами площадки. Часть боковой поверхности, обычно уплощенная, оставалась без обработки (табл. XVII,2). Наиболее характерен двуплощадочный миниатюрный нуклеус, изображенный на табл. XVII,4. Площадки его слегка скошены, подправлены многочисленными мелкими сколами. Скалывание производилось попеременно с двух площадок вдоль выпуклого широкого края. Перпендикулярно площадкам, на краю выпуклой стороны, параллельно сколам, была подготовлена третья площадка, но не была использована. Размеры нуклеуса: высота 20 мм, ширина 24 мм, толщина 13 мм. Несколько отличается экземпляр, изображенный на табл. XVII,3. Это микропризматический нуклеус, хотя и сохранил остатки "лопасти". Площадка его была подправлена мелкими сколами, тонкий конец слегка забит. Скалывание производилось почти по всей окружности и боковой плоской стороне. Высота нуклеуса 23 мм, ширина 8 мм и 13 мм. К заготовкам нуклеусов можно, вероятно, отнести небольшое орудие с выпуклым лезвием. Оно обработано пологими сколами с двух сторон, как обычно подготавливается лопасть клиновидного нуклеуса (табл. XVII,14).

В коллекции имеется девять микропластинок, соответствующих вышеописанным нуклеусам. Размер их в среднем 30 x 7 x 2 мм. Они, как правило, не ретушированы (табл. XVII, 5).

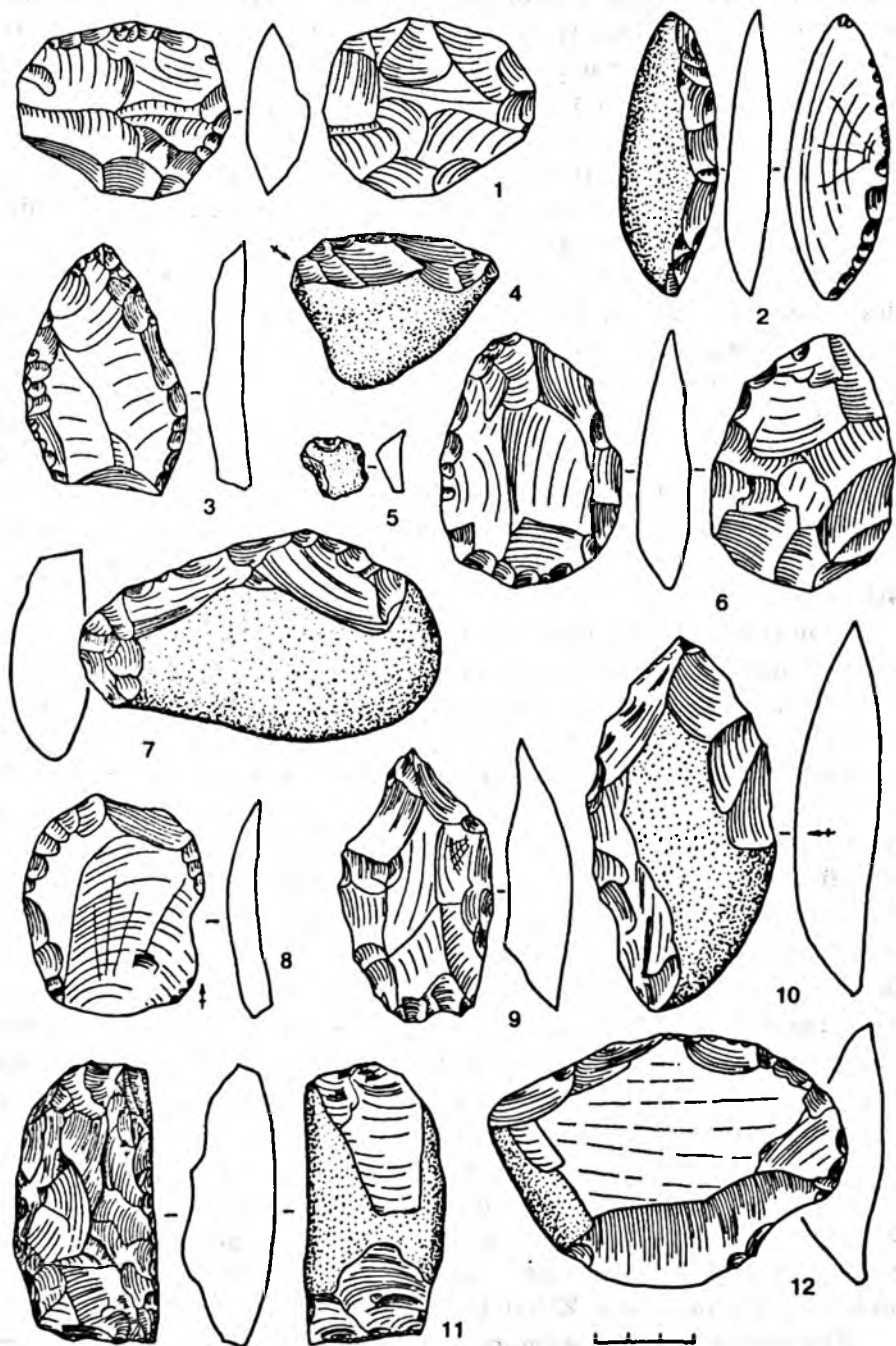

Табл. XVIII. Инвентарь 1-2 горизонтов пункта 2 Афонтовой Горы III: 1,6 - скребла бифасиальные, 2 - лимас, 3 - скребло-остроконечник, 4,7,12 - скребла выпуклые, 5 - скребок, 8 - скребло-нож, 9 - массивное острие, 10 - скребло двойное конвергентное, 11 - тесло.

Скребла составляют наибольшую серию орудий (22 в первом горизонте и 15 во втором). Наиболее распространенный вариант - скребло с выпуклым лезвием (24 экземпляра). Они обычно сделаны из расколотых галек, из первичных сколов галек и из отщепов, иногда - из целых галек (табл. XVIII, 7). В зависимости от заготовки, часть корки гальки сохраняется либо на нижней стороне скребла (табл. XVIII, 12), либо на верхней стороне или же на части ребра, противоположного лезвию (табл. XVIII, 4).

Если скребло было сделано на отщепе, то ретушь обычно наносилась на спинке. Когда брюшко отщепа было неровное, то оно подправлялось широкими плоскими сколами (табл. XVIII, 10). Во втором горизонте раскопа есть два скребла с бифасиальной обработкой (табл. XVIII, 1). Ретушь скребел с выпуклыми краями чешуйчатая, ступенчатая. Крутизна ее зависит от толщины заготовки - чем тоньше заготовка, тем более пологая и острая ретушь на ее краю. Размер скребел различный, длина их лезвий 60-80 мм. Есть небольшие по размерам, почти скрепки, с лезвием в 40-50 мм.

Двойные скребла представлены 4 экземплярами. У двух из них одно прямое, а другое выпуклое лезвия (например, колл. 3298, № 67) находятся на противоположных краях. Ретушь нанесена с одной стороны. Два других экземпляра гораздо меньше по размерам, с обоими выпуклыми лезвиями, с противоположащей ретушью (табл. XVII, 16). Скребел с прямыми лезвиями всего 5. Они сделаны из расколотых галек и отщепов, ретушь лезвий довольно крутая, чешуйчатая. Из всей серии два скребла отличаются своей массивностью. Одно из них сделано из целой гальки. Другое скребло по форме похоже на треугольник с закругленными углами. Все три стороны его обработаны сколами. Два лезвия с более пологой ретушью, третье с очень крутой. Нижняя сторона скребла в месте, где сходятся к углу два более острых лезвия, подтесана плоскими сколами. Наконец, одно массивное скребловидное орудие (колл. 3298, № 92) сделано из толстой гальки.

В коллекции есть три остроконечных скребла (конвергентные). Одно скребло сделано на широком отщепе. На спинке его сохранилась часть галечной корки. Оба края довольно грубыми сколами превращены в выпуклые лезвия. У острия обработка их более аккуратна (табл. XVIII, 10).

Другое орудие - скребло-остроконечник. Оно короче предыдущего, подтреугольной формы и более плоское, края его оформлены крутой чешуйчатой ретушью, кончик тонкий и острый. Третье - остроконечное скребло на отщепе (табл. XVIII, 3).

Особо отметим листовидное острие с двумя приостренными концами. Оно сделано на очень широком и коротком отщепе с гальки. Край, противоположный точке удара, обработан крутой ступенчатой ретушью в выпуклое лезвие. Другой край, противо-

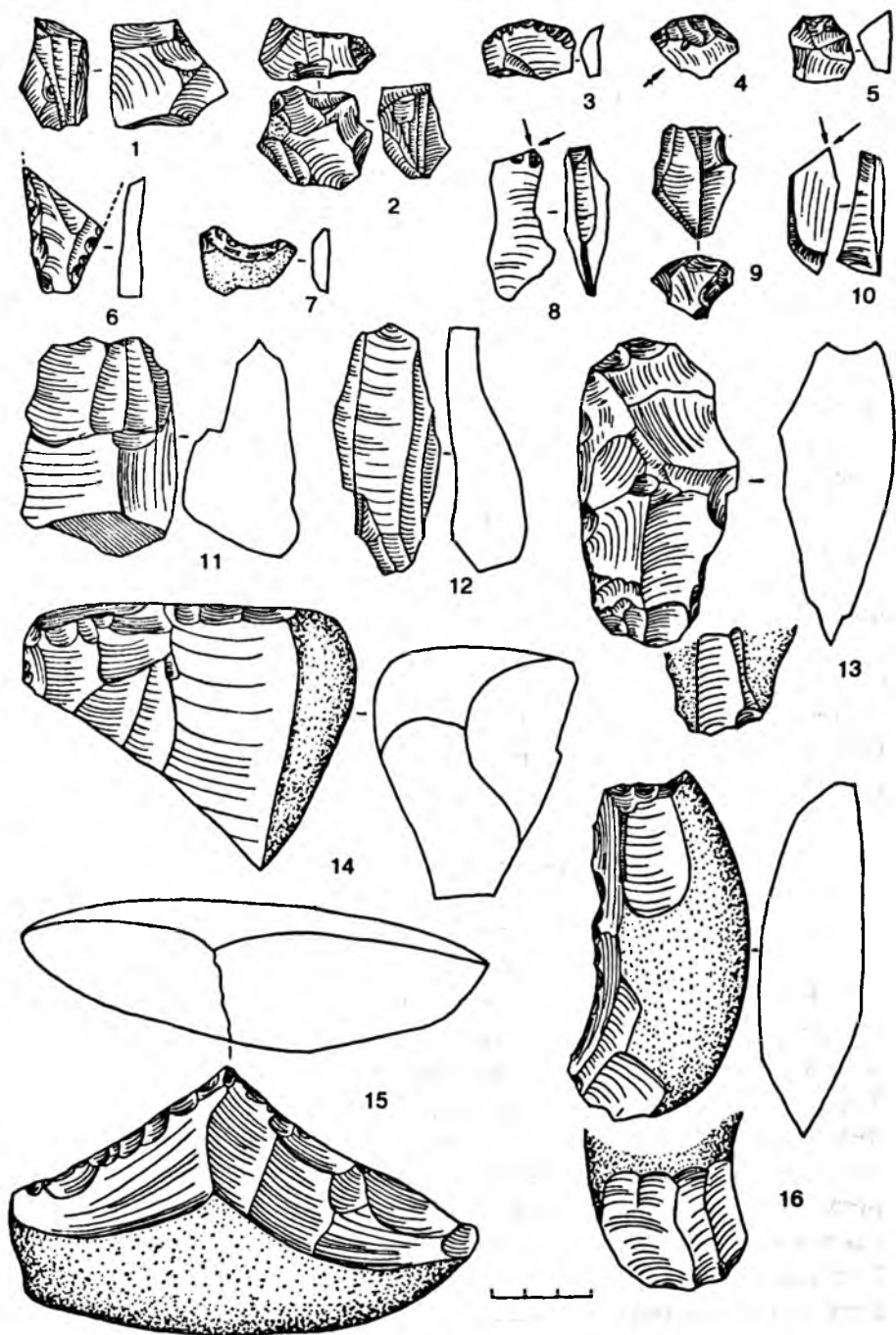

Табл. XIX. Инвентарь 3-4 горизонтов пункта 2 Афонтовой Горы III: 1,2 - микронуклеуса, 3-5 - скребки, 6 - обломок с ретушью, 7 - выемчатое орудие, 8,10 - резцы, 9,12 - призматические нуклеусы, 11 - нуклеус одноплощадочный односторонний, 13, 16 - тесла, 14 - нуклеус на гальке одноплощадочный односторонний, 15 - чоппер.

лежащий, обработан мелкой приостряющей ретушью. (табл. XVIII,2).

Близки к выпуклым скреблам и своеобразные скребла-ножи. Один из них представлен крупным тонким краевым отщепом с мелкой ретушью по краю, другой сделан на уплощенном отщепе. Выпуклый край его заострен плоской ретушью. Противоположный край, обушок, толстый и тупой, не обработан. Третий экземпляр обработан с двух сторон приостряющей ретушью на спинке и плоскими сколами на брюшке, направленными от лезвия (табл. XVIII,6). Скребла-ножи изготовляли и другими способами. Одно такое орудие сделано на тонком отщепе, его левый выпуклый край приострен и образует лезвие (табл. XVIII,8). Другое орудие такого же типа. Третий отщеп с ретушью двух краев образует форму напоминающую острия шательперрон. Левый край его ретуширован плоской ретушью и чрезвычайно тщательно подправлен. Правый край приострен лишь у острия, так что получается режущий кончик.

Значительную серию составляют тесловидные орудия (9 экземпляров, среди них один обломок). Одно из них сделано на небольшой галечке (табл. XVII,11). Подтеской одного конца получено лезвие. Более четкие формы этих орудий представлены изделиями на обломках и массивных отщепах (табл. XVIII,11). Боковые края их или обработаны сколами, как лезвия скребел, или являются толстыми краями отщепов. На узком конце подтеской одной или чаще двух сторон образовано плоское лезвие (табл. XIX,13). Есть менее выразительные экземпляры и небольшие долотовидные орудия.

Скребки представляют последнюю серию (около двух десятков). Большая часть скребков найдена в первом горизонте.

Как правило, скребки сделаны из отщепов разной формы и толщины. Размер скребков различен, лезвия их бывают от 30 мм шириной до 10 и менее миллиметров. Лезвие у всех выпуклое. Толщина отщепа влияет на крутизну ретуши лезвий скребков - чем толще отщеп, тем круче ретушь. Исключения бывают, например, на тонком отщепе встречается крутая ретушь. Но пологая ретушь на толстом отщепе не встречалась. У крупных скребков, сделанных на отщепах, лезвие обычно выпуклое и слегка скошено. Ретушь крутая, длинными узкими фасетками (табл. XVII,7). У всех скребков ретушь только со спинки. В одном случае черешок скребка как бы приострен сколами (сегментовидный). Встречаются настолько укороченные скребки, что ширина их больше длины раза в полтора (табл. XVII,6), при этом некоторые из них высокой формы. Довольно распространенный вариант скребков сделан на отщепах разной формы, иногда с ретушью по всем краям (табл. XVIII, 5).

Остальные типы орудий в 1-2 горизонтах встречены в единичных экземплярах.

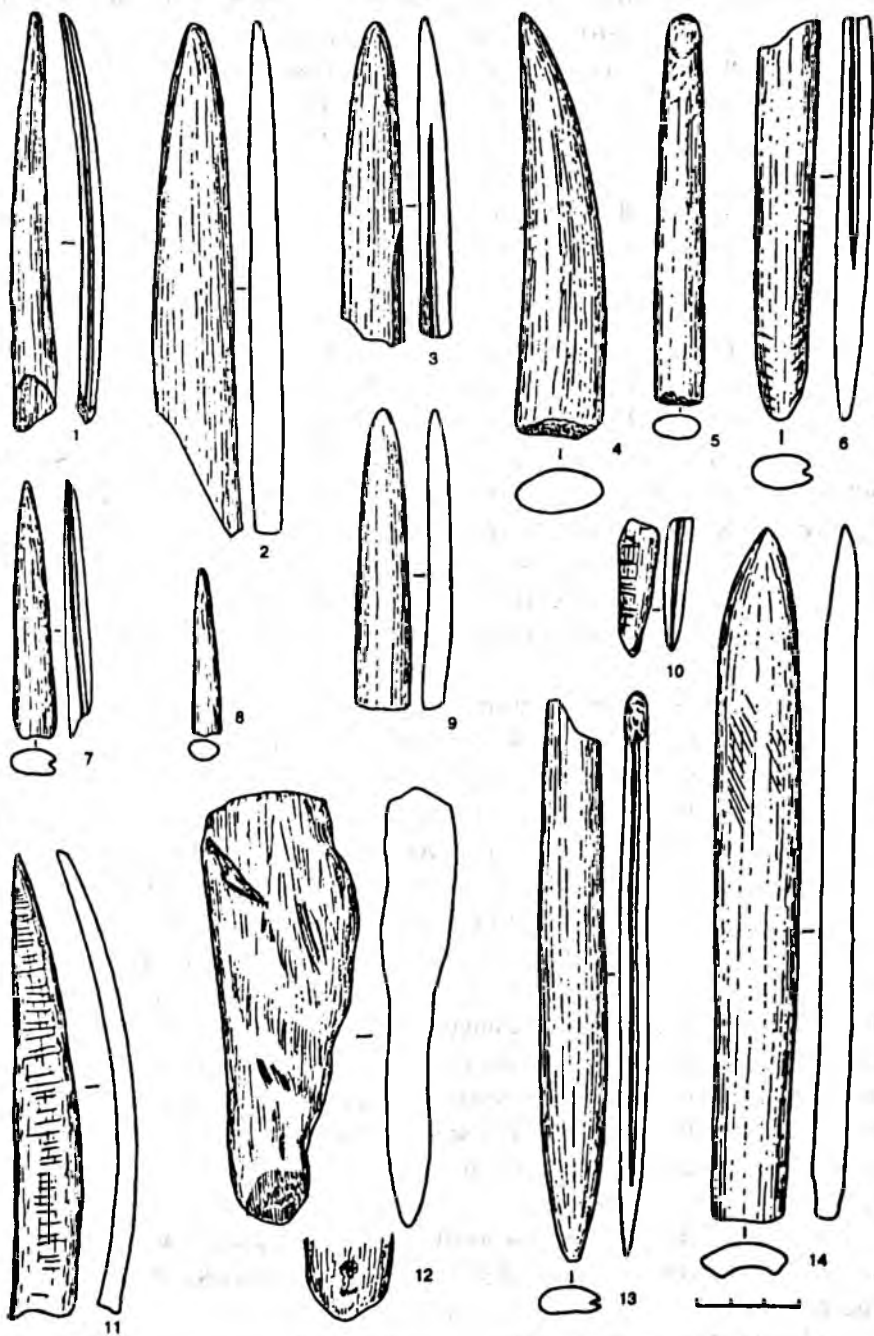

Табл. XX. Костяной инвентарь пункта 2 Афонтовой Горы III:
 1,3,6,7,10,13 - обломки наконечников с пазом, 2,5,9,14 -
 фрагменты наконечников с пазом, 4 - заготовка, 8 - обло-
 мок острья, 11 - часть приостренного ребра с насечками,
 12 - обломок бивня с приострением.

1. Микропластинки со скошенным краем и отщепы со скошенным краем. 2. Маленькие проколючки, сделанные на микропластинках и отщепах. Ретушью выделяются плечики. 3. Орудие с острым концом, созданном двумя сколами с краев, так что получилось массивное острие с плечиками (табл. XVIII,9). 4. Резцевидные формы (табл. XVII,13). 5. Долотовидное орудие (колл.3298, № 151). Сделано на отщепе, ширина его больше высоты. Лезвия широкие, желобчатые. Подтеска произведена с двух сторон (табл. XVII,12).

Каменные орудия 3-4 горизонтов. В третьем и четвертом горизонтах найдено около шестидесяти предметов, из них два десятка орудий и 17 оббитых галек. Среди последних есть галечные нуклеусы (табл. XIX,14) и чопперы. У четырех чопперов оббивка лезвия произведена так, что посередине его образовалось острие (табл. XIX,15). Встречено несколько экземпляров грубых рубящих орудий, похожих на чопперы. Одно из них, возможно, было скреблом. Еще одно орудие из гальки имеет явные следы забитости лезвия. Кроме галечных нуклеусов и чопперов, которые являются, возможно, вторично использованными нуклеусами, есть и нуклеусы других форм.

Можно выделить одноплощадочные односторонние плоские нуклеусы (табл. XIX,11) и микронуклеусы разных вариантов, но без специально подготовленной "лопасти". Их всего три экземпляра. Очевидно, они достигали 60 мм высоты, судя по сколу (табл. XIX, 12). А те, которые попали в коллекцию, высотой лишь в 27 мм. Один из них сделан на обломке гальки. Площадка подправлена сколами спереди, скалывание производилось вдоль узкой стороны. Низ нуклеуса пристрелен, лопасть не пристрелена (табл. XIX, 2). Остальные нуклеусы аналогичны описанному, лишь у одного подправка площадки произведена не спереди, а сбоку (табл. XIX, 1). Есть два двуплощадочных нуклеуса. Один из них высотой 30 мм, площадка его подправлена сбоку, а скалывание производилось по одной узкой стороне. Другой несколько крупнее - 35 мм высотой. Скалывание производилось попеременно с двух площадок (табл. XIX, 9).

Скребла представлены лишь обломком выпуклого, сделанного из расколотой гальки. Ретушь ступенчатая, без вторичной подправки.

Скребков 5 экз. Они обычно укороченные. Например, изображенный на табл. XIX,3 широкий скребок с выпуклым дугообразным лезвием. Ретушь неглубокая, пологая, фасетки узкие. Ширина лезвия 25 мм, длина скребка 13 мм, высота 4 мм. Остальные скребки сделаны менее аккуратно - скребок со скошенным лезвием на крупном отщепе, грубый овальный и т.д. (табл. XIX,4,5).

Тесловидные орудия. Одно из них сделано на гальке так, что получилось боковое лезвие, как у вогнутого скребла. На конце

орудия имеется двусторонняя затеска, как у тесла (табл. XIX, 16). С большой уверенностью теслом может быть названо орудие из гальки с желобчатым лезвием (табл. XIX, 13).

Кроме описанных орудий, имеется несколько обломков отщепов с ретушью. Возможно, это были острия (табл. XIX, 6).

Среди мелких орудий имеются два резца (табл. XIX, 8, 10) и отщепик с выемкой по краю (табл. XIX, 7).

Костяные поделки пункта 2.

Все костяные изделия этого пункта Афонтовой Горы III, кроме обломка бивня и стержня со следами остругивания, найдены в 1-2 горизонтах. Материалом для изготовления костяных орудий служили бивни мамонта, реже обломки костей мамонта, рога оленей. В коллекции имеются обломки бивня, показывающие, что наиболее часто для первичного членения бивня применялось раскалывание его по длине и скалывание отщепов. Есть обломки рогов и заготовки для поделок, расколотые вдоль отростки рогов (табл. XX, 4). Несколько заостренных обломков сделано из бивня мамонта (табл. XX, 12).

Законченные изделия из кости и рога представлены главным образом наконечниками. Они делятся на две группы по форме сечения.

Наконечники, уплощенные в сечении, подразделяются на два варианта - без паза и с пазом для вкладышей. Первых всего 3 экземпляра. Это крупные широкие наконечники, с параллельными краями в средней части, быстро сходящимися в острие. Одна сторона их обычно более выпукла. Другая, часто являющаяся внутренней частью рога, уплощена (табл. XX, 14). В коллекции сохранилось два фрагмента таких наконечников. Один длиной 200 мм, шириной 25 мм и толщиной 10 мм, другой - длиной 147 мм, шириной 22 мм и толщиной 8 мм. Третий наконечник без паза несколько меньше, острый конец его менее пристроен (табл. XX, 9). Ширина обломка 16 мм, толщина 7 мм. Он наименее уплощен из всех трех. Второй вариант наконечников - уплощенные наконечники с пазом, их 7 экз. От первых трех они отличаются, пожалуй, только наличием паза (табл. XX, 3), пристроение конца иногда производилось с плоских сторон, благодаря чему получались острые ребра. Паз для вкладышей обычно шел вдоль одного края по всей длине, начинаясь почти у острия. Ширина паза 2-2,5 мм, глубина до 3 мм. Общая длина наконечников, видимо, достигала 240 мм, ширина 20 мм, толщина 9 мм. Отношение ширины к толщине равно 3. В одном случае черешок заострен стесыванием узких краев. Возможно, в данном случае было вторичное использование наконечника (табл. XX, 13). Несколько отличается от вышеописанных плоский широкий наконечник с закругленным концом, уплощенным с широких сторон. Паз прорезан вдоль всей уцелевшей части орудия. Черешок, видимо, обломан и несет следы многочисленных ударов. Поверхность орудия была изъедена кор-

нями растений, но на кончике хорошо сохранилась шлифованная приостренная часть; возможно, это был нож.

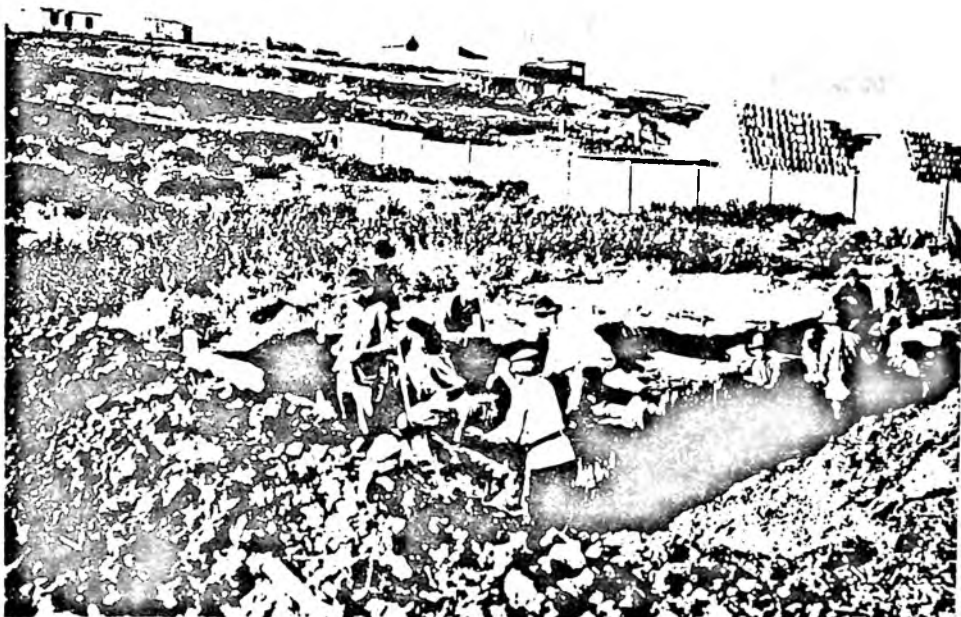
Наконечники, овальные в сечении. Два из них относятся к варианту наконечников без паза. Представлены лишь фрагментами. Наконечники по размерам были не очень большими, длиной около 200 мм. Ширина сохранившихся частей 14-16 мм, толщина 6-7 мм (табл. XX,5). Второй вариант - наконечники, овальные в сечении с пазом для вкладышей. Их 4 экземпляра. Три из них - наконечники с шиловидным приострением (табл. XX,1,7). Паз прорезан вдоль одного края, вероятно, по всей длине. Самый крупный фрагмент длиной 120 мм, шириной 18 мм, толщиной 6 мм. Паз шириной 1,5 мм, глубина 2,5 мм. Четвертый фрагмент представляет наконечник со стесанным черешком и легкими насечками на нем. Острие не сохранилось. Паз для вкладышей идет вдоль одного края, не доходя до основания 40 мм, а на другом краю имеется канавка, напоминающая паз. Ширина ее 2 мм, глубина около 2 мм. Поверхность повреждена корнями (табл. XX,6). Сечение 17 x 9 мм. Все наконечники обработаны скоблением и иногда пришлифованы.

Из других костяных находок следует отметить приостренный конец ребра с параллельными насечками на внутренней стороне, позднее оскобленной каменным орудием (табл. XX,11). Осколок бивня тоже имеет нарезки и зарубки, но он не столь выразительный. Имеются два обломка шила, овальные в сечении (табл. XX,8), и костяная иголка. Она плавно заострена, в средней части округла, у ушка уплощена.

Вся небольшая коллекция пункта 2 может рассматриваться как один комплекс. Для него характерно преобладание скребел (около 42%) и скребков (около 38% всех орудий). Здесь доля скребков по отношению к скреблам больше, чем в нижнем слое Афонтовой Горы II, но меньше, чем в пункте 1.

Орудий с двусторонней обработкой меньше, чем в пункте 1, а тесловидных больше. Вместе с тем, основные формы каменных орудий и приемы обработки аналогичны как пункту 1, так и другим стоянкам Афонтовой Горы. Костяные изделия пункта 2 характеризуются преобладанием наконечников, уплощенных в сечении (10 экз., остальных 6 экз.). Второй вариант наконечников - овальных в сечении - представлен экземплярами, близкими к крайним показателям для данного типа, и почти переходит в уплощенные. В целом костяные наконечники отличаются по этим данным от нижнего слоя Афонтовой Горы II и от пункта 1 Афонтовой Горы III, где имеется больше наконечников, округлях в сечении.

Стратиграфически пункт 2 соответствует слоям C₁, C₂, C₀ Афонтовой Горы II и, может быть, нижнему слою C₃. Сопоставление с пунктом 1 Афонтовой Горы III нельзя пока провести с полной уверенностью. Видимо, пункт 2 несколько древнее пункта 1.

*Рис.18. Раскопки И.Т.Савенкова, 1914 г., пункт 3 раскоп 4.
Вид с востока. Архив ИИМК.*

Что касается распространения находок пунктов 1 и 2, то можно считать эти пункты обособленными стоянками.

Пункт 2 (раскопы 3 и 5) отделен от пункта 1 (раскопы 2, 6, 7, 14) пространством без находок.

Шурф И.Т.Савенкова, заложенный между этими пунктами, показал, что “слой “мергелистой глины” очень тонкий, почти пустой и на глубине 0,3-0,4 м от поверхности земли появляется слой красного девонского мергеля и глины”. Сопоставление с пунктом 3 Афонтовой Горы III будет сделано ниже.

ПУНКТ 3 Афонтовой Горы III.

Как и на других участках Афонтовой Горы III, первые находки были сделаны здесь И.Т.Савенковым в 1884 г. Затем, в течение ряда лет, с этого пункта им была собрана небольшая коллекция, описанная выше. Предметы брались им из слоя желто-бурого (“кирпичного”) суглинка, уничтоженного к началу XX века карьерами. Впоследствии при раскопках затрагивали нижележащие слои.

В 1914 г. И.Т.Савенков заложил на этом пункте крупный раскоп № 4, площадью в 81 кв.м (Рис.18). Он вскрыл им второй, основной слой стоянки. В 1925 г. Н.К.Ауэрбах, Г.П.Сосновский и В.И.Громов раскопали до 63 кв.м стоянки (раскопы 8, 9, 10 и ряд шурфов). При этом они изучили и третий, самый нижний слой стоянки на площади около 15 кв.м. В 1930 г. Н.К.Ауэрбах смог вскрыть до 25 кв.м основного слоя и 20 кв.м третьего нижнего. В результате этих раскопок было получено до 1000 каменных и

Афонтова III

раскоп 8

раскоп 9

раскоп 10

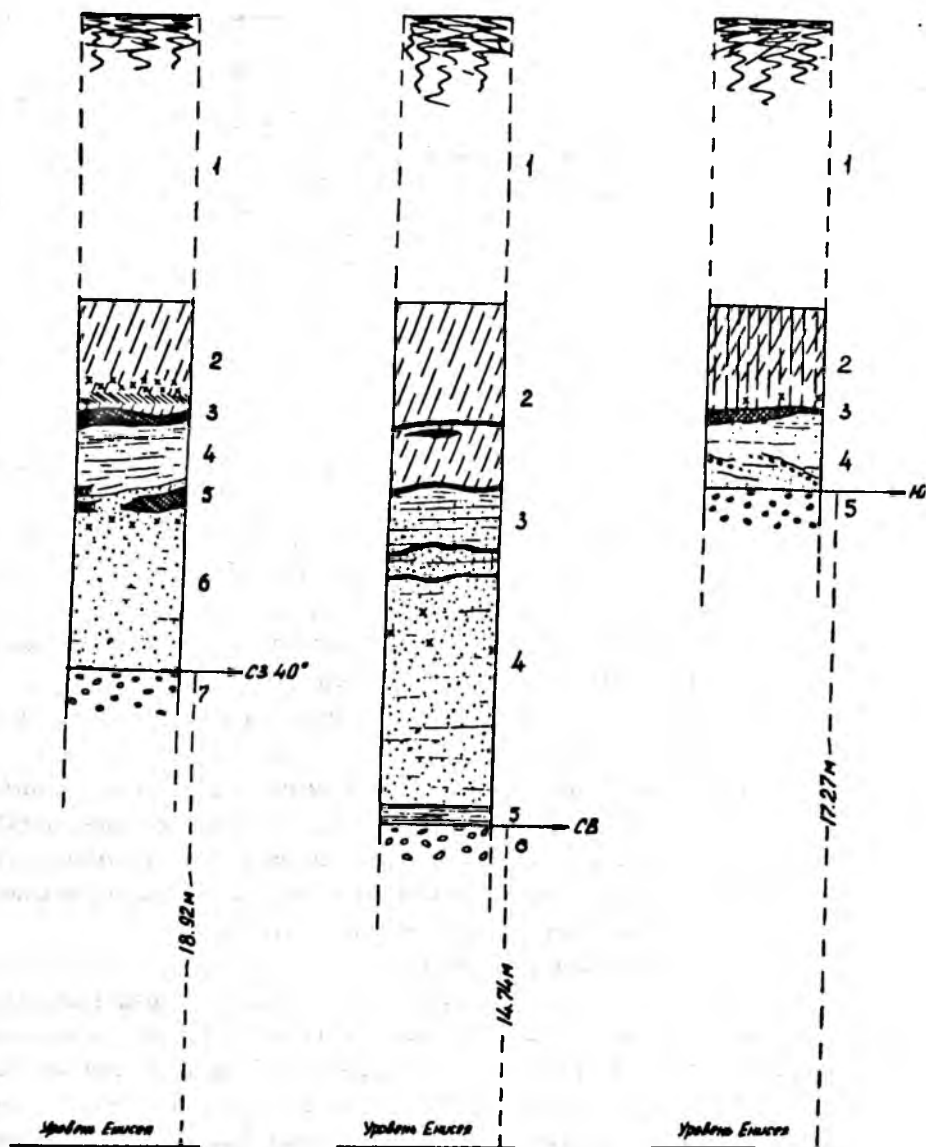

Рис.19. Стратиграфия пункта 3 стоянки Афонтова Гора III, (раскопы 8 - 10).

костяных изделий, не считая отщепов и грубых обломков, и большое количество костей животных.

Распределение находок по площади, выявленное рядом шурфов, позволяет выделить этот участок склона в самостоятельную стоянку (пункт 3). Она располагалась у внутренней части террасы,

недалеко от устья Иванихина лога, на левой стороне очень слабо выраженного конуса выноса этого лога.

Культурные остатки, в противоположность "третьей" стоянке (пункту 1), располагались уже на ровной части II террасы. Раньше эта терраса имела в данном месте отметку около 22 м. над Енисеем, но после снятия верхнего слоя кирпичной глины, она снизилась до 20 м.

Стратиграфия пункта 3.

Строение верхних слоев террасы изучалось во многих местах. Наиболее полный разрез представлен в раскопе 8. Его следует "нарастить" примерно 1,5-2 метрами желто-бурого суглинка - слой 1 (дается по Громову, 1948, с.324, с добавлениями автора, рис.19).

1. Желто-бурый суглинок с почвой ок.2 м
2. Темно-желтый суглинок с культурными остатками основного слоя в темном гумусовом слое. В нижней части редкие кротовины 1,0 м
3. Прослой красной глины: перемытый девонский мергель с гравием 0,04 м
- 4а. Иловатая глина 0,08 м
- 4б. Глинистый песок, в верхней части заиленный..... 0,40 м
5. Красные прослойки размытого девонского мергеля с дресвой, до 1-1,5 см, перемежающиеся с выклинивающимися прослоями глины 0,20 м
6. Глинистый слоистый песок с единичными культурными остатками нижнего слоя 1,43 м
7. Тяжелый суглинок, почти глина, аналогичный горизонту 4 0,015 м
8. Галечник над урезом Енисея 16,92 м

Фауна. Среди костных остатков основного (второго) слоя были определены следующие виды животных:

1. *Elephas primigenius* 6. *Capreolus pigargus*
2. *Lepus* (aff. *timidus*) 7. *Canis lupus*
3. *Equus* (*Equus*) Sp. 8. *Vulpes vulpes*
4. *Servus elaphus* 9. *Vulpes lagopus*
5. *Rangifer tarandus* 10. *Ochotona pusilla*
11. *Sciurus vulgaris*

Из нижнего слоя происходят только немногочисленные остатки *Rangifer tarandus* и *Bos* sp. Определяя фауну из раскопок 1930 г., В.И.Громов указывал на присутствие двух фрагментов метаподиальных костей пещерного медведя. Позднее, в монографии 1948 г. он не подтвердил своего первоначального определения (Громов, 1948, 324). Из материалов 1930 г. известны определения нескольких видов птиц: белая куропатка, тундряная куропатка, кречет (сокол), гусь (гуменник), ворон. Костей северного оленя было больше всего, мамонта мало, благородного оленя очень мало. Особо следует отметить, что здесь, в отличие от Афонтовой Горы II, есть белка. Были найдены кости своеобразного волка. Аналогичная

находка известна на стоянке Афонтова Гора II, слой С₃. Животное отличалось от обычного волка более короткими и массивными конечностями и более широкой, но не такой длинной мордой. Есть основания видеть в этом животном прирученного волка, как полагали И.Т.Савенков и В.И.Громов.

Характеристика основного (второго) культурного слоя пункта 3 Афонтовой Горы III.

Давая описание пункта 3, очень трудно выдержать одну схему изложения. С одной стороны, вряд ли было бы целесообразно сгруппировать весь материал отдельных раскопов (№№ 4, 8, 9, 10, 1930 г. и ряда шурфов) и дать суммарное его описание. Имея все это ввиду, автор приводит характеристику каждого раскопа по отдельности, сводя все, что можно свести без ущерба для фактической стороны изложения, а археологический материал - объединяя раскопы 8, 9 и 10. Коллекции раскопов 4 и 1930 г. даются по отдельности. Может быть, целесообразно было выделить лишь раскоп 1930 г., находящийся от раскопов 4, 8, 9, 10 на расстоянии 20 м. В итоге сначала приводится стратиграфия, далее описание условий залегания находок и распространения их в плане, начиная с раскопа 4.

РАСКОП № 4. Самый крупный раскоп, № 4, известен лишь по краткому отчету И.Т.Савенкова 1914 г. Он расположен между раскопом 1930 г. и раскопом № 8. Под современной почвой на этом месте залегал слой "мергелистой глины" (желто-серый суглинок), мощностью 1-1,5 м. Ниже его был слой красной глины - "девонского мергеля". В желто-сером суглинке и залегали многочисленные находки.

Культурного слоя в обычном понимании И.Т.Савенков не обнаружил. Он отмечая, что местами встречаются полосы и пятна темного окрашивания, особенно около некоторых крупных костей, как, например, на кв. № 1 столба VIII и кв. № 10 столба VI, где они принимали зеленоватый оттенок. Эти окрашенности встречаются, главным образом, с глубины 0,5 м, т.е. с третьего горизонта И.Т.Савенкова. Находки встречались на разной глубине, были предметы, которые лежали в основании слоя суглинка. (Отчет И.Т.Савенкова о раскопках... рукопись, с.9 и далее). Встречались угли, но очагов не обнаружено.

В раскопе собрано огромное количество расколотых костей, осколков камня, отщепов, разбитых галек и около трех сотен орудий из кости и камня. Наибольшее число находок на один квадратный метр было до 509, а орудий до 20 экземпляров. При этом встречены и очень бедные участки. Обработка описи находок И.Т.Савенкова и сводной таблицы их, сопоставление воссозданного по разным данным плана раскопа с распределением находок позволило прийти к следующему выводу. В каждом горизонте (т.е. штыке) количество находок, минимальное в середине раскопа, возрастает к западному, северо-восточному и южному его углу. Здесь фиксируется 3

скопления артефактов, выходящих за границу раскопа. Может быть, они отражают существование трех зон обитания.

РАСКОП № 8. Второй по величине раскоп, № 8, расположен в 5 м к востоку от раскопа 4. Площадь его 45 кв.м. Стратиграфия его описана выше, см.рис. 19.

Культурный слой в темно-желтом суглинке (сл.2) соответствует основному слою, встреченному и в раскопе 4. Находки обычно начинались на глубине 70-90 см, количество их увеличивалось книзу. На глубине 125-137 см их было больше всего. При этом они концентрировались в темном прослое 6-8 см толщиной, особенно в нижней его части. При вертикальной зачистке прослой выделяется в стенке раскопа в виде темной извилистой полосы, иногда разветвляющейся на более тонкие прослойки. Окрашивание его прерывистое, в некоторых местах насыщенного темного цвета, со скоплениями угольков. Особенно это заметно в тех местах, где слой утолщается иногда до 37 см. В таких участках встречается особенно много находок. При горизонтальной зачистке темное окрашивание выступает в виде пятен. Эта темная прослойка, вероятно, является остатками разорванного и смятого солифлюкцией гумуса, насколько можно понять по акварелям из архива Н.К.Ауэрбаха. В некоторых местах эта прослойка совершенно не содержит находок. На некоторых квадратах - С-1, С-2, С-3 - залегание культурных остатков было на двух уровнях. Между ними, на глубине 94-107 см, находок почти не было. На квадрате С-2 находки привязаны к двум темным прослойкам, расстояние между которыми 23 см. Иногда эти прослойки почти смыкаются.

Культурные остатки состоят из расколотых костей, многочисленных осколков и отщепов, каменных и костяных орудий. Попадают пережженные кости и их скопления вместе с золой, особенно в нижней части слоя.

Распределение находок по площади раскопа очень неравномерно. Наиболее богатые квадраты те, где имеется мощный темный слой. Особенно выделяется квадрат С-3, где исследователи предполагали мастерскую по изготовлению орудий (Дневники раскопок на Афонтовой Горе...с.30 и др.). На квадрате D-5 темный слой имел толщину от 6 до 37 см и содержал много находок. Много культурных остатков было на квадратах А-1,2, В-2,3. Там темный слой достигал 13 см толщины. Вообще западный угол представлял одно насыщенное пятно культурного слоя. Очень бедна находками северо-восточная часть раскопа - квадраты А-4,5,6,7, В-4,5,6. Количество находок резко возрастает на квадратах В-9 и С-9, где прослежена неглубокая яма площадью около 1 кв.м с темным заполнением до 26 см мощностью. Этот темный слой насыщен раздробленными костями, в том числе и костями мамонта, и орудиями. Найдены скребла, скребочки, крупное костяное орудие из ребра длиной до 35 см, костяные наконечники копий с пазом, обломок иглы, подвеска из зуба мамонта и т.д. Края этого скопления

выходят на квадраты С-8 и В-8, а на квадрате В-10 четко выделяется другое углубление. В этом углублении обнаружен крупный камень, под ним зола, угли и много разбитых костей, лежащих на поверхности красноватой прослойки, в которой, видимо, было вырыто углубление (Ауэрбах, 1930, с.22).

Отмечено, что многие костяные орудия обнаружены стоящими вертикально, например, на квадрате D-3, или с наклоном к юго-востоку, по склону. Это, видимо, объясняется мерзлотными деформациями культурного слоя, солифлюкционными течениями грунта. В раскопе 8 на глубине 2 м от поверхности слоя 2 был обнаружен третий культурный слой, который будет описан ниже.

РАСКОП № 9. Поблизости от раскопа № 4 и в 2 м от № 8 был заложен раскоп № 9. Он небольшой, всего 9 кв.м.

Стратиграфия его в общем подобна стратиграфии раскопа 8 (см. для сравнения рис. 19):

2. Темно-желтый суглинок с темным прослоем в В1 и культурными остатками. Ниже прослоя В1 встречаются линзы речного песка мощность до 1,5 м
3. Красный суглинок 0,45 м
4. Супесь иловатая, в ней две нижние прослойки красного суглинка до 0,25 м.
4. Песок с примесью глины и немногочисленными культурными остатками нижнего слоя до 2 м
5. Суглинок тяжелый до 0,12 м
6. Галечник до уреза Енисея..... 14-17 м

В темно-желтом суглинке, на глубине 75-130 см встречены разрозненные обломки костей, преимущественно северного оленя, осколки камня и орудия. На квадрате С-2 кусочки охры. Некоторые камни разложились и рассыпались при высыхании. Наиболее часто находки встречались на глубине 110-135 см и большей частью были связаны с темным слоем мощностью до 8 см. Этот слой, аналогичный такому же слою в раскопе 8, прерывист и смят в волнообразные складки. На кв. А-1 встречена линза песка на глубине 1,24 м, а на кв. С1, на глубине 1,35 м, небольшое линзовидное включение красной глины с мелким гравием, в котором оказались каменные осколки и обломки костей. Темная гумусированная(?) прослойка на всех квадратах прослежена довольно слабо, а на квадрате С-3 ее совсем нет (Научный дневник археологических раскопок на Афонтовой Горе и в других пунктах. 1925, с.35). Находок очень мало, до сорока предметов, и они не образуют заметных скоплений. В целом раскоп 9 оказался очень беден находками. Но в этом раскопе был прослежен нижний, третий горизонт культурных находок (о нем ниже).

РАСКОП № 10. Этот раскоп был заложен в 10-12 м к юго-востоку от раскопа 8, на линии квадратов С. Площадь его около 1,5 кв.м. Второй (основной) слой был обнаружен в серовато-желтом суглинке. Были найдены единичные изделия, позволившие

говорить о горизонте находок. Окраской слой не выделялся. Глубина залегания находок от современного дна карьера - 143 см, от поверхности слоя 2 она меньше, около 80 см.

Нижнего, третьего слоя здесь не было, так же как и отложений, в которых он залегал в раскопах 8 и 9.

В другом направлении от раскопа 10 - на север и северо-восток - были заложены шурфы 11, 12, 13 по 1 кв.м. Во всех шурфах на глубине 85-90 см попадались осколки камня, а в шурфе 13 на глубине 210 см - тазовая кость крупного животного. Несколько ближе к пункту 3 были вырыты шурфы 8а, 8б, 8с, тоже по 1 кв.м. (см. план на рис.14). Темный культурный слой в них не встречен, но отдельные находки были на глубине 1,76 м в шурфе 8а и на глубине 1,29 м в шурфе 8б. В шурфе 8а отмечен прослой розового суглинка толщиной 2-3 см на глубине 103 см (Запись экскурсий к Афонтовой Горе в 1925 г. Рукопись, с.14-15. Архив Н.К. Ауэрбаха).

К юго-западу от раскопа 8 был заложен ряд шурфов по линии цифры 3 параллельно раскопу № 4 И.Т.Савенкова. Н.К.Ауэрбах связал эти шурфы сеткой квадратов раскопа 8, используя латинский алфавит с некоторыми сокращениями до буквы S - F, G, H, K, L, M, N, O, P, Q, R, S, T, U, V, X, Y, Z и, видимо, вставив какую-то букву после буквы S, судя по его плану (см. черновик дневника за 1925 год, и "Запись экскурсий к Афонтовой Горе", с.7 и 8, архив З.П.Ауэрбах и "Отчет о раскопках палеолитической стоянки Афонтова Гора". Архив ИИМК, № 195, 1925, №167, д.26). Были раскопаны квадраты L-3, M-3, частично M-2, и L-2, R-3, Y-3, Y₁-3.

Наиболее богатыми оказались квадраты L, M-2, 3. Они составили небольшой раскоп площадью 3 кв.м, Здесь, в слое желтого суглинка, на глубине 1,20 м были обнаружены остатки черепа мамонта с зубами, над ними - крупный валун. Рядом с черепом мамонта два скребла, скребочек и сломанная каменная проколка из халцедона. Из других находок отмечены кости северного оленя и череп песка под костями мамонта. Прослежена темная прослойка 1-1,5 см толщиной. Сравнительно насыщенный культурный слой обнаружен на кв. M-3, на глубине 0,95 см. Данных о шурфах RS-3, Y-3, Y₁-3 нет.

РАСКОП 1930 г. Непосредственным продолжением исследования памятника в этом направлении были работы Н.К.Ауэрбаха в 1930 г. (Коллекции предназначались для продажи за рубеж). К 1930 г. сарай, изображенный на плане был снесен, и Н.К. Ауэрбах смог поставить на этом месте раскоп и рядом с ним несколько шурфов. К сожалению, он не успел окончить отчет об этих работах, поэтому многие интереснейшие факты восстановить пока не удалось. Очень важно, что раскопки 1930 г., хотя и проходили в трудных условиях, отличались значительно возросшей точностью документтации. Все находки фиксировались по глубине, прослеживались прослойки основного горизонта. Но, повторяю, до нас дошли лишь обрывки сведений об этих работах. Несколько новых

*Рис.20. Фотография одной из стенок раскопа 1930 г. Пункт 3
Афонтовой Горы III. Архив ИИМК.*

штрихов добавляют воспоминания В.Б.Смирновой (Смирнова, 1992, с.11).

Всего Н.К.Ауэрбахом было раскопано полных 25 кв.м и два неполных (Z-2 и Z-3), причем 6 квадратов были углублены до 3,5

Рис.21. Фотография очага раскопа 1930 г. Архив ИИМК.

м и вскрыли нижний (третий) культурный слой (кв. D₁-1, D₁-2, D₁-3, С₁-1, В₁-1, Z₂-2). Первоначально им были заложены шурфы Z₂-1, Z₂-2, F-1,2 и f-1,2 и траншея Д-1-6. К ним добавлены квадраты С-1-3, В-1-3, У-1-3 и Х-1-3, а потом А₁-2,3 и часть квадратов Z-2 и Z-3. (Н.К.Ауэрбах. Отчет о раскопках Афонтовой Горы III, 1930. Архив ИИМК, ф.42, д.371). Можно примерно считать, что раскоп был размером 4 x 4 м. Но шурфы X, У, пока не удалось увязать с сеткой раскопа 8, а это заставляет отказаться от попыток установить точное месторасположение раскопа 1930 года и его план. Видимо, он занимал бывший южный угол сарая, пересекая горизонталь 155 м, от которой Н.К.Ауэрбах брал все замеры глубины (см. план рис.14). В своем отчете Н.К.Ауэрбах писал: "культурный слой верхнего горизонта имел три темных прослоя и в разрезе была видна насыщенность всех прослоек большим количеством находок".

Судя по описи коллекции, первая прослойка залегала на глубине 110-120 см и была распространена по крайней мере на 11 кв. м. Вторая культурная прослойка залегала на глубине 1,65 м и была наиболее четко выражена. Немного ниже ее находилась третья прослойка. Эти прослойки видны на фотографиях (рис. 20).

Находки выделялись и фиксировались по двум слоям (основного и нижнего) отдельно, а где возможно, и по прослойкам основного слоя. Во второй прослойке основного (второго) слоя, на глубине 1,5-1,6 м, было обнаружено скопление орудий из кости и камня, у крупного, длиной около 1 м, бивня мамонта (Кв. А1-1,

А1-3). В другом угловом квадрате было скопление оббитых галек и костей, среди них остистый позвонок мамонта. Впервые на афонтовских стоянках был расчищен небольшой очажок (рис. 21), на квадрате Д1-1, в этой же второй прослойке. Судя по фотографиям, эта прослойка насыщена угольками. Очажок был обложен двумя крупными и несколькими мелкими камнями. Длина его около 60 см, ширина около 40 см. Остальные детали неизвестны, т.к. полевая документация Н.К.Ауэрбаха не сохранилась.

Нижний слой, вероятно, залегал на глубине около 3,5 м, но о нем ничего не известно. В описи к коллекции № 1359 (Эрмитаж), этого слоя нет, так же как и в описи Н.К.Ауэрбаха, проверенной нами. Очевидно, на нижний слой была своя документация, не дошедшая до нас.

ШУРФЫ 1927 г. В 1927 г. на стоянке Афонтова Гора III Г.П. Сосновским были заложены 3 шурфа. Точное местонахождение их неизвестно. Находки залегали на глубине 85 и 265 см. Возможно, что они были где-то на территории пункта 3.

Эти раскопки - 1927 и 1930 г. - были последними исследованиями стоянки Афонтова Гора III.

Каменные и костяные изделия основного (второго) слоя пункта 3 Афонтовой Горы III.

1. Коллекция раскопов 8,9,10.

Каменные изделия. Сырьем для изготовления орудий служили галечники Енисея, находящиеся в непосредственной близости от стоянки. Породы, использовавшиеся для обработки, следующие: яшма 48%, кремль 27%, кремнистый сланец, халцедон, кварц, диабаз, трахит, песчаник, кремнистый песчаник - остальное. Кроме них применялся розовый агальматолит, из которого делались украшения; эта порода не местного происхождения.

Недавние открытия Е.В.Акимовой в фондах Красноярского Краеведческого музея (Акимова, 1992, с.59-64) позволяют лучше представить объем полученных материалов. Кроме того, что было обработано и издано из полученного при исследовании раскопа 8, она обнаружила так называемый "резерв" из 2788 отщепов, сколов, галек, десятка микронуклеусов и полусотни орудий. Причина выделения и забвения "резерва" убедительно объяснена Е.В. Акимовой - основное в том, что было много выразительных орудий, и не была произведена первичная сортировка материалов. Коллекции, открытые вновь, добавляют новые варианты микронуклеусов (и некоторых орудий), новое видение приемов переоформления и комбинирования орудий, но, по мнению Е.В. Акимовой, не дают оснований для "сколько-нибудь серьезной корректировки наших представлений об этом памятнике" (Акимова, 1992а, с.62).

Способы изготовления орудий и техника расщепления аналогична другим стоянкам Афонтовой Горы. Отщепы и пластины скалывались с *галечных нуклеусов* (табл. XXI,3). Галечные нуклеусы (табл. XXI,15) трудно отличить от чопперов (табл. XXI,7).

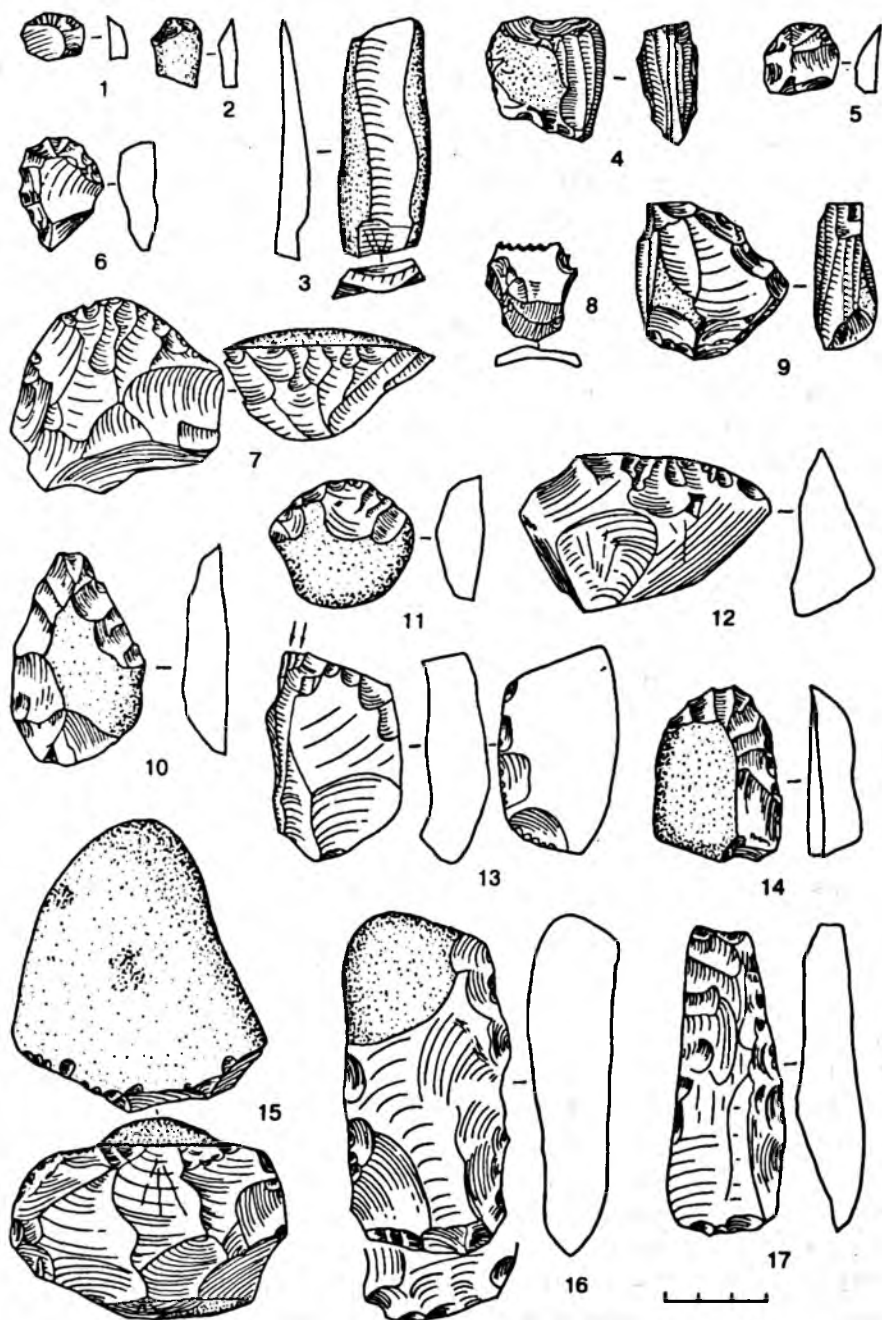

Табл. XXI. Инвентарь основного слоя раскопов 8,9,10 пункта 3
 Афонтовой Горы III: 1,2,5,6,14 - скребки, 3 - пластина,
 4,9,13 - микронуклеусы, 7 - чоппер, 8 - зубчатое орудие, 10 -
 остроконечник, 11 - скреблышко, 12 - скребло выпуклое, 15 -
 нуклеус на гальке, 16,17 - тесла.

Видимо, почти любой галечный нуклеус можно было использовать как чоппер.

Другой тип *нуклеуса* - мелкие ядрища, сделанные из хороших мелкокристаллических, преимущественно кремневых пород.

Основной вариант небольших нуклеусов - одноплощадочные, со скалыванием по узкой стороне. Образец изображен на табл. XXI,4. Часто у таких нуклеусов приострено основание и сделана лопасть на краю, противоположном рабочей стороне. Эта лопасть может быть не обработанной или укороченной, а основание не приостренным (табл. XXI,9,13). Почти у всех нуклеусов нижний конец имеет следы от упора в твердую опору. Из "резерва" Е.В.Акимова выделила новый вариант - "упрощенный". Это "клиновидный вариант из первичных, как правило, отщепов, где оформление кия и гребня производилось в меру необходимости, если подобие этих элементов отсутствовало на заготовке" (Акимова, 1992а, с.60).

Другой вариант небольших нуклеусов - одноплощадочный призматический, с уплощенной стороной, противоположной рабочей поверхности (см. Ауэрбах, 1930, табл.8, рис.11). При этом пластинки скалывали уже не с узкого, а с широкого дуговидного края. Дальнейшее развитие этой формы дает небольшой уплощенный в вертикальной плоскости нуклеус, часто даже не имеющий верхней площадки, настолько полно он использовался (см. Ауэрбах, 1930, табл. 8, рис.12).

Третий вариант микронуклеуса - двухплощадочные. Они бывают либо призматические, либо чаще односторонние, со сколами вдоль узкого края. Скалывание производилось иногда попеременно с двух площадок. Площадки обычно подправлены мелкими фасетками, но некоторые получены одним точным сколом.

С небольших нуклеусов скалывались правильные *микрoпластинки*. Размер их не превышает 14-40 мм длины, 2-12 мм ширины и 0,5-2 мм толщины. Некоторые пластинки изогнуты, это чаще продольные сколы с "нуклеусов-скребков". Иногда пластинки сохраняли следы использования в виде зазубренности края, и очень мало пластиночек с ретушью. Одна микропластинка, кроме ретуши одного края со спинки, имеет выемочку на другом краю уже с внутренней поверхности.

В коллекции есть несколько грубо оббитых с одного конца галек, служивших отбойниками, и несколько уплощенных орудий с параллельными сторонами и оббитыми под углом 40° краями. И.Т. Савенков называл их лекалами, предполагая, что на них накладывался отщеп и ударами по краю его получали точную форму выпуклого скребла. Н.К.Ауэрбах называет их "наковаленками" (см. Ауэрбах, 1930, табл.6, рис.8).

Кроме них имеются и настоящие наковаленки, служившие упором при обработке каменных орудий. Обычно ими были любые подходящие гальки или орудия с ровной, слегка выпуклой поверхностью.

Скребла. Среди орудий наибольшую серию составляют скребла (около 50 экз.). Они подразделяются на несколько основных вариантов по форме лезвия.

Скребла с выпуклым лезвием (38 экз.) сделаны из отщепов, сколов с гальки или же целых галек. Нижняя сторона некоторых скребел образована коркой гальки (далее см. у Н.К.Ауэрбаха, 1930, табл.6, рис.1), у других корка сохраняется на части наружной поверхности отщепа, из которого они были сделаны (там же, табл. 6, рис.11). Большинство скребел сделано из отщепов так, что ретушь нанесена на одном (табл. XXI,12) или двух краях наружной поверхности отщепа.

У четырех выпуклых скребел сколами подработана нижняя сторона, а ретушь нанесена на верхней стороне орудия. Размер скребел в среднем 80-100 мм, но есть и маленькие, как бы переходные к типу скребков (табл. XXI,11).

Н.К.Ауэрбах выделяет три скребла с выемкой у одного из концов орудия и круглые скребла. Последние обычно сделаны из массивных отщепов и имеют лезвия почти на всех краях.

Скребло с прямым лезвием (1 экз.) сделано на массивном обломке гальки. На нижней стороне и части верхней сохранилась корка гальки. Ретушь лезвия грубая, сделана неодинаковыми по величине фасетками, крутая (см.Ауэрбах, 1930, табл.6, рис.5).

Скребла с вогнутым лезвием - 5 экз. Сделаны либо из целых галек оббивкой одного края так, что получилось вогнутое лезвие, либо из расколотых галек. В единичных экземплярах встречаются скребла с выпукло-вогнутым лезвием (Ауэрбах, 1930, табл.5, рис.2).

Разновидность двойных скребел представляют скребла-остроконечники. Они сделаны из отщепов подтреугольной формы. Один край обычно весь ретуширован, другой - лишь у острия (табл. XXI, 10).

Скребки. В коллекции много скребков (30 экз. и 12 из "резерва"). Они разных размеров, сделаны на толстых или реже тонких отщепах. Лезвия выпуклые, крутизна ретуши зависит от толщины заготовки. Два скребка двойные и лезвия их расположены на концах удлиненных отщепов, почти пластин. Второй вариант скребков-укороченные широкие (табл. XXI, 5,6). Большинство скребков овальной формы, на толстых отщепах с одним выпуклым лезвием (табл. XXI,14). Есть скребки округлые. Имеется вариант микроскребков с аккуратным выпуклым лезвием на коротком и тонком отщепе (табл. XXI,1,2). Вероятно к ним относится большинство из выделенных Е.В.Акимовой из "резерва".

Третья группа - *долотовидные*. Их 16 экземпляров, все найдены Е.В.Акимовой в "резерве", преобладают подквадратные, реже овальные и подтреугольные (Акимова, 1992а, с.61 и рис.9).

Остальные типы орудий из камня встречены в единичных экземплярах. Это маленькие проколки, микропластинки со скошенным краем и отщеп с выемочками по краю (табл. XXI,8),

вероятно, как предполагал Н.К.Ауэрбах, для обработки костяных стержней. В резерве найдены 4 проколки, 3 резчика, бифасиальное изделие и 7 галечных орудий.

В нескольких экземплярах найдены тесловидные орудия (табл. XXI,16,17).

Орудия из кости. (Коллекция раскопов 8, 9, 10). Большинство обработанной кости представлено наконечниками. Они делятся на две группы по форме поперечного сечения.

Наконечники, уплощенные в сечении. Среди них есть серия крупных наконечников без паза для вкладышей (табл. XXII,1) и таких же крупных наконечников, но с пазом для вкладышей (табл. XXII,3,11,15,16). Эти наконечники сделаны из рога, одна боковая сторона выпуклая, другая плоская или слегка вогнутая. Паз начинается в 20-70 мм от острия, ширина его около 2 мм, глубина до 3-4 мм. На одном обломке наконечника такого типа сделано шило (табл. XXII,16). Своеобразен тонкий широкий наконечник со слегка скругленным острием (табл. XXII,12). Длина его 198 мм, сечение 18 x 9 мм. Паз протянут по всему краю, довольно широк (около 3 мм), глубина 1,5-3,5 мм. Черешковая часть специально не выделяется. Все наконечники, уплощенные в сечении, плохо заострены. Может быть, некоторые из них были пожами.

Вторую группу наконечников составляют *наконечники, овальные* в сечении. Они также делятся на два варианта в зависимости от наличия или отсутствия паза для вкладышей. Наконечников без паза, овальных в сечении, очень мало (табл. XXII,13,14). Наконечников с пазом больше. Они представлены обломками и одним целым (склеен из 4-х частей) экземпляром (табл. XXII,6). Длина его 233 мм, сечение в нижней трети 18 x 9 мм. Острие шиловидное, черешок получен уплощением боковых сторон и округлением краев. Паз шириной 2 мм, глубиной 2-3 мм протянут вдоль всего края. От этого заостренного, шиловидного наконечника отличается фрагмент с менее острым кончиком. Черешки у этих орудий бывают приостренные и скошенные.

Своеобразным вариантом овальных в сечении наконечников являются небольшие, длиной в 114 и 126 мм. Один из них с пазом лишь у острия, черешок его уплощен (табл. XXII,2). Острие наконечника шиловидное. Другой наконечник плохо заострен, конец его овальный и плоский, черешок не уплощен. Паз идет вдоль всего края (табл. XXII,5).

Кроме наконечников, имеются шиловидные острия, заготовки для наконечников (табл. XXII,7,8), обломки ложила и довольно странное орудие, сделанное из обломка бивня (табл. XXII,4). Оно короткое, широкое, с острыми ребрами. К сожалению, часть его обломана. В нескольких экземплярах были найдены обломки игл, обычного для Афонтовой Горы типа с цилиндрической средней частью, уплощенные у ушка.

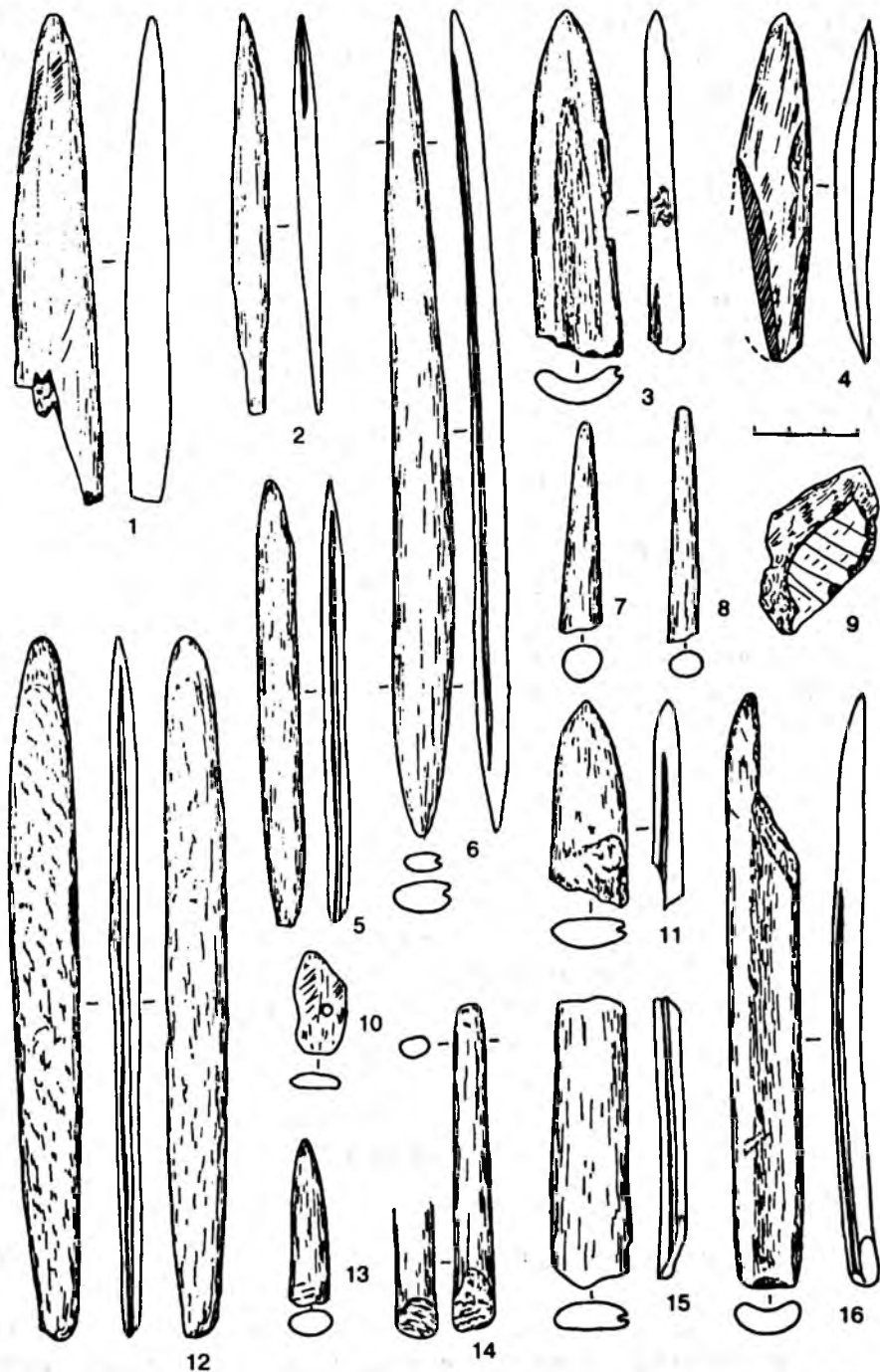

Табл. XXII. Костяной инвентарь основного слоя раскопов 8,9,10 пункта 3 Афонтовой Горы III: 1 - обломок уплощенного наконечника с пазом, 2 - наконечник с пазом у острья, 3,11,15 - обломки уплощенных наконечников с пазом, 4 - орудие из бивня, 5,6,12 - уплощенные наконечники с пазом, 7,8,13,14 - фрагменты острий, 9 - фрагмент с нарезками, 10 - поделка с отверстием, 16 - сломанный уплощенный наконечник с пазом, переоформленный в шило.

Из других предметов заслуживают внимания обломки рогов оленя с отверстиями (см. Ауэрбаж, 1930, табл. 9 и 10), шарики из бивня мамонта и костяной предмет неизвестного назначения.

Украшения представлены просверленными зубами, подвесками, сделанными из трубчатых птичьих косточек. Наиболее интересны плоские небольшие бусины из розового агальматолита с отверстием, сделанным в центре бусины.

На одном обломке бивня сохранились поперечные нарезки, видимо, орнаментального характера (табл. XXII, 9), есть плоский осколок с отверстием (табл. XXII, 10) и ступка из бивня.

II. Коллекция из раскопа № 4. Это материалы раскопок И. Т. Савенкова 1914 г.

Каменные изделия. Материал для изготовления орудий здесь тот же самый, что и на других пунктах - галечник Енисея. Имеется десятка два оббитых галек, очень похожих на чопперы. Среди них некоторые орудия являются просто утилизированными галечными нуклеусами (табл. XXIII, 1, 6) хотя есть отличные экземпляры настоящих чопперов (табл. XXIII, 4). Выделяется особая форма орудий, на лезвии которых сделан носик-острие (табл. XXIII, 2, 3).

Есть и типичные нуклеусы, до 60 мм высотой, со скошенной площадкой, и соответствующие им отщепы с ретушью и без нее. (Большинство отщепов без ретуши, как и обломки костей, не вошли в сохранившуюся коллекцию. Возможно, они когда-нибудь найдутся). *Нуклеусы* могут быть разделены на различные варианты:

1. Крупные одноплощадочные плоские нуклеусы, с короткими и широкими сколами. Площадка скошена, с подправкой - 5 экз. Высота нуклеусов до 70 мм (табл. XXIV, 2, 17, 18).
2. Плоские двуплощадочные нуклеусы со скалыванием по широкой стороне. Одна площадка скошена. Высота нуклеусов около 50 мм - 2 экз. (табл. XXIV, 20) и такой же размером 25 мм.
3. Двуплощадочные короткие нуклеусы со сколами вдоль одной узкой стороны. Высота нуклеуса 30-40 мм, 7 экземпляров (табл. XXIV, 3).
4. Грубо-конические одноплощадочные нуклеусы с добавочной площадкой, перпендикулярной основной - 1 экз. (табл. XXIV, 5) и без нее - 2 экз..
5. Нуклеусы одноплощадочные, сколы производились вдоль узкой стороны, лопасть не выделена, но тыльная часть удлинена - 3 экз. (табл. XXIV, 4).
6. Микронуклеусы одноплощадочные, с приострением внизу и наличием или отсутствием лопасти - 7 экз.
7. Микронуклеусы клиновидные, с приострением внизу и лопастью - 3 экз.
8. Микронуклеусы с приострением внизу и лопастью. Скалывание производилось сначала вдоль одной узкой стороны,

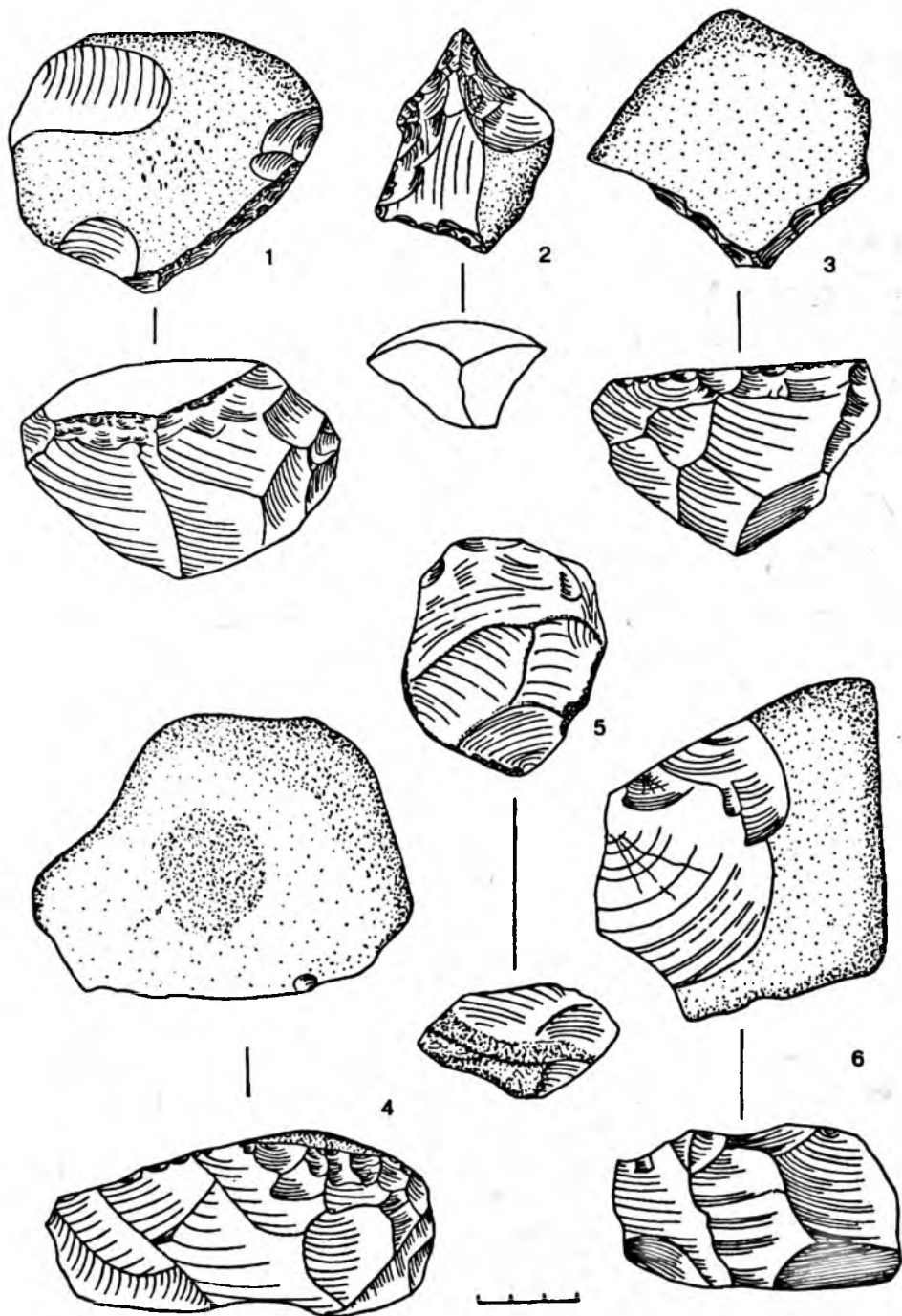

Табл. XXIII. Инвентарь раскопа 4 пункта 3 Афонтовой Горы
 III: 1,6 - нуклеусы на гальке, 2,3 - чопперы с носиком, 4 -
 чоппер, 5 - отбойник.

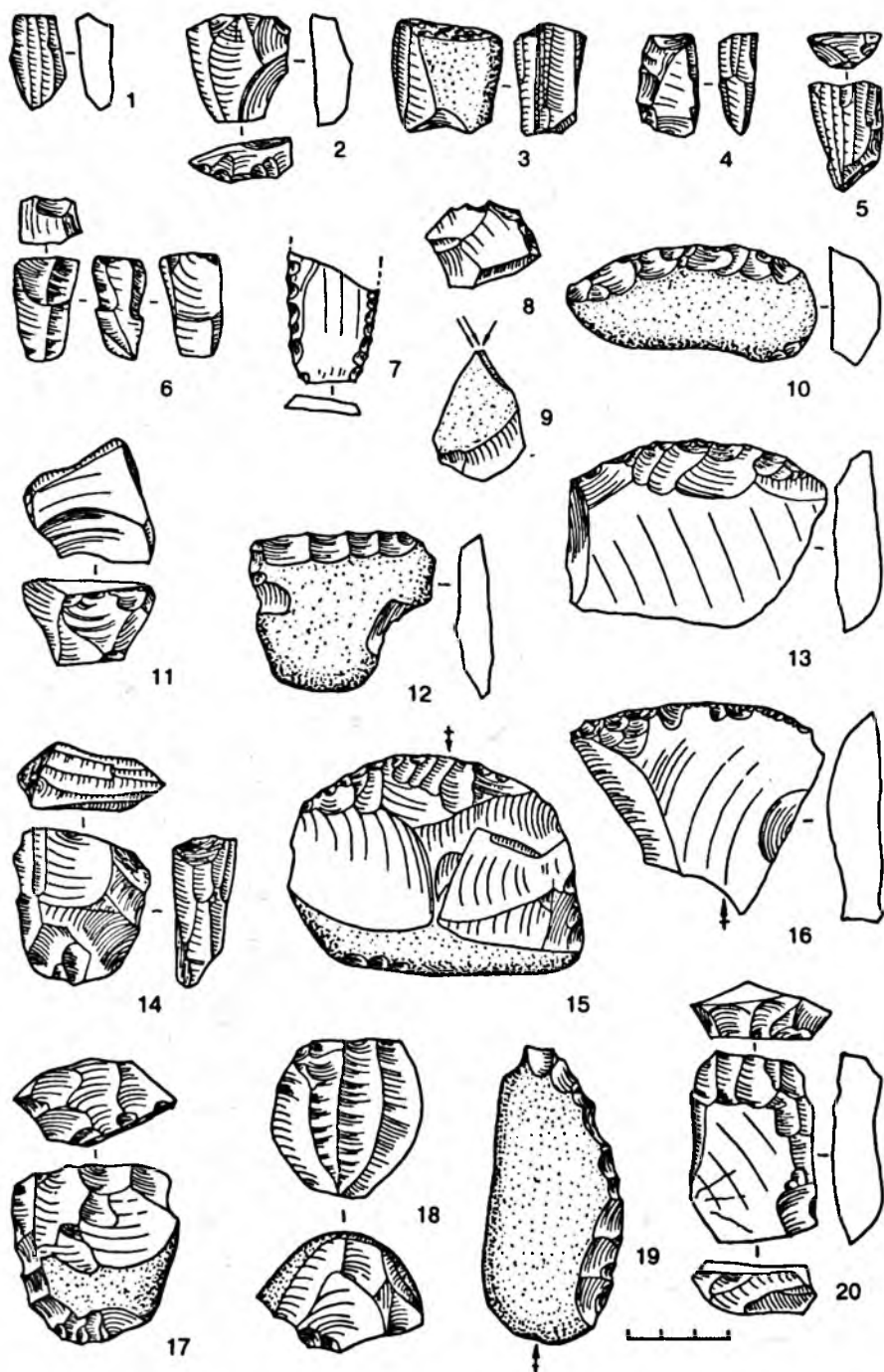

Табл. XXIV. Инвентарь раскопа 4 пункта 3 Афонтовой Горы III: 1,3-6,14 - микронуклеусы, 2,17,18 - нуклеусы одноплощадочные уплощенные, 7 - обломок острия, 8 - проколка, 9 - резец атипичный, 10,12,13,15,16,19 - скребла, 11 - нуклеовидный обломок.

а затем от этой плоскости вдоль первоначальной площадки - 3 экз. (табл. XXIV,14).

9. Одноплощадочный нуклеус, в сечении подквадратный, со сколами вдоль двух сторон. Высота его 30 мм, табл. XXIV,6.

10. Почти карандашевидный нуклеус высотой 26 мм. Площадка подправлена, сколы внизу сходятся, приостряя конец нуклеуса - 2 экз. (табл. XXIV,1).

Есть отдельные интересные экземпляры атипичных нуклеусов и до десятка обломков, использованных для получения одного-двух сколов.

В коллекции имеются сколы с нуклеусов - реберчатые пластины длиной до 70 мм. В качестве отбойников использовались массивные обломки галек (табл. XXIII,5).

Скребла - наиболее значительная серия орудий - 68 экз. Подразделены на варианты в основном по форме лезвий.

Скребла с выпуклым лезвием - 48 экз. Сделаны из отщепов, галек, сколов с галек и обломков. Разновидности скребел варьируют в зависимости от дополнительной обработки верхней и нижней стороны орудия. Спинка уплощалась обычно двумя глубокими сколами с концов орудия, а брюшко - подтеской от ретушированного края (в двух случаях), длина скребел от 50 до 120 мм, толщина от 5 до 30 мм. Большинство скребел сделано из отщепов (табл. XXIV,16), реже из краевых отщепов так, что корка гальки образует нижнюю сторону скребла (табл. XXIV, 13). Иногда корка гальки сохраняется на верхней стороне скребла (табл. XXIV,10). Некоторые скребла довольно необычны. Одно такое скребло сделано из скола с гальки. Лезвие на ударной площадке, ретушь пологая, субпараллельная. На краю, противоположном ретушированному, сохранилась корка гальки. Верхняя сторона уплощена сколами с концов параллельно лезвию (табл. XXIV, 15). Есть высокое скребло, уплощенное сколами с узких сторон на спинке, отличающееся тем, что на лезвии выделено жальце. У одного крупного скребла лезвие скошено, можно отметить, что этот признак редок.

Скребла с прямым лезвием - 9 экз. Они сделаны из расколотых галек и отщепов. В некоторых случаях лезвие острое и тонкое, как у ножа. Чаще же ретушь обычная полукрутая, как у выпуклых скребел (табл. XXIV, 12). У одного скребла из отщепа почти прямое лезвие смыкается с затесанным концом.

Двойные скребла - 11 экз. Сделаны на отщепах и сколах с гальки, при этом на нижней стороне часто сохранялась корка. У трех скребел одно лезвие выпуклое, другое прямое (табл. XXV,10), остальные - с двумя выпуклыми лезвиями (табл. XXV,7,11). Несколько своеобразно скребло, у которого одно лезвие прямое, а другое выпуклое, но с небольшой выемкой (табл. XXV,15), затем скребло с одним прямым и другим скошенным лезвием и скребло с одним выпуклым и другим вогнутым посередине лезвием (табл. XXV,16). Конвергентные скребла. Их всего 3, наиболее типичен

экземпляр, сделанный на отщепе с вогнутым брюшком. Ретушь краев мелкая, чешуйчатая. Длина 47 мм, ширина у основания 32 мм, толщина у кончика 9 мм (табл. XXV,8).

Скребла-ножи - 8 экз. Сделаны из тонких отщепов с подтеской брюшка, иногда без нее (табл. XXV,17). Особенно выразительно одно. Лезвие у него выпуклое, с очень острым краем. Ретушь нанесена широкими плоскими фасетками. На нижней стороне подтеска, сколы направлены от края к центру.

Тесловидные орудия. К скреблам по способу обработки краев приближаются тесловидные орудия - 3 экз. Они отличаются двусторонней подтеской одного узкого долотовидного конца (табл. XXV,13,19).

Скребки. Среди мелких орудий значительную серию составляют скребки - 31 экземпляр. Они подразделяются на:

1. Скребки концевые, на удлиненном отщепе - 5 экз. По боковому краю отщепа в двух случаях нанесена ретушь (табл. XXV,2,3). Один скребок на краю имеет клювик, но не выделенный специально (табл. XXV,5).

2. Скребки на отщепах разной формы и толщины - 8 экз. Два из них сделаны на нуклеусах (табл. XXV,4), у двух лезвие с небольшой вогнутостью.

3. Округлые и овальные скребки на отщепах (5 экз.; табл. XXV,1).

4. Скребки с широким лезвием, сильно укороченные - 10 экз. (табл. XXV,6). У одного из них скошенное лезвие, остальные с овальным выпуклым лезвием.

5. Микроскребки. Типичных маленьких с хорошо обработанным лезвием мало - 3 экз.

Остальные мелкие орудия встречены в единичных экземплярах.

Проколки. Всего две, обе с плечиками. Жальце короткое и тонкое (табл. XXIV,8).

Резцы. Четыре экземпляра, атипичные (табл. XXIV,9). Интересен резец на скребле и один небольшой боковой.

Пластиночки со скошенным краем. Всего 3 экземпляра. Вообще и микропластинок в коллекции раскопа 4 не так уж много - 21 фрагмент.

Выемчатые орудия - 2 экз. Одно на отщепе с выпуклым краем, почти в середине которого находится широкая выемка (табл. XXV,12). Другое - на пластине, левый край ее ретуширован, а на нем сделаны две небольшие выемки. Вероятно, эти орудия служили для обработки костяных стержней.

Отщепы с ретушью - скребки атипичные ? (табл. XXV,9,18).

Изделия из кости раскопа 4.

Изделий из кости, по сравнению с каменными, было найдено мало. Имеются обломки бивней мамонта, иногда со следами обработки - 6 экз. Один обломок ребра с зарубками, кость со следами

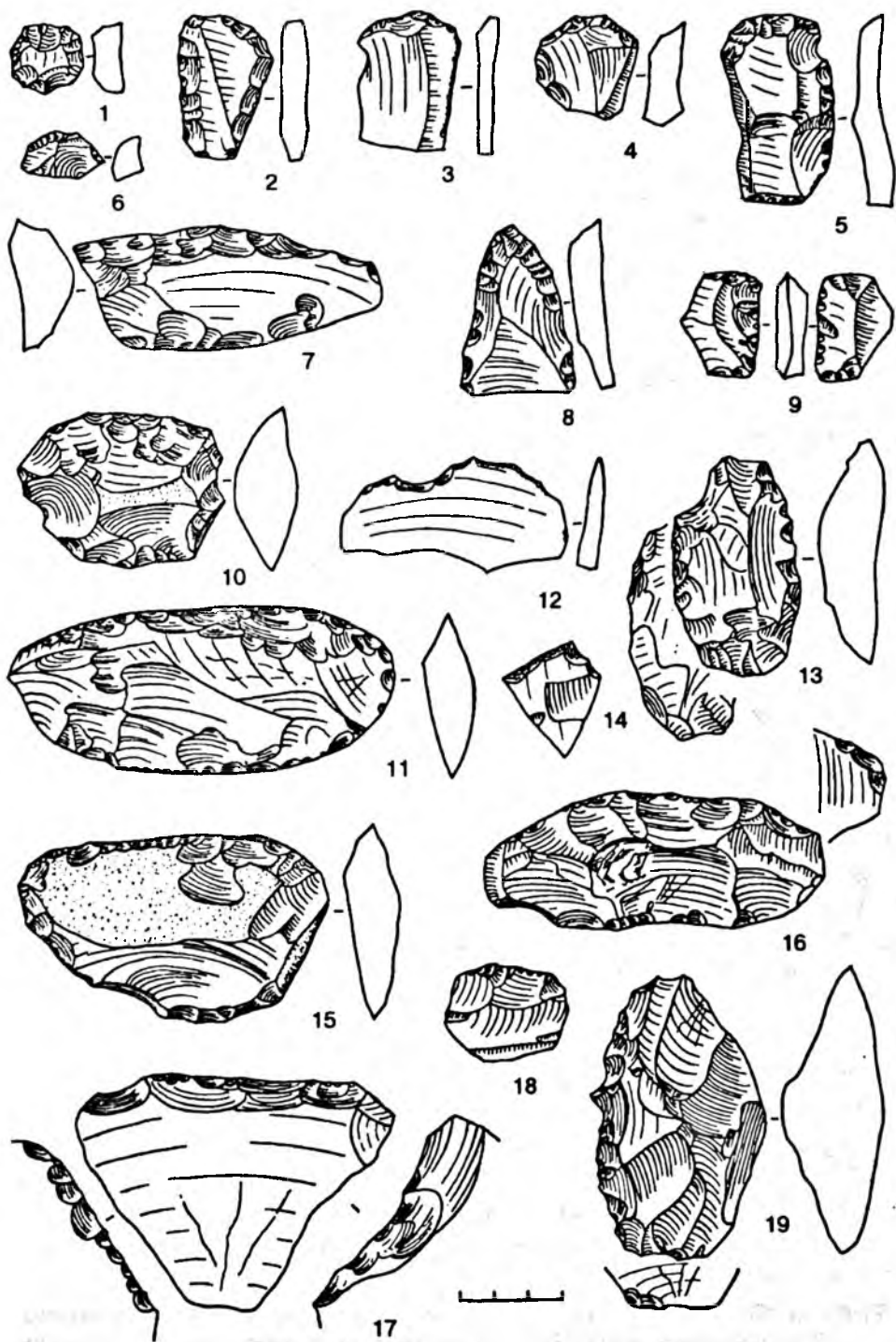

Табл. XXV. Инвентарь раскопа 4 пункта 3 Афонтовой Горы III: 1-6 - скребки, 7,10,11,15-17 - скребла, 8 - скребло-остроконечник, 9,18 - отщепы с ретушью, 12 - выемчатое орудие, 13,19 - тесла, 14 - проколка.

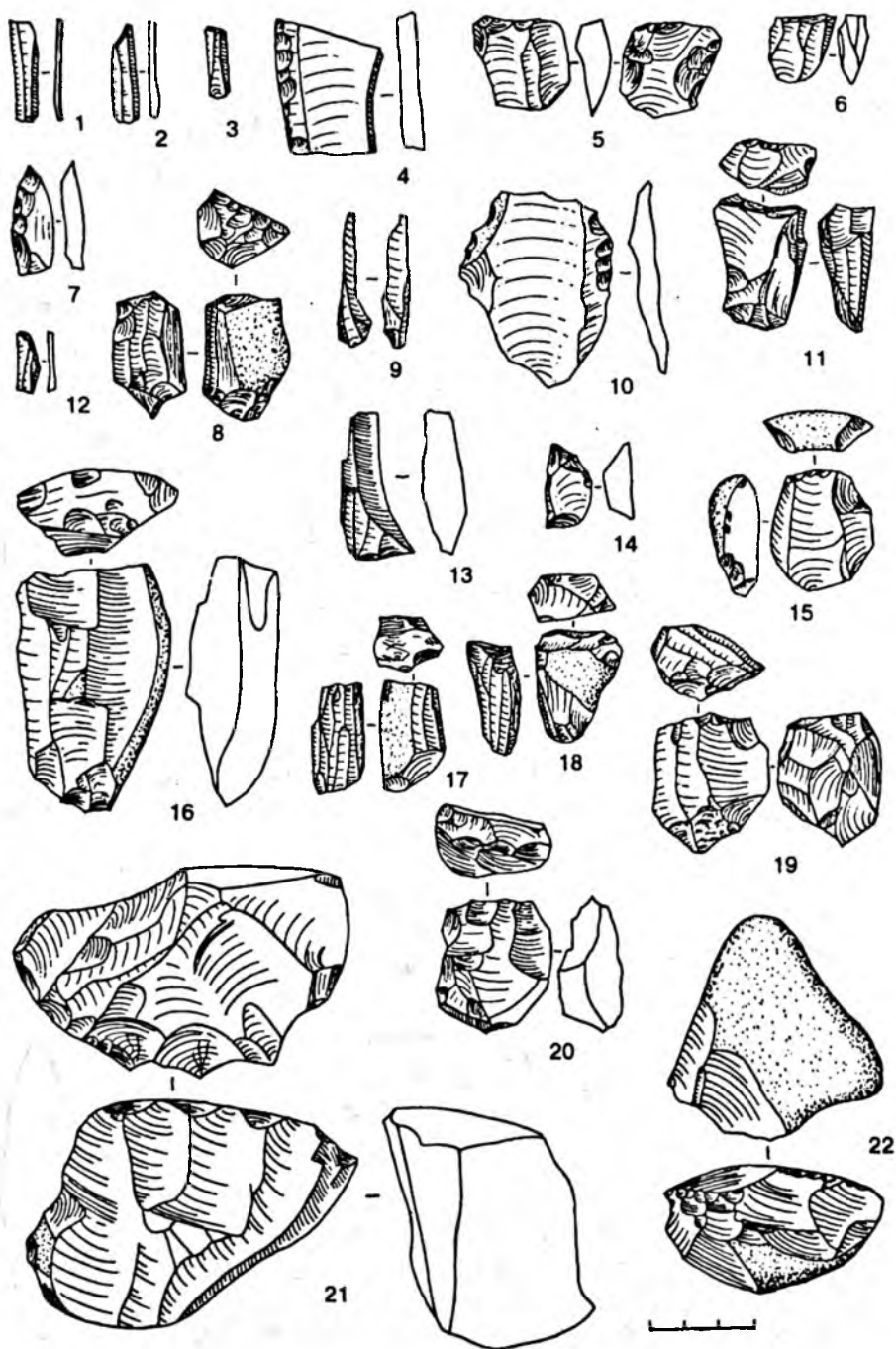

Табл. XXVI. Инвентарь основного слоя раскопа 1930 г. пункта 3 Афонтовой Горы III: 1 - микропластинка, 2,3,12 - микропластинки со скошенным краем, 4,7,10,14 - отщепы и пластины с ретушью, 5 - долотовидное орудие, 6,15,20 - небольшие уплощенные нуклеусы, 8,11,17,18 - микронуклеусы, 9,13 - сколы с микронуклеусов, 16 - нуклеус одноплощадочный плоский, 19 - нуклеус трехплощадочный, 21 - нуклеус одноплощадочный подпризматический, 22 - чоппер.

рубки и резки и обломки без следов обработки. Имеются заготовки наконечников с шиловидным острием.

Среди фрагментов готовых наконечников можно выделить две разновидности. *Наконечники, уплощенные в сечении* - 3 экз. Наиболее полно сохранился один. Конец его острый, поверхность отшлифована. По одному краю идет паз глубиной в 3 мм и шириной 2 мм. Два других наконечника тоже относятся к варианту с пазом для вкладыша. *Наконечники, овальные в сечении* - 5 экз. Вариант без паза представлен 2 фрагментами. Приострение наконечника не шиловидное, а более крутое и тупое. Другой вариант - с пазом - 3 экз. Представлен наконечниками с шиловидным острием. Паз идет от кончика по одному краю, размер 2 x 3 мм. На уплощенном черешке обычно хорошо заметны насечки (табл. XXVIII, 7).

Украшения. Особое место занимает агальматолитовый диск. Он был найден в самом нижнем горизонте. Диск был разбит на 4 части, лежащие на одном квадрате. С одной стороны диск уплощен, другая слегка выпуклая. Замечательны правильные радиальные линии, пересекающие поверхность.

Антропологические находки - два зуба человека, найденные И.Т.Савенковым в раскопе № 4.

В целом, коллекция раскопа № 4 близка раскопам 8, 9, 10, хотя здесь имеется больше двусторонне обработанных скребел и ножей, а кость менее выразительна. Здесь мало крупных наконечников, характерных для раскопа 8.

Разбор коллекции раскопа № 4 включает наиболее изученую часть пункта 3. Все вышеописанные раскопы (4, 8, 9, 10) расположены недалеко друг от друга. Раскоп 1930 г., к которому мы сейчас перейдем, находится несколько в стороне.

III. Коллекция из раскопа 1930 г.

Она сравнительно небольшая, собрана из трех сближенных прослоек основного слоя.

Каменные изделия. Исходный материал и породы, применявшиеся для изготовления орудий - те же, что и в других комплексах. Встречены те же типы *галечных нуклеусов и чопперы*. Например, к чопперам можно отнести обломок гальки с мелкой ретушью по острому краю. На выпуклой поверхности его видны углубления от упора камней. Другое орудие сделано из гальки с оббитым концом (табл. XXVI, 22). Всего можно выделить 4-5 чопперов. Остальные расколотые и оббитые гальки, вероятнее всего, следует отнести к нуклеусам. Сколы производились либо с поверхности гальки, либо с плоскости рассеченной гальки. В коллекции есть отщепы, сколотые с таких галечных нуклеусов. Кроме галечных, имеются *нуклеусы* других разновидностей.

Крупный двуплощадочный односторонний плоский нуклеус на гальке (табл. XXVI, 16). Высота нуклеуса 70 мм.

Одноплощадочный односторонний нуклеус веерного снятия. Площадка подправлена, пластины скалывали по широкой дуге.

Высота нуклеуса 68 мм, ширина площадки 78 мм (табл. XXVI,21). Два других экземпляра менее выразительны.

Среди *микронуклеусов* встречены следующие подтипы:

1. Двуплощадочный призматический нуклеус. Одна его площадка почти перпендикулярна оси нуклеуса, другая скошена. Обе подправлены сколами (табл. XXVI,17).

2. Нуклеус с тремя площадками. Первоначально была лишь одна основная, со сколами по широкой дуге. Затем перпендикулярно ей, на "спинке" была образована поверхность скалывания с двумя площадками вдоль краев первоначальной поверхности скалывания (табл. XXVI,19).

3. Нуклеус с одной площадкой и сколами по широкой дуге.

4. Нуклеусы, переходные к варианту клиновидных нуклеусов - 2 экз. Они одноплощадочные, низ их не пристрелен, имеется лопасть, скалывание производилось вдоль узкой стороны нуклеуса (табл. XXVI,8,). Несколько иной вариант, отличающийся тем, что низ нуклеуса пристрелен, а лопасти нет (табл. XXVI,11). Размер всех 3 экз. не превышает 25-30 мм.

5. Небольшие плоские, односторонние нуклеусы без подработанной площадки - 5 экз. Скалывание иногда производилось с площадок. Высота их до 35 мм (табл. XXVI,15,20). Есть еще более мелкие нуклеусы, до 15 мм высотой. Их 9 экз. (табл. XXVI,6).

Сохранились многочисленные сколы с микронуклеусов и с небольших нуклеусов других подтипов - 13 экз. (табл. XXVI,9, 13). В коллекции имеется около 70 микропластинок разных размеров (табл. XXVI, 1,2,3,12), и реберчатая пластинка.

Скребла. Среди орудий больше всего скребел. Есть одно очень крупное, а остальные обычных размеров.

Классификация их не укладывается в общепринятые варианты, потому что многие из них сделаны из плоских галек, и в таких случаях нельзя просто применять деление на продольные и поперечные. Целесообразнее подразделять их по форме лезвия и ориентации относительно остатков галечной корки.

Скребла с выпуклым лезвием. Они сделаны из целых галек или отщепов, причем часть из них почти не имеет галечной корки - 18 экз., а некоторые сделаны так, что поверхность гальки сохранилась только либо на нижней, либо на верхней стороне орудия. Скребла без большой площади корки на верхней или нижней стороне сделаны на отщепах подходящих размеров. Преобладают сравнительно крупные орудия, с размерами 80 x 100 x 40 мм, меньше скребел размерами 60-70 x 30-40 x 15-20 мм, и только три размером 40 x 35 x 20 мм. Среди крупных скребел довольно типично одно. Лезвие его сделано на краю отщепа, на спинке сохранились следы предыдущих ударов и часть корки, так же, как и на обушке. Ретушь глубокая, ступенчатая, с последующей мелкой подправкой. Другое скребло такого же типа на отщепе несколько меньше по размеру. Лезвие выпуклое, с пологой

чешуйчатой ретушью (табл. XXVII,14). Интересно, что порода (опока), из которой сделано скребло, выветрилась и легко царапается. Самое маленькое скребло из этой серии сделано на толстом отщепе. Ретушь лезвия довольно крупная, но фасетки неглубокие и широкие. Размер 50 x 37 x 12 мм. У всех скребел этой группы ретушь нанесена с одной стороны.

Скребла, у которых нижняя сторона является поверхностью гальки, представлены разными по размерам орудиями. Характерно одно, сделанное из толстой гальки, лезвие получено обработкой края крупными сколами и крутой ступенчатой ретушью (табл. XXVII,18). Длина лезвия 80 мм. Иначе сделано небольшое скребло на тонком плоском отщепе со скошенным лезвием размером 65 x 40 x 13 мм. Наконец, несколько необычно скребло, сделанное из скола с гальки. Ретушь лезвия крутая, неровная, один конец орудия оббит и смыкается с лезвием под прямым углом. Размер 65 x 50 x 12 мм.

Скребла с коркой на верхней стороне - 2 экз. Лезвие одного из них получено чешуйчатой ретушью правого края отщепе (табл. XXVII,15).

Боковые выпуклые скребла на отщепах - табл. XXVII,8,20. Скребла с прямым лезвием. Таких скребел 6 экз. Сделаны они из галек и отщепов. Одно получено оббивкой края гальки и последующей мелкой подправкой лезвия (табл. XXVII,17). Другой вариант представлен на табл. XXVII,16. Это поперечное скребло, фасетки ретуши крупные, ретушь чешуйчатая, ступенчатая. Дополнительно обработан боковой короткий край отщепе, примыкающий к лезвию. Длина лезвия скребла 70 мм. Третий вариант - скребло на тонком длинном отщепе. Лезвие получено чешуйчатой ретушью края. Длина лезвия 55 мм (табл. XXVII,11).

Двойные скребла. Их всего три. Два сделаны на сколе с гальки так, что нижняя сторона скребел образована выпуклой естественной поверхностью гальки. Длина одного орудия 95 мм, ширина 35 мм, толщина 15 мм. Второе двойное выпуклое (поперечное) скребло отличается от описанного своей толщиной и характером обработки. Оно сделано из толстого отщепе. Края обработаны крупными заломистыми сколами. На верхней выпуклой стороне сохранился своеобразный выступ. Узкий конец орудия заострен подтеской, что делает его похожим на тесловидное. Размер 75 x 50 x 25 мм (табл. XXVII,19). С большими основаниями можно считать тесловидным еще одно орудие (табл. XXII,8), но морфологически это скребло.

В одном экземпляре найдено двойное конвергентное скребло с дополнительным лезвием. Оно сделано из скола гальки подтреугольной формы. Одно лезвие выпуклое и длинное, оформлено крупной ступенчатой ретушью. Два другие менее выпуклые и более острые, размер 92 x 59 x 20 мм (табл. XXVII,6). Второе конвергентное скребло похоже на остроконечник, оно имеет

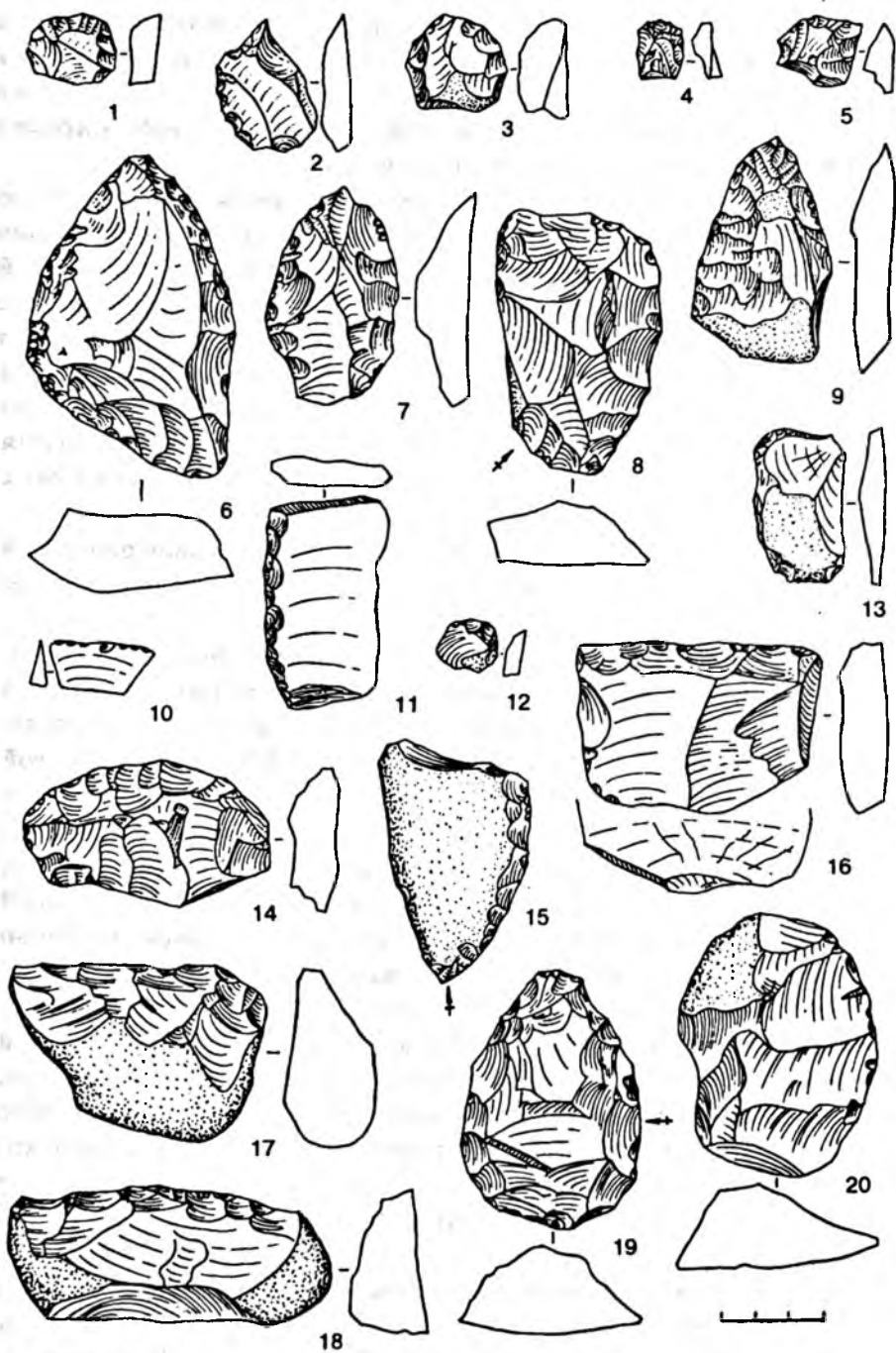

Табл. XXVII. Инвентарь основного слоя раскопа 1930 г. пункта 3 Афонтовой Горы III: 1,3-5,12 - скребки, 2 - проколка, 6 - скребло двойное конвергентное, 7-9 - остроконечники, 8,14,15,18,20 - скребла выпуклые, 10,13 - отщепы с ретушью, 11,16,17 - скребла прямые, 19 - скребло двойное высокой формы.

на правом краю выпуклое лезвие, а на левом - легкую подретушовку, переходящую у кончика в пологую аккуратную ретушь (табл. XXVII,15). Третий экземпляр тоже близок к типу остроконечника: сделан на отщепе, оба края его обработаны пологой чешуйчатой ретушью. Острие тонкое, аккуратно выделанное; найден в отвале (табл. XXVII, 7). И, наконец, есть и подлинный *остроконечник*. Ретушь его левого края пологая, с мелкой вторичной подправкой, а правого более крутая. Особо тщательно обработан тонкий острый кончик. Размер 62 x 40 x 10 мм (табл. XXVII,9), найден на кв.С1-3 на глубине 1,31 м.

Скребки составляют значительную серию - 30 экз.

1. Скребки на конце пластины или отщепа - 4 экз. У одного ретушь выпуклого дугообразного лезвия пологая, фасетки узкие, неглубокие. Острый край стерся от работы. Боковой край пластины ретуширован по всей длине. Остальные три скребка такой тщательной ретуши не имеют, но лезвие сделано на конце, как и у описанного выше.

2. Широкие скребки на обломках и отщепах - 5 экз. Один из них с ретушью по трем сторонам (табл. XXVII,1).

3. Скребки широкие на укороченных обломках. Ширина лезвия больше длины орудия - 4 экз., табл. XXVII,5.

4. Округлый скребок на отщепе.

5. Миниатюрные скребочки на конце тонкого отщепа - 4 экз.

6. Миниатюрные скребки на коротких отщепах как толстых, так и тонких - 11 экз. Размер от 14 x 7 x 6 и даже 10 x 12 x 6 мм (табл. XXVII,4,12).

8. Крупные скребки разных рамеров, иногда близкие по размерам к скреблам - 4 экз. (табл. XXVII,3).

Другие орудия встречены в единичных экземплярах.

Проколки - 3 экз. Одна сделана на отщепе, острие выделено сколами с боков (табл. XXVI,14). Другая сделана на сколе с микронуклеуса, третья на отщепе, один край которого ретуширован и применялся как скреблышко (табл. XXVII,2).

Долотовидные орудия встречены в трех экз (табл. XXVI,5) и в одном экземпляре *резцевидное* орудие.

Из микропластинок сделаны *острия со скошенным* краем - 5 экз. (табл. XXVI,2,12). Размер их до 28 x 7 x 1,5 мм. Одна микропластинка имеет легкую зазубренность края. Несколько крупных пластин и отщепов ретушировано по краю (табл. XXVI, 4,7,10; XXVII, 10,13).

Костяные изделия коллекции 1930 г.

Больше всего сохранилось обомков наконечников. Они делятся на две группы по форме поперечного сечения, хотя и не столь резко различны между собой, как в других комплексах.

Овальные в поперечном сечении наконечники представлены вариантами без паза (8 экз.) и с пазом (3 экз.). В первом варианте есть наконечники с шиловидным острием (табл. XXVIII,2) и менее

острым, закругленным (табл. XXVIII,1). Сечения наконечников 14 x 8, 16 x 8, 17 x 8, 15 x 8 мм. Второй вариант представлен обломком наконечника с шиловидным приострением (табл. XXVIII,4), небольшим фрагментом наконечника из слоновой кости и обломком небольшого наконечника с сечением 6 x 4 мм.

Уплощенные в сечении наконечники представлены двумя фрагментами. Оба являются обломками черешковых частей наконечников. Один к черешку очень слабо суживается, другой более заметно (табл. XXVIII,11). Есть довольно плоский в сечении наконечник с шиловидным острием, судя по обломку, и следами прорезания паза по краю (табл. XXVIII,3).

К небольшим наконечникам, вероятно, относятся обломки стержней, оструганные и оскобленные. Одно костяное орудие забито на широком конце, как будто им много работали по твердому материалу. Это орудие, как и другие, изображенные на табл. XXVII,5,10, было, видимо, отжимником. К сожалению, имеется лишь обломок орудия из бивня, похожего на мотыгу (табл. XXVIII,13). Оно тщательно отшлифовано и имеет выразительные следы от работы.

В коллекции есть два *лощила*, несколько *шильев* из рога и бивня (табл. XXVIII,6,9), одно - на обломке косточки. Обломки *изолок* - обычного для этих комплексов типа.

Остальные костяные поделки - заготовки, кости с зарубкой и очень интересное изделие из кости, изображенное на табл. XXVIII, 8. Это поделка с тремя сквозными отверстиями и одним маленьким, сбоку от среднего. Длина одной стороны изделия 82 мм, ширина 25 мм.

Резьба на кости представлена одним обломком с продольными царапинами, довольно глубокими. Они начинаются от заглаженного края и расположены на двух сторонах орудия.

В целом костяной инвентарь раскопа 1930 г. отличается от инвентаря раскопов 8,9,10. Здесь нет крупных уплощенных наконечников, мало наконечников с пазом. Почти все они являются близкими вариантами овального в сечении наконечника без паза среднего размера.

В каменном инвентаре нет таких резких различий от других пунктов. Можно отметить здесь особую четкость форм орудий и их обработки, разнообразие видов небольших нуклеусов и присутствие миниатюрных "вторичных ядрищ".

Все это позволяет обособить раскоп 1930 г. от остальных раскопов пункта 3. Но следует учитывать, что все комплексы взяты из 2-3 прослоек культурного слоя, то есть из нескольких горизонтов обитания.

Нижний (третий) слой пункта 3 Афонтовой горы III.

Второй основной слой Афонтовой Горы III был вскрыт, как показано выше, на большой площади. Нижний слой был изучен в

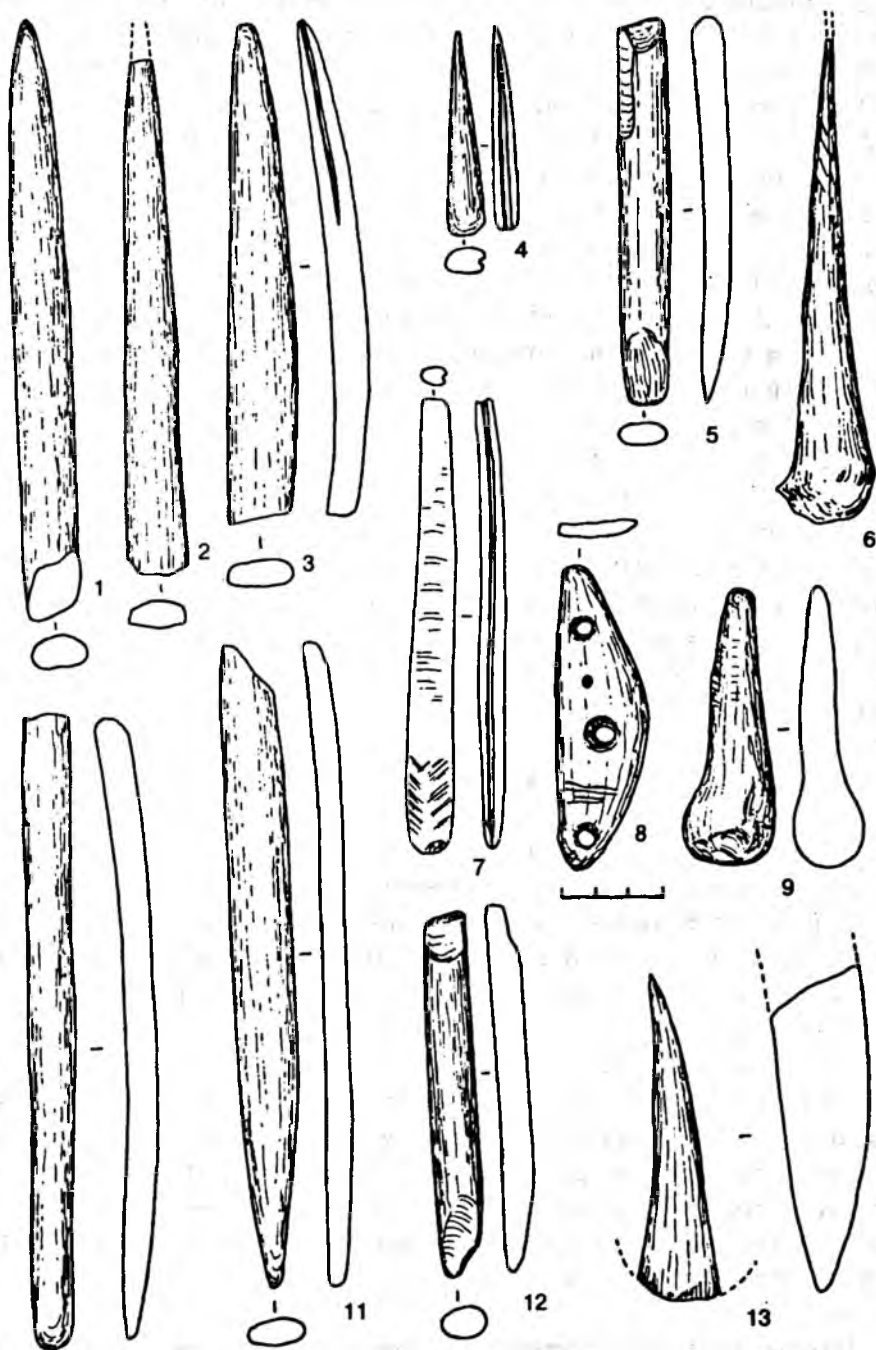

Табл. XXVIII. Инвентарь основного слоя раскопов 4 (№7) и 1930 г. (остальные номера) пункта 3 Афонтовой Горы III:
 1,2,11 - обломки наконечников без паза, 3,4,7 - обломки наконечников с пазом, 6,9 - шилья, 8 - изделие со сверлени-
 ем, 5,10,12 - отжимники из сломанных наконечников, 13 -
 фрагмент мотыги из бивня.

гораздо меньшей степени. Он был обнаружен только при раскопках 1925 г. в раскопе 8, 9 и в 1930 г. на основном раскопе.

В раскопе 8 он был обнаружен на 10 кв.м. Это квадраты А-2, А-8, В-9, С-6, С-7, С-8, С-9, Д-6, Д-8, Д-9.

Условия залегания нижнего культурного слоя в раскопе 8.

Культурные остатки приурочены к слою 3 (см. стратиграфию, рис. 19), под тремя прослойками красного суглинка. Далее, поскольку не имеется иных данных, цитируется полностью описание по Н.К. Ауэрбаху: "Первый прослой (считая сверху) имеет толщину 4-14 см, второй 2 см и третий, слабо окрашенный, до 5 см. В прослоях встречается гравий, в некоторых местах они от гравия свободны. 2-ой и 3-ий прослой не всюду отчетливо выражены. Непосредственно под третьим прослоем на глубине 202-228 см от дневной поверхности в илистом песке были встречены небольшие черные примазки, при растирании дающие ярко-черный цвет и угольки вместе с разрозненными расколотыми костями животных (северного оленя), каменными осколками, крупными гальками и небольшим количеством каменных орудий. Общая толща, в которой встречаются находки нижнего горизонта, 25-60 см. На квадрате Д-6 встречено скопление костей, лежащих около трех задымленных камней, к поверхности которых пристали небольшие кусочки угля и охры.

Расколотые кости имеют темную окраску, покрыты сеткой от корней растений и легки на вес. Найдено несколько мелких костей желтоватого цвета рядом с костями темного цвета. Углы у некоторых разбитых костей сглажены" (Ауэрбах, 1930, с.22-23).

В раскопе 9 нижний культурный слой вскрыт на квадратах А1 и А3, на площади 3 кв.м. Находки залегали под красными прослойками. Первая красная прослойка встречена на глубине 1,80 м от поверхности. Мощность ее 4-5 см. Вторая красная прослойка встречена на глубине 2,37 м. Мощность ее тоже 4-5 см. Между I и II прослойками изредка попадались расколотые кости. Третья прослойка залегает на глубине 2,57 м, толщина ее 2 см. Находки нижнего горизонта встречены на глубине 3,12-3,20 м, в песке, и представлены обломками костей, камнем со следами обработки, боковым нуклеусом и крупными камнями. Ниже, на глубине 4,01 м была выкопана кость быка и два обломка костей, вероятно, северного оленя.

Чтобы выяснить границу распространения нижнего слоя, на юго-восток от раскопа 8 на линии квадратов С, в 10-12 метрах, был заложен раскоп 10, площадью 1,4-1,5 кв.м. Он вскрыл следующие слои (не считая скрытого верхнего слоя):

- 2 - серовато-желтый суглинок с культурными остатками..... 0,8 м
- 3 - прослой красного суглинка с мелкой дресвой 0,1 м
- 4 - супесь с вклинивающимися прослоями гравия и глины0,5 м

5 - галечник до уреза Енисея.....17,27м
(Ауэрбах, 1930, с.24).

Примечательно, что второй и третьей прослойки красного суглинка не было, так же как и нижнего слоя.

В раскопе 1930 г. нижний слой был обнаружен на квадратах Д₁-1, Д₁-2, Д₁-3, С₁-1, В₁-1, D₂-2. Почти никаких данных о нем нет. Коллекция орудий до нас не дошла.

Описание находок нижнего культурного слоя. Коллекция находок нижнего слоя состоит из 17 предметов, которые изданы

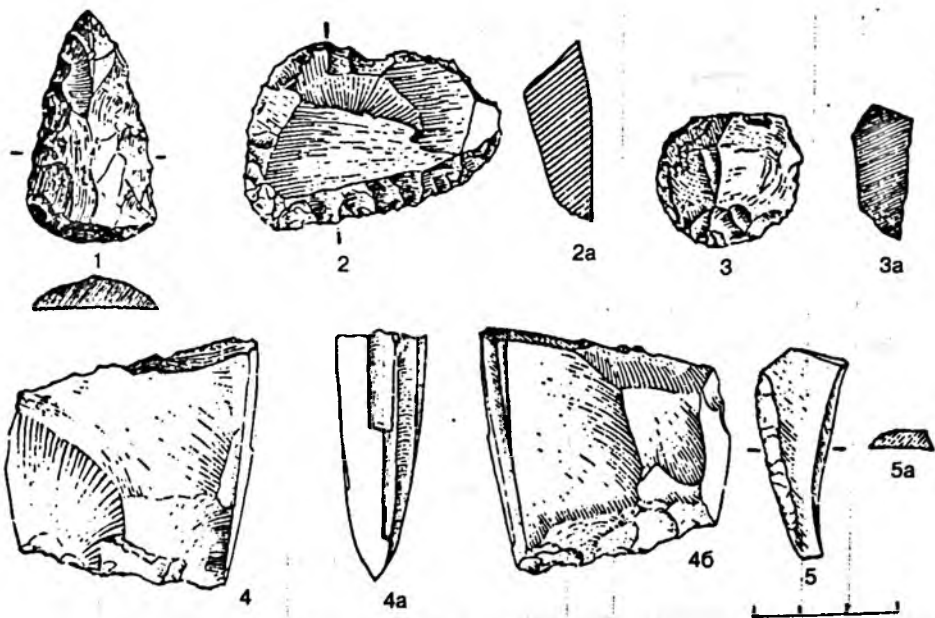

Табл. XXIX. Инвентарь нижнего слоя раскопов 8 и 9 пункта 3 Афонтовой Горы III: 1 - остроконечник, 2 - скребло, 3 - скребок, 4 - нуклеус клиновидный, 5 - пластинка ретушированная.

Н.К.Ауэрбахом (по описи 1925 г. №№ 187-192). Из них автор видел только два. Поэтому ниже дается полный текст по Н.К.Ауэрбаху со ссылками на его рисунки (т.12 соответствуют т. XXIX):

"Находки нижнего горизонта представлены в нашей коллекции 14 каменными и 1 костяным предметами. Вполне законченных орудий очень немного: 1) небольшой круглый скребок одно-сторонней обработки из кварцитового мелкозернистого песчаника: по крутому краю орудие обработано превосходной ретушью (табл. 12, рис.3); 2) скребок также односторонней обработки, пригото-вленный из осколка гальки базальта с включением кристаллов лабрадора (табл. 12, рис.2); один длинный край и уплощенный

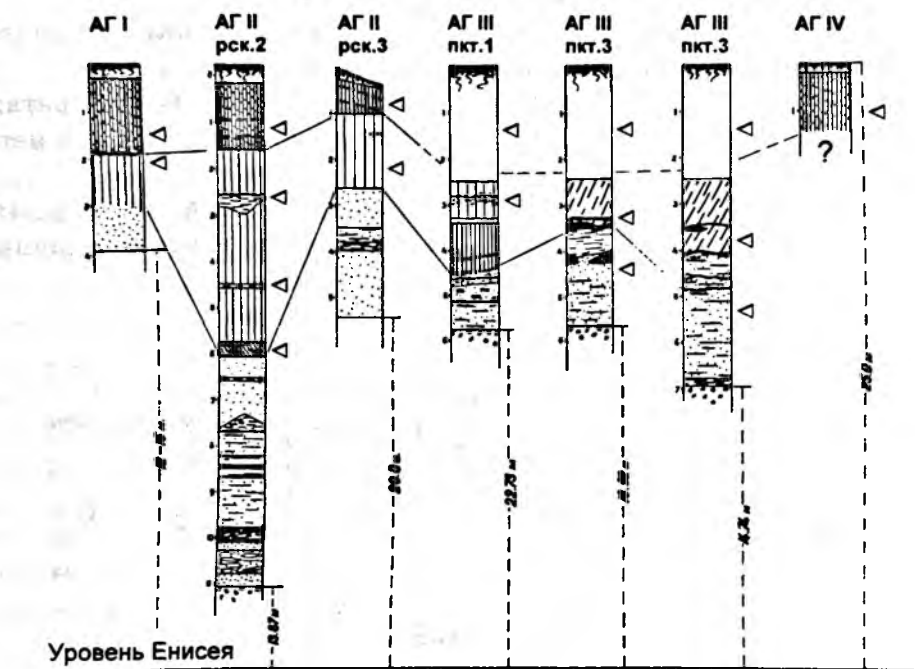

Рис.22. Сопоставление стратиграфических колонок стоянок Афонтовой Горы.

короткий край отретушированы; 3) острие односторонней обработки небольшого размера из трахита, утолщенное у притупленного основания (табл.12, рис. 1).

Кроме того, в коллекции имеются: а) два предмета (табл. 12, рис.4), которые я условно называю боковыми нуклеусами [торцовые клиновидные - С.А.] длиной в 4 и 4,7 см; б) обломок удлиненного трехгранного осколка 0,5 см толщины; в) три небольших каменных осколка случайной формы и обломок гальки, имеющей следы скалывания; г) три длинных четырехгранных осколка и одна продолговатая тонкая пластинка из яшмовидной породы; на тонкой пластинке - изящная ретушь, идущая по одному краю (табл. 12, рис.5); д) обломок рога северного оленя с поперечными насечками и следами стесывания. Обломок имеет следы сглаживания, окатан" (Ауэрбах, 1930, с.25).

Горные породы, использованные для изготовления орудий, следующие: яшма - 10 предметов, базальт с кристаллами лабрадорита - 1 предмет, неопределенный материал - 1 предмет.

Датировка нижнего слоя пункта 3 по имеющимся в нашем распоряжении данным затруднительна. Количество находок очень мало. И остроконечники, и скребки не имеют каких-либо сущест-

венных датирующих признаков. Размер и форма клиновидного нуклеуса также не могут быть датирующим признаком, особенно, когда речь идет о единичном предмете.

Фаунистические находки слишком незначительны (см. выше). Сопоставление стратиграфии (рис. 22) стоянок Афонтова Гора II уч.2 и Афонтова Гора III пункт 3 показывают, что нижний слой пункта 3 Афонтовой III залегает ниже слоя C_3 Афонтовой II, в серых песках, и соответствует прослойкам гумуса D_1 - D_2 на Афонтовой II. В таком случае, нижний слой Афонтовой III является самым древним памятником на Афонтовой Горе из рассмотренных выше.

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ НА АФОНТОВОЙ ГОРЕ.

1. ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА АФОНТОВА ГОРА IV.

Стоянка расположена на север от Афонтовой Горы II (дача Юдина), по правому борту Иванихина лога, недалеко от его устья. Отдельные находки по левому борту этого лога тоже были отнесены к этой стоянке (Рис.1). Первые сборы материала сделал И.Т.Савенков в 1884 г. Они известны нам как находки из Иванихина лога. Позднее, в 1919-20 гг. В.И.Громов произвел небольшие раскопки в Иванихином логу, причем был расчищен участок с костями *Bos. sp.* и серией микролитических орудий. Затем, в 1925 г., Г.П. Сосновский раскопал около 5 кв.м на левой стороне лога. Культурные остатки залегают на высоте около 35 м над уровнем Енисея. Глубина горизонта, где встречены обломки костей, угольки и камни, около 1,5-1,0 м от поверхности, в лессе, стратиграфически соответствующем горизонту В₁-В₂ (верхний слой) Афонтовой Горы II. Этот лесс является делювиальным покровом третьей террасы (Громов, 1948, с.327).

Стратиграфия : “. . .сверху на 20 см идет слой чернозема современного происхождения, ниже его на глубину около 1 м желтый песчанистый лесс (В), низ его маскирован осыпью.” (Научный дневник археологических раскопок на Афонтовой Горе и в других пунктах. 1925 (№1), запись от 2 июня. Архив Н.К.Ауэрбаха, Красноярск). Культурные остатки залегают очень близко от поверхности желтого песчанистого лесса.

Фауна почти неизвестна. И.Т.Савенков отмечал находки северного оленя, а В.И.Громов - *Bos primigenius*. Находки немногочисленны. Культурного слоя в обычном понимании нет - это горизонт залегания обломочков костей, угольков. каменных осколков.

Инвентарь впервые был опубликован Г.Мергартом (Merhart, 1923), это в основном мелкие сколы и микролиты (?). Небольшое количество орудий сохранилось в коллекциях И.Т.Савенкова в музее Антропологии и этнографии, их удалось выделить уже описанным способом. Преобладают продольные выпуклые скребла. К сожалению, других данных об этом памятнике пока разыскать не удалось.

2. ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА АФОНТОВА ГОРА V.

В 1996 году при раскопках в производственном котловане было найдено пять каменных изделий (Н. Дроздов, В.Буторин, Д.Дроздов и др., 1996, с.88). Стоянкам приурочена к высокой IV или V среднеплейстоценовой террасе Енисея в нескольких сотнях метров к северо-западу от основной группы стоянок.

Стратиграфия:

1. Сартанские лессовидные супеси и слоистые суглинки, имеющие признаки типичные для делювия - мощность до 1.5 м

2. Ископаемый почвенный комплекс, сопоставимый с куртакским педокомплексом каргинского возраста. Разделен на три пачки, представляющие вероятно отдельные почвенные горизонты. Средний и нижний нарушены солифлюкцией - мощность 0,8-1 м

3. Лессовидные субаэральные супеси (муруктинский горизонт), внедряющиеся языками в вышележащий горизонт.

Отложения нарушены морозобойными трещинами глубиной более 2,5 м, наблюдаются признаки двухэтапности формирования жильных льдов.

Фауна. Найдено 368 целых костей и фрагментов. Н.Д.Оводов выделил среди них кости зайца, пищухи, пещерного льва, лошади, северного оленя, бизона, куропатки (Дроздов, Артемьев, 1997, с.23).

“Геологические условия залегания археологического материала позволяют датировать слой, содержащий культурные остатки каргинским временем в пределах 30-35 тысяч лет.” (там же, с.24)

Каменные изделия 1996 года представлены пятью предметами, среди них *скребло* с частичной бифасиальной обработкой, *отщепы* довольно крупные, один в технике цитрон, остальные обычные, площадки не подправлены. В 1997 г. получена представительная коллекция, но опубликовано в рисунках 16 предметов. Первичное расщепление характеризуют нуклеусы различного типа, их всего 6 экземпляров, приведены рисунки пяти. Это: нуклеус двусторонний трехплощадочный с поперечным расположением площадок - основная на одной стороне, и две другие встречного скалывания на другой, как бы уплощающие заготовку. Снимались пластинчатые заготовки (автор использует иную классификацию, чем исследователи Афонтовой V. Так, этот вариант они характеризуют как “нуклеус монофронтальный для снятия пластинчатых заготовок”, см. их рис.14,1). Может, и так - они видели предмет; два нуклеуса подпризматические укороченные, площадки сделаны у одного одним сколом, у другого - двумя встречными с мелкой подправкой. Первый напоминает скребок высокой формы. Есть заготовка, вероятно для нуклеуса призматического типа. Пятый и шестой нуклеусы - одно и двухплощадочные уплощенные, первый тяготеет к веерному скалыванию. Вторичная обработка - преимущественно ретушь краевая и анкош, судя по рисункам. Что касается орудийного набора, то можно процитировать исследова-

телей: “Орудийный материал представляет коллекцию в 25 экз. Среди них: Остроконечник на удлинённом отщепе с дорсальной ретушью (рис. 15;1). Комбинированное орудие (скребок-проколка (?) - выемчатое орудие)(рис.15;2). Проколка-провертка на выработанном нуклеусе (рис. 16;8). Концевой скребок на отщепе (рис. 15;3). Отбойник-ожимник (рис. 15;9) и др” (Дроздов, Артемьев, 1997, с.24). Что касается культурной принадлежности, то характер нуклеусов и типов орудий позволяют авторам “поставить вопрос о своеобразии каменной индустрии памятников мальтинского круга в Красноярском археологическом районе” (там же), нам же остается ждать более полной публикации этой крайне интересной, пока древнейшей из афонтовских, стоянки, отодвигающей нижнюю границу заселения в каргинское время.

3. О ВОЗМОЖНОСТИ ОБНАРУЖЕНИЯ НОВЫХ ПАМЯТНИКОВ НА АФОНТОВОЙ ГОРЕ.

Уже изучение записей и коллекций И.Т.Савенкова показывает, что безусловно была еще одна палеолитическая стоянка, расположенная у правой приустьевой части Иванихина Лога, на 20-ти метровом террасовом уступе. Она названа Афонтова Гора IVa (Абрамова, Астахов, Васильев и др. 1991, с.100). Сведений о стратиграфии и распространении находок еще меньше, чем о других местах сборов И.Савенкова. В настоящее время это место застроено, а раньше здесь были разрезы кирпичных заводов Лебедева. Собранный И.Т.Савенковым материал хранится в музее Антропологии и Этнографии и представлен небольшой серией скребел.

Можно предполагать существование еще одной стоянки - между Иванихиным логом и Афонтовой Горой II, но данных об этом пункте еще меньше (см. разрезы №9 и 10 на рис.1).

Новые исследования красноярских палеолитчиков под руководством Н.И.Дроздова начинают подтверждать предположения, высказанные автором ранее, о существовании целой группы стоянок в урочище Афонтова Гора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настало время от изложения фактов перейти к выводам. Если не начинать с генеральной задачи — а именно выяснения места афонтовских стоянок в системе сибирского (и североазиатского) позднего палеолита, то остаются две минимальные — определение хронологии и культурного статуса памятников.

Что касается хронологии, то по существовавшим ранее представлениям, претерпевшим некоторые изменения, время бытования афонтовских стоянок и этого варианта сибирского позднего палеолита определялось достаточно правильно.

Выше были детально рассмотрены стратиграфия, геология, фауна и инвентарь стоянок на Афонтовой Горе. Уже указывалось, что наиболее обоснованную хронологию стоянок создал В.И.Громов. На основе комплекса данных он выделил четыре ступени енисейского палеолита:

“1. Стоянки типа нижнего горизонта Афонтовой Горы II. К этой группе должны быть отнесены Афонтова Гора II, I, III, Усть-Пяткова (Бугач), стоянки Коровий Лог.

2. Стоянки типа верхнего горизонта Афонтова Гора II. Сюда относятся: Афонтова Гора IV, Гремячий, возможно, Тележный Лог и Батени.

3. Группа стоянок типа Переселенческого Пункта. К этой группе относится подавляющее большинство стоянок в бассейне Енисея: Бузуново, Лепешкино, Кирпичный Лог, нижние горизонты (С) Бирюсинских стоянок.

4. Группа стоянок типа верхних горизонтов Бирюсинских стоянок, иногда дюнные стоянки Минусинской котловины” (Громов, 1948, с.375). В свое время эта схема позволяла систематизировать и расставлять комплексы во временных отрезках, хотя она не бесспорна, если учитывать новые факты.

Позднее четвертичную историю бассейна Енисея изучали С.А.Архипов, С.П.Горшков, В.В.Фениксова, А.Д.Колбутов, А.П.Пуминов, С.М.Цейтлин, Э.И.Равский. Исследования Э.И.Равского особенно помогли автору. Последние годы Енисейским регионом занимался последователь В.И.Громова и Э.И.Равского Семен Маркович Цейтлин. Особое значение имели работы Э.И.Равского и С.М.Цейтлина “Геология енисейского палеолита”

(1965) и “Геология палеолита Северной Азии” (Цейтлин, 1979). В этих работах даны наиболее детальное описание и интерпретация геологии палеолитических памятников Енисея и Афонтовой Горы. При осмотре в 1962 г. обнажения Афонтовой Горы II в 30-40 м к юго-западу от места раскопок 1923-25 гг. (между участками 1 и 2 - А.С.) Э.Равский и С.Цейтлин обнаружили верхний уровень находок (по В.И.Громову – V_1 - V_2) на глубине 3,2 м. Ниже, на глубинах 7,76, 8,89, 10,93 и 11,23 м от поверхности были встречены темные прослойки и две гумусированные линзы. Три верхние прослойки Э.И.Цейтлин и С.М.Равский сопоставляют со слоями C_1 , C_2 и C_3 . Угли, собранные из этих прослоев (изо всех вместе или только из нижней? А.С.), позволили получить дату $20\ 900 \pm 300$ (ГИН-117).

Однако, на наш взгляд, нельзя с полной уверенностью говорить о соответствии обнаруженных прослоев слоям C_1 , C_2 и C_3 . Рассматривая описание участка 1 и 2 и сравнивая его с приведенным авторами, мы считаем возможным совмещать две верхние прослойки (на глубинах 7,76 и 8,89) с теми прослоями участка 1, которые соответствуют слою C_3 участка 2. Тогда и третья и четвертая прослойки будут относиться к прослоям гумуса Д, лежащим ниже культурного слоя, так же как и приведенная ими дата.

Однако, наиболее существенный, по нашему мнению, вывод Э.И.Равского и С.М.Цейтлина заключается в другом. В разрезе стоянки Афонтова Гора II они видят “только две генетически разнородные пачки – покровных образований и галечно-аллювия” (Рапвский, Цейтлин, 1965, с.218). Верхняя, первая пачка, по своему происхождению является аллювиально-пролювиальными склоновыми отложениями. Эти отложения слоисты в средней части, а в нижней и верхней частях облессованы. Верхняя часть, включающая слой V_1 - V_2 , сопоставляется по времени образования с лессовидными толщами верхов I надпойменной террасы. Нижняя часть, возможно, отвечает аллювию II надпойменной террасы, отсюда нижние слои (C_1 , C_2 и C_3) по Равскому и Цейтлину “одновременны накоплению нижней части аллювия II террасы или даже несколько моложе их, учитывая слабую лессовидность отложений, вмещающих культурные слои” (Равский, Цейтлин, 1965, с.218). Поскольку накопление осадков II (14-16 м) террасы происходило во время Сарганского оледенения, Афонтова Гора II датируется этим временем. Далее Э.И.Равский и С.М.Цейтлин обращаются к фауне стоянки. Основываясь на выводе В.И.Громова о преобладании в ней животных открытых пространств над лесными, а также на данных анализов древесных углей (Гаммерман, 1932), они относят нижний слой Афонтовой Горы II к начальным этапам развития Сарганского оледенения. Этот их вывод был в согласии с радиоуглеродной датой, приведенной выше.

Поскольку верхний слой V_1 - V_2 залегает в верхней лессовидной супеси, датируемой концом Сарганского оледенения, то он не может

быть моложе 10 тысяч лет. Таким образом, исходя из тех самых данных, все слои Афонтовой Горы II должны были бы укладываться в промежуток времени от 20 до 10 тысяч лет. Автор не мог полностью согласиться с этими выводами, которые С.М.Цейтлин продолжал высказывать и позднее.

Рассматривая описания и разрезы, составленные для участка 2 Афонтовой Горы II В.И.Грозовым, и сопоставляя их с собственными наблюдениями при неоднократных посещениях Афонтовой Горы, автор в те годы пришел к выводу, что слои C_1 , C_2 и C_0 отлагались в более влажном климате, чем верхний. Перерыв в отложениях и смена характера отложений, видимо, фиксирует интерстадиал (или интерстадиалы, что более вероятно) внутри Сартанского оледенения, возможно – Кокоревский. Таким образом, был сделан вывод, что слои C_1 , C_2 , C_0 древнее 12 тысяч лет, но не на много – максимум до 14-15 тысяч лет.

Смущало, как тогда казалось, “омоложение” взятого автором в 1962 г. образца угля из лесса на участке 1, соотносимого вероятно с прослоями C_1 - C_2 . Этот образец не был полностью очищен и дал возраст $11\ 335 \pm 270$ (МО-343). Но новые данные Н.И.Дроздова (Дроздов, Артемьев, 1997) подтверждают сомнения автора в древнем возрасте нижнего слоя Афонтовой Горы.

Сравнение стратиграфии стоянок Афонтовой Горы показывает следующее (рис. 22). Верхнему слою Афонтовой Горы II соответствует Афонтова Гора IV. Тому времени, когда происходила смена последнего интерстадиала Сартанского оледенения его заключительной фазой (11-12 тысяч лет назад) отвечают стоянки Афонтова Гора I и верхний слой Афонтовой Горы III (сборы И.Т.Савенкова). Примечательно, что в фауне этих стоянок много мамонта.

Второй слой Афонтовой Горы III, лежащий ниже, в супеси, стратиграфически соответствует слоям C_1 , C_2 , C_0 Афонтовой Горы II и датируется временем древнее 12 000 лет назад.

Третий, самый нижний слой Афонтовой Горы III, стратиграфически древнее слоя C_3 Афонтовой Горы II. Если принять дату слоя C_3 в 14-16000 лет, то он может быть древнее ее, но на сколько – установить пока невозможно.

Таким образом, можно предложить следующую хронологию памятников Афонтово Горы:

финальный Сартан – Афонтова IV, Афонтова II сл. B_1 - B_2
интерстадиалы – Афонтова I, Афонтова III верхний слой,
сборы И.Савенкова (11-13 000 лет)

Ньяпанская стадия – Афонтова III пункт 1

Афонтова II сл. C_1 C_2 C_0

Афонтова III пункт 2,3 основн. слой

Афонтова II слой C_3

Афонтова III пункт 3 слой 3 (нижний)

Может быть, два нижних горизонта (слой С₃ Афонтовой II и нижний слой Афонтовой III) уходят в интерстадиал (15500-16000 лет) перед Ньяпанской стадией.

Последние исследования Красноярских археологов позволили получить серию дат для нового раскопа на Афонтовой Горе II (Дроздов, Артемьев, 1997), расположенного, насколько можно понять, немного севернее участка 2 в зоне древнего оползня. Несмотря на краткость публикации и трудности сопоставления с участком 2, можно соотнести их слои III(3) и IV(4) с нижним слоем участка 2. Эта серия дат, полученных по кости в разных лабораториях, лежит в интервале 13 990±110 (GrN-22274) до 14 070±110 (СОАН-3075). Причем наблюдается неоднократная инверсия дат, что может объясняться возможностью оползания более молодых слоев под более поздние. Впрочем, в целом более молодой возраст, чем предлагаемый С.М.Цейтлиным, очевиден. К сожалению, великолепные материалы полученные красноярскими исследователями, не могут быть присоединены к разделу об Афонтовой Горе II (глава IV), так как подробная монография о них еще в процессе подготовки. Краткое издание (Дроздов, Артемьев, 1997) вполне доступно, не является библиографической редкостью, как остальные. (Но при пользовании этой публикацией следует учитывать досадные несоответствия в ряде данных, в частности в нумерции слоев старых раскопок, необходимо сверяться с В.И.Громовым и другими авторами).

Можно выделить три ступени развития палеолита на Афонтовой Горе. Самая молодая – стоянки типа Афонтова Гора II слой В₁-В₂, средняя ступень – стоянки типа Афонтова Гора III слой 2 и Афонтова Гора II слой С₃ и самая древняя из этой группы – Афонтова Гора III слой 3.

Средняя группа с ее эталонным памятником Афонтова Гора II слой С₃ характеризуется следующими признаками. Техника расщепления достаточно разнообразна – имеются как примитивные из галек, так и поддисковидные, а также уплощенные, близкие к леваллуазским, и подпризматические нуклеусы. Применялось торцовое скалывание с микронуклеусов (изредка - и с достаточно крупных) разных типов – клиновидных, многоплощадочных подпризматических, конусовидных. Преобладает отщеп-заготовка для орудий, вторая составляющая – микропластинки. Пластин мало. Вторичная обработка – ретушь от крутой до пологой, краевая и редко захватывающая бифасиальная. Развита подтеска, резцовый скол не характерен.

Среди орудий доминируют скребла (до 45% от всех орудий), большинство краевых выпуклых, но есть самые разнообразные варианты. Остроконечников мало. Вторая группа – скребки, до 21% всех орудий. Преобладают скребки на отщепах, есть микроскробки и высокой формы. Остальные орудия в единичных

экземплярах – бифасы (ножи ?), долотовидные, тесловидные, проколки, пластинки со скошенным краем, атипичные резцы.

Очень хорошо представлены костяные орудия, среди которых преобладают наконечники копий с пазами для вкладышей разных вариантов (делятся по форме сечения, количеству и протяженности пазов). Имеются шилья, иглы с ушками, обломки тесел из бивня мамонта, фрагменты рогов с отверстиями, ступка из бивня со следами охры, украшения из бивня, кости и агальматолита.

Можно отметить, что между отдельными комплексами Афонтовой II и Афонтовой III нет полного сходства. Если Афонтову Гору II слой С₃ можно считать эталоном афонтовской культуры, то этого нельзя сказать об Афонтовой Горе III. Определить, что кроется за отличиями в типах орудий, прежде всего наконечников из рога, пока не представляется возможным. Но достаточно определенно, после проработки всех доступных автору роговых и сделанных из бивней наконечников, проглядывает расхождение кривых распределения сечений их. Используя те же подразделения на группы, что и З.А.Абрамова (Абрамова, 1979, с.179), автор получил несколько отличающиеся итоги. Максимум кривой Афонтовой II приходится на 1,5, а Афонтовой III на 2. Афонтова I дала два пика – в области 1,5 и 2,5, что вероятно указывает на смешение в подъемных материалах И.Савенкова разных комплексов.

Таким образом, в Красноярской группе стоянок, отвечающей по времени почти всему (исключая начало) Сартанскому оледенению, намечается развитие одного в основе варианта палеолитической культуры Енисея. Новые открытия Е.А.Акимовой (Акимова, 1996) показывают периодическое вторжение кокоревского варианта в казалось бы достаточно монолитную область афонтовского варианта позднего палеолита. Такое смешение вариантов ранее было известно южнее, в кокоревско-новоселовском кусте памятников.

Происхождение афонтовского варианта (культуры?) все еще неясно, да и вряд ли может быть решено. Пока можно высказать предположение о формировании верхнего палеолита Енисея на местной основе с активным воздействием технической традиции палеолита, где применялась техника скальвания отщипа как заготовки (Астахов, 1988, 1993), традиции, идущей из областей палеолита Внутренней Азии. Сложность анализа явления, под которым понимается так называемый поздний палеолит Сибири, и необходимость поиска новых подходов очевидна. Это хорошо показал С.А.Васильев в своей монографии (Васильев, 1996, с.182-183). Поэтому автор ограничил свои попытки в этом направлении, уделив основное внимание предоставлению исследователям максимума данных по памятникам Афонтовой Горы, понимая, что проделать эту работу другим было бы труднее в силу невозможности контактов с теми, кто их раскапывал или знал незафиксированные нигде сведения из уст их близких. Решение же других проблем – дело коллектива археологов и геологов, и оно действительно необходимо.

Список иллюстраций.

- Рис.1. План стоянок на Афонтовой Горе. Съемка И.Т.Савенкова в 1890 г., горизонталы проведены через 3м. Афонтова I - № 1,2,3; Афонтова III - № 4,5; Афонтова II - дача Юдина; Афонтова IV - № 6; Афонтова IVa - № 7.
- Рис.2. Характер склона Афонтовой Горы. Снято в 1914 г. И.Т.Савенковым от разреза № 1 Афонтовой III в сторону Афонтовой I.
- Рис. 3. Склон террасы в месте раскопок Афонтовой II в 1925 г. Линия по склону проведена Г.П.Сосновским в 1940 г.
- Рис.4. Топографический план стоянки Афонтова Гора II. По В.И.Громову (1932).
- Рис.5. Стратиграфия западной стенки участка 2 Афонтовой Горы II по В.И.Громову.
- Рис.6.Разрез террасы Афонтовой Горы через участок 2. Схема В.И.Громова.
- Рис 7. Афонтова Гора II, слой C_3 , фото северной стенки раскопа.
- Рис.8. План слоя C_3 Афонтовой Горы II. Фотоархив ИИМК.
- Рис.9. Фото второго участка Афонтовой Горы II. Линия по склону проведена Г.П.Сосновским вероятно в 1940 г.
- Рис.10. Стратиграфия участка 3 Афонтовой II по В.И.Громову.
- Рис.11.Афонтова Гора III,разрез 1, вдали пункты 2 и 3, Фото И.Т.Савенкова 1914 г. Архив МАЭ.
- Рис.12. Вид на устье Иванихина лога в 1914 г. Фото И.Т.Савенкова. Архив МАЭ.
- Рис.13. Вид на склоны Афонтовой III в 1914 г. Фото И.Т.Савенкова. Архив МАЭ.
- Рис.14. План стоянки Афонтова Гора III. По Н.К.Ауэрбаху с добавлениями автора (добавлено местоположение раскопов, шурфов Савенкова и раскоп 1930 г.).
- Рис.15.План раскопов пункта 1 Афонтовой Горы III.
- Рис.16. Стратиграфия пункта 1 Афонтовой Горы III.
- Рис.17. Раскопки пункта 2 Афонтовой III в 1914 г. Вдали на склоне виден пункт 1. Фото И.Т.Савенкова, архив МАЭ.
- Рис.18. Раскопки И.Т.Савенкова, 1914 г., пункт 3 раскоп 4. Вид с востока. Архив ИИМК.
- Рис.19. Стратиграфия пункта 3 стоянки Афонтова Гора III (раскопы 8-10).
- Рис.20. Фотография одной из стенок раскопа 1930 г. Пункт 3 Афонтовой Горы III. Архив ИИМК.
- Рис.21. Фотография очага раскопа 1930 г. Архив ИИМК.

ТАБЛИЦЫ ИНВЕНТАРЯ.

Табл. I. Каменный инвентарь стоянки Афонтова I: 1-скребло поперечное выпуклое, 2-скребло двойное выпуклое, 3-скребло-остроконечник, 4-скребло двойное прямо-выпуклое, 5-галечное орудие, 6,7-скребла выпуклые, 8-галечный нуклеус, 9-обломок листовидного острия.

Табл. II. Костяной инвентарь Афонтовой I: 1,2,8-уплощенные наконечники с пазом, 3-овальный наконечник без паза, 4-изделие из рога, 5-обломок рога оленя (колотушка), 6,7-овальные наконечники с пазом.

Табл. III. Инвентарь основного слоя участка № 1 Афонтовой Горы II: 1,2-скребки, 3,4-микропластинки, 5-фрагмент пластины с ретушью, 6,9-микронуклеусы, 7,8-призматические нуклеусы, 10-13-скребла, 14,15-резцы атипичные, 16-"жест начальника", 17-уплощенный одноплощадочный нуклеус.

Табл. IV. Инвентарь нижнего слоя (C₃) участка № 2 Афонтовой горы II: 1,3-галечные нуклеусы, 2-галька с негативом одного скола, 4-микронуклеус, 5-микронуклеус на остроконечнике, 6-нуклеус на гальке, 7-дисковидный нуклеус, 8-отбойник.

Табл. V. Инвентарь нижнего слоя участка № 2 Афонтовой Горы II: 1-нуклеус типа "леваллуа", 2-нуклеус односторонний одноплощадочный, 3-заготовка нуклеуса, 4-нуклеус односторонний одноплощадочный для пластин, 5-реберчатый скел.

Табл. VI. Инвентарь нижнего слоя участка № 2 Афонтовой Горы II: 1-фрагмент пластины, 2,3-отщепы, 4-9-скребла боковые, 10-рубящее орудие, 11-скребло поперечное.

Табл. VII. Инвентарь нижнего слоя участка № 2 Афонтовой Горы II: 1,11-скребла бифасиальные, 2,4,6-скребла двойные, 3,5-скребла с тремя лезвиями, 7-поперечное выпуклое, 8-отроконечник, 9-скребло продольное выпуклое, 10-скребловидное орудие, 12-скребло высокой формы.

Табл. VIII. Инвентарь нижнего слоя участка № 2 Афонтовой Горы II: 1-микропластинка с притупленным краем и косоретушным концом, 2,3,5-микропластинки со скошенным концом, 4-микропластинка, 6,8-выемчатые орудия, 7,23-проколки, 9-22,24-27,29,30,32-скребки, 28-долотовидное орудие, 31,35-резцы, 33-проколка, комбинированная с выемчатым орудием, 34-пластинка с резчиком на конце.

Табл. IX. Инвентарь нижнего слоя участка № 2 (1,2,5,8,10,12,16), участка № 3 (3,6,7,9,11,13,15) и участка № 5 (4,14) Афонтовой

- Горы II: 1 - нож, 2 - пластина, 3,9,11 - нуклеусы, 4,15 - отщепы, 5,6,10 - тесла, 7,13,14,16 - скребла, 8,12 - долотовидные орудия.
- Табл. X. Инвентарь нижнего слоя участка № 2 Афонтовой Горы II: 1-6 - тесла, 7 - обломок бивня со следами рубки теслом.
- Табл. XI. Инвентарь нижнего слоя участка № 2 Афонтовой Горы II: 1 - лопатка из бивня мамонта, 2,3 - куски абразива из песчаника со следами работы.
- Табл. XII. Костяной инвентарь нижнего слоя участка № 2 Афонтовой Горы II: 1-4,7-9,10,12 - фрагменты наконечников, 5,6 - шилья, 11 - уплощенное острие, 13 - обломок острия, 14 - округлый наконечник, 15-21 - фрагменты наконечников.
- Табл. XIII. Костяной инвентарь нижнего слоя участка № 2 Афонтовой Горы II: 1,2,6,7 - изделия с круглыми отверстиями, 3 - поделка из куска бивня, 4 - иглы, 5 - нож с желобком, 8 - обломок "жезла начальника", 9,10 - стержни с приострением, 11 - отжимник, 12 - обломок рога с зарубками и приостренным концом, 13 - изделие с острием, 14 - гладильник.
- Табл. XIV. Инвентарь нижнего слоя Афонтовой Горы II; украшения и поделки из кости, бивня, зубов и агальматолита: 1-6 - подвески из агальматолита, 7-9,11 подвески из бивня и кости, 10 - бусинка незаконченная, 12-14 - бусины из трубчатых косточек, 15 - орнаментированное изделие (кость), 16 - изделие (подвеска) из бивня, 17,18 - подвески из зубов и клыков, 20-23 - обломки игл, 24 - орнаментированный диск из агальматолита.
- Табл. XV. Инвентарь верхнего слоя Афонтовой Горы III (сборы И.Т.Савенкова): 1,3,4,5,8,9,11 - скребла, 2 - микронуклеус, 6 - унифас, 7 - обломок нуклеуса, 10 - скребловидное орудие, 12 - лопаточка из кости.
- Табл. XVI. Инвентарь пункта 1 Афонтовой Горы III: 1,2,11 - скребки, 3,6,7,13 - микронуклеусы, 4 - обломок ножа (лимас), 5 - отщеп с ретушью, 8 - резец атипичный, 9,10,12 - скребла, 14 - наконечник из рога с пазом, 15 - нуклеус олноплощадочный уплощенный, 16 - фрагмент пластины, 17 - нуклеус призматический, 18 - заготовка нуклеуса.
- Табл. XVII. Инвентарь 1-2 горизонтов пункта 2 Афонтовой Горы III: 1-4 - микронуклеусы, 5 - микропластинка, 6,7,9 - скребки, 8 - призматический нуклеус, 10,16 - скребла, 11 - тесло, 12 - долотовидное орудие, 13 - атипичный резец, 14 - заготовка микронуклеуса, 15,17 - чопперы, 18 - нуклеус одноплощадочный односторонний, 19 - реберчатая пластина.
- Табл. XVIII. Инвентарь 1-2 горизонтов пункта 2 Афонтовой Горы III: 1,6 - скребла бифасиальные, 2 - лимас, 3 - скребло-остроконечник, 4,7,12 - скребла выпуклые, 5 - скребок, 8 - скребло-нож, 9 - массивное острие, 10 - скребло двойное конвергентное 11 - тесло.

Табл. XIX. Инвентарь 3-4 горизонтов пункта 2 Афонтовой Горы III: 1,2 - микронуклеуса, 3-5 - скребки, 6 - обломок с ретушью, 7 - выемчатое орудие, 8,10 - резцы, 9,12 - призматические нуклеусы, 11 - нуклеус одноплощадочный односторонний, 13,16 - тесла, 14 - нуклеус на гальке одноплощадочный односторонний, 15 - чоппер.

Табл. XX. Костяной инвентарь пункта 2 Афонтовой Горы III: 1,3,6,7,10,13 - обломки наконечников с пазом, 2,5,9,14 - фрагменты наконечников с пазом, 4 - заготовка, 8 - обломок острия, 11 - часть приостренного ребра с насечками, 12 - обломок бивня с приострением.

Табл. XXI. Инвентарь основного слоя раскопов 8,9,10 пункта 3 Афонтовой Горы III: 1,2,5,6,14 - скребки, 3 - пластина, 4,9,13 - микронуклеусы, 7 - чоппер, 8 - зубчатое орудие, 10 - остроконечник, 11 - скреблышко, 12 - скребло выпуклое, 15 - нуклеус на гальке, 16,17 - тесла.

Табл. XXII. Костяной инвентарь основного слоя раскопов 8,9,10 пункта 3 Афонтовой Горы III: 1 - обломок уплощенного наконечника с пазом, 2 - наконечник с пазом у острия, 3,11,15 - обломки уплощенных наконечников с пазом, 4 - орудие из бивня, 5,6,12 - уплощенные наконечники с пазом, 7,8,13,14 - фрагменты острий, 9 - фрагмент с нарезками, 10 - поделка с отверстием, 16 - сломанный уплощенный наконечник с пазом, переоформленный в шило.

Табл. XXIII. Инвентарь раскопа 4 пункта 3 Афонтовой Горы III: 1,6 - нуклеусы на гальке, 2,3 - чопперы с носиком, 4 - чоппер, 5 - отбойник.

Табл. XXIV. Инвентарь раскопа 4 пункта 3 Афонтовой Горы III: 1,3-6,14 - микронуклеусы, 2,17,18 - нуклеусы одноплощадочные уплощенные, 7 - обломок острия, 8 - проколка, 9 - резец атипичный, 10,12,13,15,16,19 - скребла, 11 - нуклевидный обломок.

Табл. XXV. Инвентарь раскопа 4 пункта 3 Афонтовой Горы III: 1-6 - скребки, 7,10,11,15-17 - скребла, 8 - скребло-остроконечник, 9,18 - отщепы с ретушью, 12 - выемчатое орудие, 13,19 - тесла, 14 - проколка.

Табл. XXVI. Инвентарь основного слоя раскопа 1930 г. пункта 3 Афонтовой Горы III: 1 - микропластинка, 2,3,12 - микропластинки со скошенным краем, 4,7,10,14 - отщепы и пластины с ретушью, 5 - долотовидное орудие, 6,15,20 - небольшие уплощенные нуклеусы, 8,11,17,18 - микронуклеусы, 9,13 - сколы с микронуклеусов, 16 - нуклеус одноплощадочный плоский, 19 - нуклеус трехплощадочный, 21 - нуклеус одноплощадочный подпризматический, 22 - чоппер.

Табл. XXVII. Инвентарь основного слоя раскопа 1930 г. пункта 3 Афонтовой Горы III: 1,3-5,12 - скребки, 2 - проколка, 6 -

скребло двойное конвергентное, 7-9 - остроконечники, 8,14,15,18,20 - скребла выпуклые, 10,13 - отщепы с ретушью, 11,16,17 - скребла прямые, 19 - скребло двойное высокой формы.

Табл. XXVIII. Инвентарь основного слоя раскопов 4 (№7) и 1930 г. (остальные номера) пункта 3 Афонтовой Горы III: 1,2,11 - обломки наконечников без паза, 3,4,7 - обломки наконечников с пазом, 6,9 - шилья, 8 - изделие со сверлением, 5,10,12 - отжимники из сломанных наконечников, 13 - фрагмент мотыги из бивня.

Табл. XXIX. Инвентарь нижнего слоя раскопов 8 и 9 пункта 3 Афонтовой Горы III: 1 - остроконечник, 2 - скребло, 3 - скребок, 4 - нуклеус клиновидный, 5 - пластинка ретушированная.

Captions under figures and plates.

- Fig.1. Map of the sites located at Afontova Gora, made by I.Savenkov in 1890. Contour lines are between 3 m. Afontova I - № 1,2,3; Afontova III - № 4,5; Afontova II - dacha of Yudin; Afontova IV - № 6; Afontova IVa - № 7.
- Fig.2. Characteristics of a terrace of Afontova Gora. Photograph was made by I.Savenkov from trench №1 of Afontova III towards Afontova Gora I.
- Fig.3. Slope of a terrace in the locality of the excavation of Afontova II in 1925. A line along the slope was drawn by G.Sosnovsky in 1940 r.
- Fig.4. General plan of Afontova II site. By V.Gromov, (1932).
- Fig.5. Section of the western wall of the part № 2 (excavation area) of Afontova II, by V.Gromov.
- Fig.6. Generalized cross section of the terrace of Afontova Gora II across part № 2. Scheme by V.Gromov.
- Fig.7. Afontova II, level C₃, photograph of northern wall.
- Fig.8. Plan of C₃ level of Afontova II. Archive IHMC.
- Fig.9. Photo of the second part (excavation area) of Afontova II. The line along slope was drawn by G.Sosnovsky in 1940 (?).
- Fig.10. The stratigraphy of the part № 3 of Afontova II. By V.Gromov.
- Fig.11. Afontova III, trench 1, at a distance one can see trenches 2 and 3. Photo by I.Savenkov, 1914. Archive MAE.
- Fig.12. Look at Ivanikhin raven mouth in 1914. By I.Savenkov. Archive MAE.
- Fig.13. Look at slopes of Afontova III in 1914. By I.Savenkov. Archive MAE.
- Fig.14. The plan of Afontova Gora III site. By N.Auerbakh with authors additions (places of excavation areas, Savenkov's pits, excavation 1930 year).
- Fig.15. Plan trenches of the part 1 of Afontova III.
- Fig.16. Stratigraphy of part 1 of Afontova III.
- Fig.17. Excavation of the part 2 of Afontova III in 1914. At a distance one can see trench №1. By I.Savenkov, archive MAE.
- Fig.18. I.Savenkov's excavation in 1914, part 3, trench 4, from east. Archive IHMC.
- Fig.19. Stratigraphy of the part 3 of Afontova Gora III site (trenches 8-10).
- Fig.20. One of the wall of a trench of 1930 year. Part 3 of Afontova Gora III. Archive IHMC.

Fig.21. Photo of a hears in the trench, excavation 1930 year. Archive IHMC.

Fig.22. A correlation scheme of the stratigraphic columns of Afontova Gora sites. By author.

Plates.

Plate I. Stone artifacts from Afontova I site: 1-side-scrapers transverse, 2- scraper double biconvex, 3 - pointed scraper, 4 - scraper double straight convex, 5 - pebble tool, 6,7 - scrapers convex, 8 - pebble core, 9 - fragment of leaf point.

Plate II. Antler and bone artifacts from Afontova I: 1,2,8 - flat in section slotted points, 3 - oval in section point, 4 - antler piece, 5 - fragment antler (beetle), 6,7 - oval in section slotted points.

Plate III. Artifacts from basic level of section № 1 Afontova Gora II: 1,2 - endscrapers, 4 - microblades, 5 - fragment retouched blade, 6,9 - microcores, 7,8 - prismatic cores, 10-13 - scrapers, 14,15 - atypical burins, 16 - "baton de commandment", 17 - flat single striking platform core.

Plate IV. Artifacts from lower level (C₃) part № 2 Afontova II: 1,3 - pebble cores, 2 - pebble with scars, 4 - microcore, 5 - microcore on point, 6 - core on pebble, 7 - discoid core, 8 - hammerstone

Plate V. Artifacts from lower level section № 2 of Afontova II: 1 - core "levallua-type", 2 - core single side single platform, 3 - precore, 4 - blade core single side single platform, 5 - trimming flake.

Plate VI. Artifacts from lower level section № 2 Afontova Gora II: 1 - fragment of blade, 2,3 - flakes, 4-9 - side-scrapers, 10 - chopped tool, 11 - transverse side-scrapers.

Plate VII. Artifacts from lower level section № 2 of Afontova II: 1,11 - bifacial scrapers, 2,4,6 - double side- scrapers, 3,5 - scrapers triangle, 7 - transverse side-scrapers, 8 - point, 9 - single convex side-scrapers, 10 - scraperlike tool, 12 - carinate side-scrapers.

Plate VIII. Artifacts from lower level section № 2 of Afontova II: 1 - micro backed bladelet with retouched end, 2,3,5 - microblades with oblique retouched truncation, 4 - microblade, 6,8 - notched pieces, 7,23 - borers, 9-22,24-27,29,30,32 - end scrapers, 28 - splintered pieces, 31,35 - burins, 33 - borers, combined with notched piece, 34 - bladelet with burin on the end.

Plate IX. Artifacts from lower level section № 2 (1,2,5,8,10,12,16), section № 3 (3,6,7,9,11,13,15) and section № 5 (4,14) of Afontova II: 1 - knife, 2 - blade, 3,9,11 - cores, 4,15 - flakes, 5,6,10 - adze, 7,13,14,16 - scrapers, 8,12 - splintered pieces.

Plate X. Artifacts from lower level section № 2 of Afontova II: 1-6 - adze, 7 - fragment of tusk with the trace made by adze.

- Plate XI. Artifacts from lower level section № 2 of Afontova II: 1 - shovel from tusk, 2,3 - fragments of quartz abrasive with use wearing.
- Plate XII. Antler and bone artifacts from lower level section № 2 of Afontova II: 1-4,7-9,10,12 - fragments of points, 5,6 - awls, 11 - flattened point, 13 - fragment of point, 14 - oval point, 15-21 - fragmented points.
- Plate XIII. Antler and bone artifacts from lower level section № 2 of Afontova II: 1,2,6,7 - tool with round holes, 3 - tool of piece of tusk, 4 - needles, 5 - slotted knife, 8 - fragment of a "baton de commandment", 9,10 - pointed wand, 11 - bone piece, 12 - pointed fragment of antler with insisions, 13 - pointed piece, 14 - polisher.
- Plate XIV. Artifacts from lower level of Afontova II; ornaments and tools of bone, tusk, teeth and agalmatolit: 1-6 - pendants from agalmatolit, 7-9,11 pendants out of tusk and bone, 10 - bead unfinished, 12-14 - beads of tubular bones, 15 - decorated piece (bone), 16 - pendant of tusk, 17,18 - pendant out of teeth and fangs, 20-23 - needle fragments, 24 - ornamented disk of agalmatolit.
- Plate XV. Artifacts from upper level of Afontova Gora III (Savenkov collection): 1,3,4,5,8,9,11 - scrapers, 2 - microcore, 6 - unifas, 7 - core fragment, 10 - scraperlike tool, 12 - bone shovel.
- Plate XVI. Artifacts from part 1 of Afontova III: 1,2,11 - end scrapers, 3,6,7,13 - microcores, 4 - fragment of knife (limas), 5 - retouched flake, 8 - burin atipic, 9,10,12 - scrapers, 14 - slotted point of bone, 15 - fatted single platform core, 16 - fragmented blade, 17 - prismatic core, 18 - precore.
- Plate XVII. Artifacts from 1-2 levels part 2 of Afontova III: 1-4 - microcores, 5 - microblades, 6,7,9 - end scrapers, 8 - prismatic core, 10,16 - scrapers, 11 - adze, 12- splintered piece, 13 - atypical burin, 14 - half-finished microcore, 15,17 - choppers, 18 - one-sided single platform core, 19 - trimming blade.
- Plate XVIII. Artifacts from 1-2 levels of part 2 of Afontova III: 1,6 - bifacial scrapers, 2 - limas, 3 - pointed scraper, 4,7,12 - convex side-scrapers, 5 - end-scraper, 8 - knife-scraper, 9 - heavy point, 10 - convergent scraper, 11 - adze.
- Plate XIX. Artifacts from 3-4 levels of part 2 of Afontova III: 1,2 - microcore, 3-5 - end scrapers, 6 - retouched piece, 7 - notched tool, 8,10 - burins, 9,12 - prismatic cores, 11 - one side single platform core, 13,16 - adzes, 14 - one side single platform core on pebble, 15 - chopper.
- Plate XX. Antler and bone artifacts from part 2 of Afontova III: 1,3,6,7,10,13 - pieces of slotted points, 2,5,9,14 - fragments slotted points, 4 - preform, 8 - fragment of point, 11 - piece of pointed rib with insision, 12 - pointed piece of tusk.
- Plate XXI. Artifacts from basic level of trenches № 8,9,10 of the part 3 of Afontova III: 1,2,5,6,14 - end scrapers, 3 - blade, 4,9,13

- microcores, 7 - chopper, 8 - denticulate tool, 10 - point, 11 - raclett, 12 - concave scraper, 15 - core on pebble, 16,17 - adzes.

Plate XXII. Antler and bone artifacts from basic level the trenches 8,9,10 of part 3 of Afontova III: 1 - piece of flat in section slotted point, 2 - point with slot near spine, 3,11,15 - pieces flat in section slotted points, 4 - tool of tusk, 5,6,12 - slotted points, 7,8,13,14 - fragments of points, 9 - fragment with grooves, 10 - tool with hole, 16 - broken flat slotted point, changed into awl.

Plate XXIII. Artifacts from trench № 4 of the part 3 of Afontova III: 1,6 - cores on pebbles, 2,3 - choppers with nose, 4 - chopper, 5 - hammerstone.

Plate XXIV. Artifacts from the trench № 4 of part 3 of Afontova III: 1,3-6,14 - microcores, 2,17,18 - flat single platform cores, 7 - piece of point, 8 - borer, 9 - atypical burin, 10,12,13,15,16,19 - scrapers, 11 - core-like piece.

Plate XXV. Artifacts from the trench 4 of part 3 of Afontova III: 1-6 - end scrapers, 7,10,11,15-17 - scrapers, 8 - scraper-point, 9,18 - retouched flakes, 12 - notched tool, 13,19 - adzes, 14 - borer.

Plate XXVI. Artifacts from basic level of trench of excavation in 1930, part 3 of Afontova III: 1 - microblades, 2,3,12 - microblades with oblique retouched truncation, 4,7,10,14 - retouched flakes and blades, 5 - splintered piece, 6,15,20 - small flatted cores, 8,11,17,18 - microcores, 9,13 - microcores flake, 16 - flat one platform core, 19 - core with 3 platforms, 21 - single platform prismaticlike core, 22 - chopper.

Plate XXVII. Artifacts from basic level of trench 1930 year of the part 3 of Afontova III: 1,3-5,12 - end scrapers, 2 - borer, 6 - convergent double scraper, 7-9 - points, 8,14,15,18,20 - convex scrapers, 10,13 - retouched flakes, 11,16,17 - straight scrapers, 19 - carinate double scraper.

Plate XXVIII. Artifacts from basic level of trenches № 4 (№7) and 1930 year excavation (the rest of numbers) of part 3 of Afontova III: 1,2,11 - fragments of points without slot, 3,4,7 - fragments of slotted points, 6,9 - awls, 8 - piece with drill, 5,10,12 - tools of broken points, 13 - fragment of mattock made of tusk.

Plate XXIX. Artifacts from lower level the trenches 8 and 9 of part 3 of Afontova III: 1 - point, 2 - scraper, 3 - end-scraper, 4 - wedged-shaped core, 5 - retouched blade.

- Абрамова З.А. 1975.** Археологические культуры в верхнем палеолите Северной Азии и южносибирская культурная область // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск: ГПНТБ, сс. 19-23.
- Абрамова З.А. 1979.** Палеолит Енисея. Афонтовская культура. Новосибирск: Наука. 157 с.
- Абрамова З.А. 1979а.** Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск: Наука. 199 с.
- Абрамова З.А. 1989.** Палеолит Северной Азии // Палеолит мира. Палеолит Кавказа и Северной Азии. Л.: Наука, 158 с.
- Абрамова З.А., Астахов С.Н., Васильев С.А. и др. 1991.** Палеолит Енисея. Л.: Наука, 158 с.
- Акимова Е.В. 1992а.** Неопубликованные коллекции Афонтовой горы // Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения приенисейского края. Сборник научных трудов. Т. I. Красноярск: КГУ, сс. 59-64
- Акимова Е.В. 1992б.** К вопросу об афонтовской и кокоревских культурах в контексте многослойной стоянки Лиственка // Палеоэкология и расселение древнего человека в северной Азии и Америке. Красноярск: Институт археологии и этнографии СО РАН, сс.3-6.
- Акимова Е.В. 1993.** Палеолит красноярского археологического района. Автореф. дисс... канд.ист.наук. Новосибирск, СО РАН, 16 с.
- Акимова Е.В. 1996.** Многослойная стоянка Лиственка: этапы заселения // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. (Материалы к IV годовой итоговой сессии ИАЭ СО РАН. Дек.1996). Новосибирск: ИАЭ, сс.4-7.
- Алексеев В.П. 1963.** Заселение территории южной Сибири в свете данных палеоантропологии // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск: ККМ, сс.5-10.
- Алексеев В.П. 1978.** Палеоантропология земного шара и происхождение человеческих рас. Палеолит. М.:Наука, 284 с.

- Астахов С.Н. 1966а.** Коллекция И.Т.Савенкова со стоянки Афонтова Гора I // Сибирский археологический сборник . Новосибирск: Наука , сс.9-14.
- Астахов С.Н. 1966б.** Поселения Афонтовой Горы и их место в палеолите Сибири. Автореф. дисс....канд. ист. наук. Л., ЛОИА АН СССР. 16 с.
- Астахов С.Н. 1966в.** О путях первоначального заселения долины Енисея // Сб. VII Международный конгр. доисториков и протоисториков. Докл. советских археологов. М.: Наука, сс.56-68.
- Астахов С.Н. 1966г.** Позднепалеолитическая стоянка Кокорево IV / / СА, №2, сс. 288-294.
- Астахов С.Н. 1967.** Тесла в позднем палеолите Енисея // КСИА, вып.111, сс.19-23.
- Астахов С.Н. 1982.** Голубая I - позднепалеолитическая стоянка на Енисее // СА, №4, М.: Наука, сс.119-132.
- Астахов С.Н. 1984.** Палеолитическая стоянка Афонтова Гора III / / ТД конф."Проблемы исследования каменного века Евразии". Красноярск, КФ СО РАН, сс.10-13.
- Астахов С.Н. 1986.** Палеолит Тувы. Новосибирск: Наука, 174 с.
- Астахов С.Н. 1987.** Палеолитическая стоянка Кокорево IVA // Древности Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, сс.27-44.
- Астахов С.Н. 1988.** К вопросу о соотношении палеолитических индустрий Тувы и Центральной Азии // Инф. Бюлл. Ассоц. по изучению культур Центральной Азии. Вып.14, М.: Наука, сс.7-16.
- Астахов С.Н. 1997.** Методика исследований И.Т.Савенковым стоянки Афонтова Гора III (Иванихин лог) // Развитие культуры в каменном веке. Докл.междун.конф., посв. 100-летию Отд.арх. МАЭ. С.-Петербург, МАЭ, сс.77-78.
- Астахов С.Н., Ямских А.Ф. 1983.** Новая верхнепалеолитическая индустрия и геолого-геоморфологическое положение стоянки "Шленка" // Природные условия и ресурсы юга Сибири. Красноярск: Изд.КГПИ, сс.77-87.
- Ауэрбах Н.К. 1924.** Остатки древнейшей культуры человека в Сибири // "Жизнь Сибири", № 5-6, Новосибирск, с.213.
- Ауэрбах Н.К. 1928.** К вопросу о материале каменных орудий Сибири // Тр. Секции археологии РАНИОН, Т.IV, Л.: Наука, сс.43-47.
- Ауэрбах Н.К. 1928б.** Археологические исследования в Сибири в 1927 г. // "Сибирские огни", №3, Новосибирск, сс.234-239.

- Ауэрбах Н.К. 1929. Первый период археологической деятельности И.Т.Савенкова // Ежегодник Минусинского музея, т.6, вып. 2, Минусинск: Гос.типография, сс.163-185.
- Ауэрбах Н.К. 1930. Палеолитическая стоянка Афонтова III //Тр. об-ва изуч. Сибири и ее производительных сил, вып. 7, Новосибирск: "Вл.Тр.", с.48, 12 табл.
- Ауэрбах Н.К., Сосновский Г.П. 1923. Древнейшие следы человека в Сибири // "Сибирские огни", №5-6, Новосибирск, сс.207-214.
- Ауэрбах Н.К., Сосновский Г.П. 1932. Материалы к изучению палеолитической индустрии и условий ее нахождения на стоянке Афонтова Гора II // Тр. КПИЧП, № 1, Л.: Наука, сс.45-114.
- Бадер О.Н, Громов В.И., Сукачев В.Н. 1966. Верхнепалеолитическая стоянка Сунгирь // Тр.Геол. ин-та, т.162, М., 140 с.
- Васильев С.А. 1996. Поздний палеолит Верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). Петербург: "Петербургское Востоковедение", 225 с.
- Гаммерман А.Ф. 1932. Остатки угля из очажных слоев Афонтовой Горы // Тр. КПИЧП, № 1, Л.: Наука, сс.131-135.
- Герасимов М.М. 1935. Раскопки палеолитической стоянки в с. Мальте // ИГАИМК, № 118, сс.78-124.
- Городцов В.А. 1925. Рецензия на статью Ауэрбаха и Сосновского "Остатки древнейшей культуры человека в Сибири " // "Новый Восток", № 7, Л.: Наука, сс.131-136.
- Городцов В.А. 1929. К определению древности и некоторых особенностей Енисейского палеолита // Северная Азия, № 1, Л.: Наука, сс.66-76.
- Григорьев А.А. 1946. Циркуляция атмосферы в период максимального оледенения как база для реконструкции климата ледниковой эпохи // Тр. Ин-та Географии АН СССР, вып. 37, М.: Наука, с.
- Громов В.И. 1924. Остатки древнейшего человека в Сибири и современная ему фауна // "Жизнь Сибири", №№ 5-6, Новосибирск, сс.221-227.
- Громов В.И. 1928. К вопросу о возрасте Сибирского палеолита // ДАН, серия А, № 10, сс.171-176.
- Громов В.И. 1931. Перечень остеологических материалов из стоянки Афонтова Гора III, собранных Н.К.Ауэрбахом в 1930 г // Сообщения ГАИМК, №1, Л.: Наука, с.38.
- Громов В.И. 1932. Геология и фауна палеолитической стоянки Афонтова Гора II // Тр. КПИЧП, № 1, М.-Л.: Изд.АН СССР, сс.145-184.

- Громов В.И.** 1934. Из полевых археологических наблюдений на Енисее летом 1933 г. // Пробл. истории материальной культуры, № 2, М.-Л.: Наука, сс.97-99.
- Громов В.И.** 1948. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит) / /Тр. ИГН, вып. 64, геол. серия, № 17, 521 с.
- Громов В.И.** 1975. Поисковые критерии и прогнозы в археологии / / Памятники древнейшей истории Евразии, М., Наука, сс.32-38.
- Грязнов М.П.** 1932. Остатки человека из культурного слоя Афонтовой Горы // Тр. КПИЧП, № 1, Л.: Наука, сс.137-144.
- Дебец Г.Ф.** 1946. Фрагмент лобной кости человека из культурного слоя стоянки Афонтова Гора II под Красноярском // БКИЧП, № 8, М.-Л.: Наука, с.73-77.
- Дебец Г.Ф.** 1948. Палеоантропология СССР //Тр. ИЭ АН СССР, нов. серия, т.IV, М.-Л.: Наука, 398 с.
- Дроздов Н.И., Буровский А.М., Ермолаев А.В., Леонтьев В.П., Привалихин В.М.** 1984. К истории изучения палеолита на Енисее // Проблемы исследования каменного века Евразии (К 100-летию открытия палеолита на Енисее), ТД Краевой конференции, КГПИ, Красноярск, с.3-6.
- Дроздов Н.И., Артемьев Е.В.** 1997. Новые страницы в изучении палеолита Афонтовой горы. Москва, 56 с.
- Дроздов Н.И., Буторин В.Г., Дроздов Д.И., Манулев В.И., Тарасов А.Ю., Чеха В.П.** 1996. Новое местонахождение палеолита в Красноярске - Афонтова Гора V // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири (Материалы IV годовой сессии Ин-та археологии и этногр. СО РАН, дек.1996). Изд. ИАЭ, Новосибирск, сс.88-90.
- Дэвлет М.А.** 1996. Петроглифы Енисея. История изучения (XVII - нач. XX вв). М., сс.68-101.
- Ефименко П.П.** 1953. Первобытное общество. Киев.
- Карцов В.Г.** 1929. Материалы к археологии Красноярского района. Описание коллекций и материалов музея Приенисейского края. Красноярск, 58 с.
- Ларичев В.Е.** 1969. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. ч. 1. Новосибирск: Наука, 390 с.
- Ларичев В.Е.** 1972. Палеолит Северной, Восточной и Центральной Азии. ч. 2. Новосибирск: Наука, 415 с.
- Левин М.Г.** 1950. К вопросу о древнейшем заселении Сибири // СЭ, № 3, сс.156-160.

- Левин М.Г. 1951. Древние поселения человека в Северной Азии по данным антропологии // Тр. ИЭ, нов. серия, т.ХVI, М.: Наука, сс.469-496.
- Мартынов А.И. 1992. Мерхарт и археология Сибири // Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения приенисейского края. Сб.научных трудов, Т.1, Красноярск: КГУ, сс.21-24.
- Мергарт Г. 1923. Результаты археологических исследований в Приенисейском крае // Изв. Красноярского отдела РГО, т. 3, вып. 1, Красноярск: сс.29-36.
- Обермайер Г. 1914. Доисторический человек. М. 469с.
- Окладников А.П. 1950. Освоение палеолитическим человеком Сибири // Материалы по четвертичному периоду СССР, вып.2, М.- Л.: Наука, сс.150-158.
- Окладников А.П. 1950. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование, ч.1 и 2. // Материалы и исследования по археологии СССР, вып.18, М.: Наука, 412 с.
- Окладников А.П. 1956. Древнее население Сибири и его культура // Народы Сибири, М.-Л.: Наука, с.Окладников А.П. 1957. Итоги и узловые проблемы изучения палеолита в Сибири за 40 лет // СА, № 4, М.: Наука, сс.12- 27.
- Окладников А.П. 1959. Палеолит Забайкалья. Общий очерк // Археологический сборник, I, Улан-Удэ: БКНИИ, сс.3-97.
- Окладников А.П. 1965. Древние связи культур Сибири и Средней Азии // "Бахрушинские чтения." ТД к конф., посвященной памяти академика С.В.Бахрушина. Новосибирск, СОАН, сс.5- 12.
- Окладников А.П. 1968. Древние связи культур Сибири и Средней Азии // кн.Бахрушинские чтения, Новосибирск: СОАН, ИИФФ, НГУ, сс.144-169.
- Окладников А.П. 1981. Палеолит Центральной Азии. Мойльтын Ам (Монголия). Новосибирск: Наука, 460 с.
- Отголоски конгресса. 1892. // "Новости дня", № 3289, с.2, Москва.
- Петри Б.Э. 1922. Первые следы доисторического человека в Сибири // "Вестник просвещения", № 2, Чита: Мин.нар.просв., 12 с.
- Равский Э.И. 1961. Перигляциальные явления и перигляциальные зоны плейстоцена Восточной Сибири // Вопросы геологии антропогена. К VI Конгрессу JNQUA в Варшаве в 1961 г. М.: Наука, с. xxx-ууу
- Равский Э.И., Цейтлин С.М. 1965. Геология Енисейского палеолита // Стратиграфия и периодизация палеолита

восточной и центральной Европы. М. Наука, сс. 200-228.

- Равский Э.И.** 1972. Осадконакопление и климаты Внутренней Азии в антропогене. М.: Наука, 336 с.
- Савенков И.Т.** 1886. К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея // Изв.ВСОРГО, т.ХVII, № 3-4, Иркутск: , сс.26-101.
- Савенков И.Т.** 1892а. О палеолитической эпохе в окрестностях Красноярска. Приложение к протоколам общества врачей Енисейской губернии. Красноярск: Типогр. Жилина, сс.1-21 с прил.карты и разрезов.
- Савенков И.Т.** 1892б. Предварительный геологический очерк долины р.Енисея и ближайших окрестностей г.Красноярска. Приложение к отчету Общества врачей Енисейской губернии за 1891-92 г. Красноярск: Типогр. Жилина, 77 с.
- Савенков И.Т.** 1896. Каменный век в Минусинском крае // Материалы по археологии Восточных губерний. Изв. Московского археологического общества, вып.2, М, сс.179-261.
- Савенков И.Т.** 1916. О памятниках, оставленных на р.Енисее человеком, современником мамонта // "Сибирская летопись", № 6-8, Красноярск, сс.247-257.
- Смирнова В.Б.** 1992. Воспоминания о Николае Константиновиче Ауэрбах // Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения приенисейского края. Сб. научных трудов, Т.1, Красноярск: КГУ, сс.9-11.
- Сосновский Г.П.** 1924а. Новые стоянки палеолитического периода в окрестностях Красноярска // Записки Иркутского научного музея, в.1, Иркутск: ИНМ, сс.1-16.
- Сосновский Г.П.** 1934. Палеолитические стоянки Северной Азии / / Тр. II Международной конференции АИЧПЕ, вып. V, Л.-М.: Наука, с.246-304.
- Сосновский Г.П.** 1935а. Позднепалеолитические стоянки Енисейской долины // Изв. ГАИМК, вып.118, М.-Л.: Наука, сс.152-218.
- Сосновский Г.П.** 1935б. Поселение на Афонтовой Горе // Палеолит СССР, Изв. ГАИМК, вып.118, М.-Л.: Наука, сс.125-151.
- Сосновский Г.П.** 1946. Обследование палеолитических стоянок у Красноярска (1940 г.) // КСИИМК, вып.ХIII, М.-Л.: Наука, сс.95-98.
- Цейтлин С.М.** 1969. Верхнепалеолитическая стоянка Афонтова Гора II // Четвертичная геология и геоморфология Сибири, ч.1, Новосибирск: Наука, сс.135-146.

- Цейтлин С.М. 1969а.** Некоторые проблемы геологической периодизации и палеогеографии палеолита Сибири // Основные проблемы геологии антропогена Евразии. М.: Наука, сс.101- 110.
- Цейтлин С.М. 1979.** Геология палеолита Северной Азии. М.: Наука, 286 с.
- Akasawa T., Oda S., Yamanaka I. 1980.** The Japaese Palaeolithic. A Techno-typological Study. Rippu Shobo, Tokyo, 244 p.
- de Baye, baron. 1893.** Le Congre's International d'antropologie et d'arhe'ologie prehistoriques de Moscou en 1892 // Memoires de la Societe nationale des antiquaires de Frans, t.LIII, Paris.
- de Baye, baron. 1894.** Rapport sur les de'couvertes faites par M.Savenkov dans la Sibe'rie orientale // Lecture faite a l'Academie de Sciences. Paris.
- de Baye, baron et Volkov. 1899.** Le Gisement pale'olitique d'Aphontova Gora pres de Krasnojarsk // l'Antropologie, v.X.
- Damblon F., Haesaerts P. and Van der Plicht.1996.** New datings and considerations on the chronology of upper Palaeolithic sites in the great Eurasiatic Plain // Pre'histoire Europe'enne, v.9, p.177-231.
- Drosdov N., Tcheca V., Mestdagh H., Damblon F., Haesaets P. 1995.** The loess Paleosol Record of the Middle Enissei Basin; A Reference sequence for thr Upper Pleistocene of Central Siberia // Terra Nostra, absr.XIV Congr. INQUA, p.3-10.
- Merhart G. 1925.** The palaeolithic period in Siberia, contribution to the prehistory of the Jenisei region // American Antropologist, v.25, № 1, p.21-25.
- Savenkov I. 1892.** Sur les restes de l'e'poque pale'olitique dans les environs de Krasnojarsk // Congre's Internat. d'Arhe'ologie Pre'historique et Antropologie, 11-e'me session a' Moscou, v.I, p.121-130.
- Sawicki L. 1928.** Materjaly do znajomosci prehistorji Rosji // Przegląd archeologiczny, tom III, zeszyt 3, rok 1927, Poznan, 49 с.
- Soffer O., Adovasio J.M. 1997.** The genesis of the gravettian: insights from perishable technologies // "Восточный граветт". ТД межд. коллоквиума (Зарайск-Москва, 1-7 сентября 1997). М., РАН, с.84-86.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ.

- Ауэрбах Н.К. и Сосновский Г.П.* Предварительный отчет о раскопках Афонтовой Горы, производимых летом 1924 г. Н.К.Ауэрбахом и Г.П.Сосновским. Архив ИИМК, оп.187, 1924, №157.
- Ауэрбах и Сосновский.* Дневники участников раскопок на Афонтовой Горе близ Красноярска летом 1924 г. Архив ИИМК, ф. 42, № 375.
- Ауэрбах Н.К.* Дневники раскопок Афонтовой Горы южного склона, 1924. Архив ИИМК, ф. 42, № 388.
- Ауэрбах Н.К.* Научный дневник археологических раскопок на Афонтовой Горе и в других пунктах (28 мая - 9 июня 1925г.) Рукопись. Архив Н.К.Ауэрбаха, Красноярск.
- Ауэрбах Н.К., Сосновский Г.П., Громов В.И.* Запись экскурсий на Афонтовой Горе в 1925 г. (20 июня - 21 июля 1925 г.). Основное содержание - дневники Ауэрбаха. 14 августа 1927 г. - поверочные раскопки на Афонтовой Горе. Рукопись. Архив Н.К.Ауэрбаха, Красноярск.
- Ауэрбах Н.К.* Дневники разведки от Минусинска до Красноярска, совершенной осенью 1925 г. совместно с В.И.Громовым. Записи в двух тетрадочках. Рукопись, 1925 г., архив Н.К.Ауэрбаха, Красноярск.
- Ауэрбах Н.К.* Полевой дневник и разные черновые записи, 1925 г., архив Н.К.Ауэрбаха, Красноярск.
- Ауэрбах, Громов, Сосновский.* Отчет о раскопках палеолитической стоянки "Афонтова Гора" близ Красноярска в 1925 г. Архив ИИМК, опись 192, 1925, д. 167.
- Ауэрбах, Сосновский, Громов и др.* Раскопки Афонтовой Горы, 1925 г. Общий дневник . Архив ИИМК, ф.42, д. 378.
- Ауэрбах Н.К.* Палеолитическая стоянка Афонтова Гора Красноярского района Восточно-Сибирского края (1930 г.).Архив ИИМК, ф.42, д. 376.
- Ауэрбах Н.К.* Новое в деле изучения Сибирского палеолита. Рукопись, около 1929-30 г., сохранилась не вся. Архив Н.К.Ауэрбаха, Красноярск.
- Рыгдылон Э.Р.* Иван Тимофеевич Савенков (к 100-летию рождения ученого). Рукопись, 1948 г., Архив МАЭ, Отдел археологии, документы к коллекции 174.

- Савенков.* Предварительный отчет об археологических исследованиях в Енисейской губрнии летом 1884 г. Архив Савенкова в Минусинском музее, д. 112.
- Савенков И.Т.* Инвентарь и краткое предварительное описание каменных орудий лесса Афонтовой Горы, добытых в 1884 и 1885 гг. Красноярск, рукопись. Архив Савенкова в Минусинском музее, д. 86.
- Савенков И.Т.* Палеолитическая эпоха в окрестностях Красноярска. Лесс Афонтовой Горы. Инвентарь и краткое описание костяных орудий, а также наиболее замечательных костей из постплиоценового лесса со следами рук человека. Рукопись, архив Савенкова в Минусинском музее, д. 88.
- Савенков.* Заметки по всем установленным типам и разновидностям каменных орудий переходных и неолитических эпох. Красноярск, декабрь 1886 г. Рукопись, Архив Савенкова в Минусинском музее.
- Савенков.* О классификации и делении орудий. XII, [18]86, рукопись. Архив Савенкова в Минусинском музее, д. 95.
- И.Савенков.* Опись костей животных постплиоценовой фауны. 1886. Рукопись. Архив Савенкова в Минусинском музее.
- Савенков.* Опись костям и экскурсионный журнал за лето 1887 г. Рукопись. Архив Савенкова в Минусинском музее.
- Савенков.* Палеолитическая эпоха. Продолжение к палеолитической эпохе (к статье по остеологии постплиоценового периода). Красноярск, 1/15-87. Рукопись. Архив Савенкова в Минусинском музее.
- Савенков.* Материалы по изучению долины среднего течения Енисея. 1896 г. Рукопись. Архив Савенкова в Минусинском музее, д. 134.
- Савенков.* Каталог коллекций по первобытной и доисторической археологии, собранных на р.Енисей И.Т.Савенковым и принесенных им в дар Императорской Академии Наук в 1885 г. Архив МАЭ, документы к коллекции 274.
- И.Савенков.* Наконечник как оружие и ручное орудие. 1913 г. Рукопись. Архив Савенкова, Минусинский музей, д. 43.
- И.Савенков.* Заявление в Академию Наук о принятии в дар всех коллекций по палеолиту, 10 апреля 1895 г. Архив МАЭ, док. к кол.281 и др.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Места хранения коллекций Афонтовой Горы I-IVa.

Афонтова Гора I.

Санкт-Петербург: МАЭ, Отдел археологии, по несколько предметов в коллекциях №№ 212, 232, 239, 274, 281.

Минусинск: Музей им. Мартьянова, несколько предметов.

Афонтова Гора II.

Красноярск: Краевой краеведческий музей, археологические фонды. Коллекция 59 (№47,48), коллекция 62 (2 предм.), часть колл.110, коллекция 118 с №1 по №23, часть коллекции 141, коллекция 152 (участки 1 и 2).

Санкт-Петербург: Эрмитаж, Первобытный отдел. Коллекция 1359 - объединяет часть бывших коллекций 141, 142, 152 (№50).

Москва: Музей Антропологии НИИ Антропологии. Коллекция 154 с №33 по №78 и с №182 по №229.

Кызыл: Республиканский Краеведческий Музей, предметы под номерами 1071-1075 (всего 16 экз.), коллекция 110 №48, коллекция 141 №№ 226, 624, 725, 850, 854, 877, 1058, 1090, 5581.

Афонтова Гора III.

Санкт-Петербург: МАЭ, Отдел археологии. Коллекции 234, 274, 281 (сборы И.Т.Савенкова в 80-ые годы) и 3298 (раскопки И.Т.Савенкова 1914 года).

Эрмитаж. Первобытный отдел. Коллекция 1359 (последние раскопки Ауэрбаха 1930 года).

Москва: Музей Антропологии НИИ Антропологии. Коллекция 154 с №1 по №32 и с №230 по №237 (раскопки 1925 г.) и коллекция 424 (проверочные раскопки 1927 г.).

Красноярск: Краевой Краеведческий Музей, археологические фонды. Коллекция 150 (раскопки 1925 г.).

Афонтова Гора IV и IVa.

Санкт-Петербург: МАЭ, Отдел археологии, несколько предметов в коллекциях 234, 274, 281.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.

- АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
- БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. М.: Наука.
- БКНИИ — Бурятский комплексный НИИ
- ВСОРГО — Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества
- ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
- ДАН — Доклады Академии наук
- ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры. М.-Л.:ОГИЗ.
- ИГН — Институт геологических наук
- ИНМ — Иркутский научный музей
- ИСОАН — Известия Сибирского отделения АН СССР. Новосибирск.
- ИЭА СО РАН — Институт этнографии и археологии СО РАН
- ИЭ АН СССР — Институт этнографии АН СССР
- КГПИ Красноярский Государственный педагогический институт
- КГУ — Красноярский Государственный университет
- ККМ — Красноярский краеведческий музей Наука.
- КПИЧП — Комиссия по изучению четвертичного периода.
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.:Наука.
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.М.: Изд-во АН СССР.
- КФ СО РАН — Красноярский филиал Сибирского отделения Российской Академии наук
- Л. — Ленинград
- ЛОИА АН СССР — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.М.-Л.: Наука.

- М.** — Москва,
- М.-Л.** — Москва - Ленинград
- РА** — Российская археология. М.
- РГО** — Русское Географическое общество
- РАНИОН** — Российская ассоциация научных институтов общественных наук.
- СА** — Советская археология. М.
- СО РАН** — Сибирское отделение Российской Академии наук
- СЭ** — Советская этнография
- ТД** — Тезисы докладов
- ТГИН** — Труды Геологического Института АН СССР. М.:Наука.
- ТИЭ** — Труды Института этнографии АН СССР. М.-Л.: Изд-во АН СССР.
- ИНМС** — Institute of the History of Material Culture.
- МАЕ** — Museum of Antropology and Ethnography named after Peter the Great (Kunstkammer).

SUMMARY

Among the main achievements of the Russian archaeologists of the late 19th - early 20th century the discovery and exploration of the Upper Paleolithic of Siberia, namely the sites at Afontova Gora in Krasnoyarsk, is worthwhile to mention. These occurrences are known since 1884 and a lot of scholars paid close attention to them. The 1920s and 1930s witnessed the intensive exploration of the multicomponent Paleolithic sites at Afontova Gora conducted at more sophisticated level. From the very beginning the research was interdisciplinary, thus providing a possibility to put forward chronological frameworks for the Upper Paleolithic of the Yenisei based on geological and faunal evidence. New investigations carried out after the 1930s led to broaden considerably the database on the Paleolithic of Siberia and the Yenisei and consequently contributed a lot to the growing interest to Afontova Gora. These sites are of crucial importance for the discussion of the periodization of the Siberian Paleolithic, the identification of local industries, and comparison of the Northern Asian sequence with those of Europe and Asia. Meanwhile, the most of the data accumulated during half a century (1884-1937) and enlarged by recent works of Krasnoyarsk scholars, have gone unpublished. Available reports of Auerbach, Gromov and Sosnovsky could not fill this gap because these covered only excavation campaigns at two sites, namely Afontova Gora II and III. In the last case the results of the 1930 fieldwork are omitted.

My primary aim is to assemble all the relevant data on the Afontova Gora sites. The fragmentary character of site documentation available limits the completeness of our data. Thus it seems to be extremely difficult to follow the course of the pioneer fieldwork of Savenkov. The study is essentially based on the intensive archival research in the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, the Institute for the Material Culture History (St.Petersburg), the Martyanov Museum at Minusinsk, and the personal archive of Auerbach. The latter archive contains important field notes of the excavations of Afontova Gora III carried out from 1923 to 1925. The collections are dispersed into a number of museums and, unfortunately, are far to being complete. I have examined all the collections from Afontova Gora since 1884 onwards. These collections are stored in the Krasnoyarsk Regional Museum, the Minusinsk Museum, the Institute of Anthropology of the Moscow University, the Peter the Great Museum of Anthropology and

Ethnography, the State Hermitage Museum (St.Petersburg), and the Tuva Republican Museum.

Chapter 1 provides the history of research on the Paleolithic of the Yenisei. It focuses on Savenkov discoveries at Afontova Gora I (1884) and his excavations at Afontova Gora III in 1914. The chapter also presents a detailed account of the fieldwork conducted by Auerbach, Gromov and Sosnovsky at Afontova Gora II and III from 1924 to 1925, and in 1930.

Chapter 2 gives a brief description of the physiography and geology of the Yenisei River valley in the vicinity of Krasnoyarsk. The sites of Afontova Gora lie within the city of Krasnoyarsk. Glaciers in the Pleistocene never touched this territory; it constituted a part of a vast periglacial zone. Chronologically, the majority of the Upper-Paleolithic sites of the Yenisei span the period of the Sartan Glacial. This time span saw the formation of two lower riverside terraces (8-12 and 14-18 m near Krasnoyarsk). They are youngest in a series of Pleistocene terraces of the Yenisei. The left bank of the Yenisei in the Krasnoyarsk area is elevated terrain with a series of terrace levels cut by ravines and creeks. There are numerous fan cones and large landslides near its mouths, which in their turn cover the first and second terraces. All these formations are covered by upper loess-like colluvial deposits (carbonated yellow and pale yellow loams) 4 m in thickness. The cultural material is associated with these sediments. Below it there are light gray to pale brown sandy loams, with intrusion of humus lenses (Afontova Gora II) or red loams (Afontova Gora III). The thickness of this bed varies considerably up to 6-7 m. Below it there is a complex interstratification of sandy loams, gray and gray-green sands and loams 3.5 m in thickness. At the base there are bands of coarse sand and pebbles. Cultural material on different levels was associated mostly with first two strata and in one case with the third one.

An environment of the ancient inhabitants of the Afontova Gora could be reconstructed as follows. As today, winters in the Krasnoyarsk and Minusinsk basins are thought to be milder than in surrounding areas, but summers were cooler. During the Sartan, these areas were cold periglacial steppes with scattered stands of trees along river valleys and ravines. These open landscapes were favorable biome for abundant herds of ungulates, as well as for mammoths and woolly rhinos. The elevated plateau located westwards from the modern Krasnoyarsk city territory supported animal herds, which descended to the river along ravines and creeks and were hunted by prehistoric men. The rough terrain facilitated the hunting activity and allowed setting up camps in places with favorable microclimate. The availability of pebble beds at foothills with abundant raw material for tool manufacture is worthwhile to mention. Fine-grained green and brown

quartzite dominated, followed by jasper and flint. In total, prehistoric inhabitants of the area used more than two dozens of varieties of rocks. Among these, only soft stone (agalmatolithe) do not occurred in the Krasnoyarsk area. The abundance of multicomponent sites at Afontova Gora could be explained by the combination of the factors mentioned above.

Chapter 3 is a detailed look at the site of Afontova Gora I located in the northeastern slope of the hill. Savenkov discovered it. Main findspots clustered in several localities, associated with brick quarries explored in the 1880s. Following Auerbach and Sosnovsky, I regard these occurrences as a single site.

Afontova Gora I is located in an inner portion of the terrace-like escarpment 15-m high, banked against the high slope (the location, typical for several other sites at Afontova Gora). In most cases, artifacts lay in the lower portion of yellow loam or in the uppermost portion of light gray sandy loam, at a depth of 1.7-1.9 m (from 1.2-1.5 m). The scrupulous analysis of the Savenkov archival data allowed me to connect the findspots with several localities of Afontova Gora. Afontova I produced 15 lithic and 16 bone and antler artifacts. Two pebble cores, a heavy-duty tool, a flake, an atypical endscraper, 9 scrapers and a fragment of a foliated point were identified among the lithics. Other artifacts include ivory fragments with chopping marks, a fragment of reindeer antler (hammer?), and a notable series of grooved points. Bone and antler points graded into several types by the form of cross section (flattened or oval) and by the presence/absence of lateral grooves. These include flat grooved points (knives), 4 oval grooved pieces, and 2 points without grooves.

Chapter 4 deals with Afontova Gora II. Under this name findspots located at the southern and southwestern portions of slopes of Afontova Gora on 400m, are united. In our days it is a terrace-like level mostly destroyed during construction works. Gromov argued that all this area is a vast single landslide block, possibly resulted from repeated landslides. Several areas of the occurrence were excavated in 1923-1925 (fig. 4). In five main excavation areas app. 150 m² have been exposed (we omit here the data on excavations directed by Drozdov in 1992). The excavation block 2 of 108 m² was the largest and most important (it is indicated by number 5 on Figure 4).

Afontova Gora II contains a series of cultural layers. The uppermost (B1 and B2) were labeled the upper component. The middle component, which produced only scattered artifacts, consisted of the levels C1, C2 and C0. It was buried in loess-like sandy loam, which differs in color and structure from the upper strata. The lowermost cultural level, which yielded the core of the collection, was labeled C3.

It was in the bottom of the sandy loam bed. This complete cross section was traced only in Excavation Area 2. The upper layer has been excavated in Excavation Areas 2 and 3 (located 120 m from one to other), the middle layer only in Excavation Area 2, while the bottom layer was identified in all five Excavation Areas and in 2 small trenches. It was especially rich in artifacts in Excavation area 2

This locality is on the southeastern slope near the former Yudin cottage. The upper cultural layers (B1 and B2) were on the depth of 1.0-1.5 to 3.75 m and lied concordant to modern slope. The cultural material concentrated in lenses with irregular outline. The faunal remains consist of a fragment of a mammoth tusk, 2 wolf tusks, bones of reindeer, horse, bison, and hare. The component produced 54 stone tools; most of these are scrapers.

The middle cultural layers (C1, C2, and C0) occurred in loess-like pale gray loam at a depth of 2.7 m, 4.6-4.7 m, and 5.15 m correspondingly. Dispersed bones, lithics and charcoal represented these horizons, while some rare artifacts occurred between them.

The lower component (C3) was separated from the middle one by a sterile loess-like sandy loam. It lied at a depth from 6 m near the edge of excavated area and at 12 m in far portion of the excavated area. The layer is up to 1m thick and extends for 25 m. This layer is distinguished by a dark color (brown graded to dark gray) and contains abundant bones, charcoal, stone tools and lithic debris. A peculiar configuration of the cultural strata is worthy to note. It looked in the transversal cross section like syncline. The edges of the strata were dipping forty degrees. In longitudinal cross section as seen in the precipice it had similar view. Thus, the middle part of the layer was a depression. Such unusual configuration could be interpreted as traces of a prehistoric habitation in a dry creek valley or, more probably, as landslide deformations.

26 animal species have been identified: 30% belong to reindeer, 20% to Polar fox, 11% to hare, and 4% to mammoth.

The layer produced more than 20,000 lithics, including two dozens of retouched flakes and nearly 250 microblades. There are about 450 formal tools (excluding fragments). Most of the tools are sidescrapers (45%). Endscrapers on flakes and bladelets constitute 21%. Rare tool types represent the rest. A borer on microblade, 10 obliquely truncated bladelets, and a backed bladelet are to be mentioned. There are also push-planes, adze-like tools, heavy-duty tools, atypical burins, notched tools, and sandstone slabs used for bone implements manufacture. Akimova recently reported the identification of small splintered pieces among lithics. About 250 bone and antler implements were discovered.

Most of them are projectile points of different types, fragments of points and needles, a grooved knife, an ivory shovel, fragments of buttons de commandement, and bone pressure flaking tools. There are beads made of bones and carnivore's teeth, rounded ivory pendants, and ornamented perforated soft stone disk.

Excavated Area 2 produced human remains (belonging to *Homo sapiens*). These include a tooth of a juvenile (11 to 15 years old), the second phalanx, a fragment of a left radius, ulna and humerus of an adult, and a fragment of a frontal bone with parts of nasal bones. According to Debets, this latter fragment demonstrates an extremely flat glabella, which is considered a clear Mongoloid trait.

The stratigraphy and radiocarbon dates permit to estimate the age of the upper layer ca. 10,000 BP. The middle layers could be dated from 13,000 to 12,000 BP, and layer C3 from ca. 16,000 to 14,000 BP.

Chapter 5 deals with the cluster of habitation, labeled as Afontova Gora III. They are located at the left bank of the Ivanikhin Log (large ravine) near its mouth. Occurrences lie 650 m to the northeast from Afontova Gora II, near the foothills of the same slope, 18-20 m over the Yenisei level (Figure 1). Cultural material was associated with loess-like colluvial upper strata, which descends from the 30-40-m slope of Afontova Gora nearby the inner portion of the second terrace. I label three separated sites Localities 1, 2 and 3 (Figure 14).

Afontova Gora III is known since 1884 and has been studied by a number of scholars. During these campaigns 290 m² in 12 block excavations and 20 trenches have been exposed. Cultural material is reported from five levels united into three components. I referred to the first cultural layer artifacts extracted by Savenkov from dark brown loess-like loam graded into gray sandy loam at a depth of 1.5-1.7 m. This level was removed in the late 19th century when the area was exploited by local brickwork. There are 30 stone and 8 bone implements in Savenkov collection. Lithics include mostly sidescrapers (27), an uniface, an adze and a chopper. Bone implements are a mattock, a small ivory shovel with a handle, a haft, and 4 points with and without grooves. This small collection characterizes the habitation, which lied above the main cultural layer of Afontova Gora III.

The main (second) cultural layer was discovered below the bottom of brick quarries. Savenkov investigated it in 1914, Auerbach and Sosnovsky in 1925, and Auerbach in 1930. This layer has been identified in all three localities. Locality 1, lying up the hill (Figure 15), was excavated on 60-m² area in 4 block excavations and 8 trenches. Artifacts lay at a depth of 0.35-0.55 m, because the soil and upper strata had been removed. Occasionally they were associated with two

bands 2 and 5-6 cm thick. This stratification is concordant to modern slope; meanwhile traces of cryogenic disturbances have been identified.

The faunal assemblage includes reindeer, hare, mammoth and fox. The layer yielded numerous flakes and chips, prismatic-like and flat cores, butt-ended microcores, 20 sidescrapers, 13 endscrapers, a fragment of a bifacial point or knife, an atypical burin, and retouched flakes. Bone implements include 3 fragments of antler points, rounded in cross-section with lateral grooves, an awl, a small ivory ball and pendants made of animal teeth.

Locality 2 with remains of the main cultural layer is 30 m eastward from Locality 1 on the flattened surface of the terrace. It was excavated only Savenkov in 1914 at the area of 62 m². It is seen as a separate site. Cultural material occurs in gray-yellow sandy loam at a depth of 0.75 m below the bottom of old quarries. The fauna consisted of mammoth, reindeer and bear. Apart from numerous flakes there are 2 large unifacial single-platform cores and a handful of microcores of different types (two of these are double-platform cylindrical). The collection included fragments of microblades, 7 choppers, 37 sidescrapers (mostly convex), 3 convergent sidescrapers, a limace, 11 adzes, 25 endscrapers (mostly on flakes), and 2 burins. Bone and antler artifacts include pointed ivory fragments (one piece has an incision) and points of two types: flat (10 pieces) and oval (6 pieces) in cross section. In both groups grooved points dominate (11 pieces). Two fragments of an awl, a fragment of a bone needle, and a pointed fragment of a rib with lateral incisions at inner surface accompany this assemblage. All bone artifacts were discovered in the upper portion of the layer.

Stratigraphically, Locality 2 is slightly older than the second layer in Locality 1 and is distinguished a larger number of endscrapers and the dominance of oval grooved points. Geological conditions of the occurrence are comparable with those of Layer 2 (main layer) of Locality 3 of the Afontova Gora III.

Locality 3 of Afontova Gora is 30-m southward from Locality 2, on the slope from second to first terrace (Figure 14). 170 m² were exposed in 5 excavation areas. Cultural material occurs in 2-3 bands of gray-yellow and dark yellow loam at a depth of 0.1-1.4 m from the bottom of a quarry. 15 species of animals have been identified; mammoth, reindeer and red deer are noteworthy.

A small slab-lined hearth, the only fireplace in all assemblages, was unearthed. A huge collection from all areas includes about a thousand of lithic and 300 bone tools. There are pebble cores, flat single- and double-platform flake cores, dozens of various microcores (which

grade from prismatic to wedge-shaped ones), and hammerstones. There are also pebble-tools and various choppers, including nosed pieces. As usual, the collection is abounding in various sidescrapers (over a hundred). There are bifacial scraper-knives and rare Mousterian points. Endsrapers are numerous (130 pieces). The site yielded borers (6 pieces), notched tools, cutting tools, burins, a bifacial piece and obliquely truncated microblades. And flattened points with or without lateral grooves represent bone tools. Two small grooved points of unusual form are noteworthy. There are also awl-like points, fragments of needles, polishers, a fragment of an ivory mattock. Among decorative objects a disk made of soft stone ornamented by radial lines is worthy to note. The assemblage of bone tools from the 1930 excavations is not similar to tool kits from other areas of Locality 3.

The geological data place the main layer of Locality 3 of Afontova Gora III in the same time span as Layer C3 of Afontova II. Meanwhile there are typological differences. The former assemblage is characterized by higher endscraper/sidescraper ratio, the use of bifacial retouch and the dominance of flattened grooved points.

The lowermost cultural level of the Afontova Gora III was excavated only in Locality 3 over an area of 22 m². The layer occurs at a depth of 2.02-2.28 m in Excavation area 8 and 3.12-3.20 in Excavation area 9. The thickness of the layer varied from 25 to 60 cm. The collection includes 14 lithic and one antler implement (a fragment of an antler with incisions). Two large wedge-shaped cores and a Mousterian point are noteworthy. The collection from 1930 excavations was not conserved.

Thus, Afontova Gora III contained three cultural layers. The upper horizon can be correlated with Afontova I. The main layer is comparable with the middle layers of Afontova II and, presumably, with Layer C3 of the last occurrence. The lowermost layer could be regarded as the earliest in the cluster of the Afontova Gora sites.

Chapter 6 deals with less investigated occurrences, namely Afontova IV, IVA, and V.

Afontova Gora IV is located on the upper part of the slope to the north from the Yudin cottage, including the right slope of the Ivanikhin Log. This portion was intensively collected in 1884-1892. In 1925 nearly 5 m² were excavated. The site is located 35 m above the Yenisei. Artifacts occur at a depth of 1.0-1.5 m. The cultural layer contains charcoal, bone fragments and lithics. Faunal remains include reindeer and bison. The site yielded scrapers, microblades (some of them retouched), and retouched flakes. Afontova Gora IV is comparable with the upper layer of Afontova Gora II.

Afontova IVA is located at the right part of the Ivanikhin Log near its mouth on a 20-m terrace-like level. It was a target of investigations of Savenkov, but later it has not been studied. Artifacts are represented by a small number of scrapers.

In 1996, the field team under the direction of Drozdov discovered and explored the site of Afontova V. It is associated with deposits of the fourth or fifth terrace of the Yenisei, lying in several hundred meters to the northwest of the main cluster of sites. Artifacts and faunal remains could be dated by Karginsky. Cave lion, reindeer, horse, bison, hare and grouse represents the fauna. Although the collection (25 tools) allows to suggest its relative antiquity and to relate the site to the Mal'ta group of sites, these data have not been fully published.

Chapter 7 discusses the chronology and cultural affiliation of the sites. Gromov (1948: 375) proposed the geological framework for the Yenisei Paleolithic. He identified four phases of its development, including into the two oldest phases:

1. Sites similar to the lowermost level of Afontova Gora II (Afontova Gora II, I and III), and
2. Sites similar to the upper level of Afontova Gora II (Afontova Gora IV and others).

Later, Ravsky and Tseitlin (1965, Tseitlin 1979) provided a detailed description and interpretation of the geology of Paleolithic sites of the Yenisei in general and Afontova Gora particularly. In a cross section of Afontova Gora II these authors identified 'only two genetically heterogeneous beds – upper strata and gravel alluvium' (Ravsky and Tseitlin 1965: 218). The upper strata is thought to be formed by fluvial and slope processes. These sediments are laminated in the middle part and loess-like in the bottom and upper portions. The upper part including Layers B1 and B2 is correlated with the development of loess-like upper strata of the first terrace. The lowermost part is considered as belonging to the same time span as the fluvial deposits of the second terrace. Hence, according to Ravsky and Tseitlin (1965: 218), lower cultural layers of Afontova Gora II (C1, C2 and C3) are supposed to be 'accumulated in the same period as the lower part of alluvium of the second terrace or are even slightly younger, taking into account the loess character of sediments in which the cultural layers are embedded'. Since the formation of sediments of the second (14-16 m) terrace is thought to take place during the Sartan glaciation, Afontova Gora II could be assigned to this time. By virtue of the fact that the upper layers (B1 and B2) occurs in the upper loess-like sandy loam dated by the terminal phase of the Sartan glaciation, these are older than 10,000 BP. Thus, all the layers of Afontova Gora II were accumulated somewhere between 20,000 and 10,000 BP. I disagreed with Tseitlin but later he still adhered to this viewpoint.

A close look at the descriptions and profiles investigated by Gromov in Excavation area 2 of Afontova Gora II and personal observations allowed me to argue that Layers C1, C2 and C0 should have been accumulated in more humid climatic conditions than upper layers. A break in sedimentation and difference in sediments structure could be correlated with an interstadial (or interstadials, what is more likely) within the Sartan glaciation. It seems plausible that we are dealing with the Kokorevo interstadial. Thus it is safe to say that Layers C1, C2, and C0 are older than 12,000 BP but not older than 15,000 to 14,000 BP.

In 1962, we were confused by the date of 11,335 + 270 BP (MO-343) run out on charcoal extracted from loess sediments in Locality 1. It was presumably ascribed to Layers C1 or C2 of Afontova Gora II. This date seemed unlikely due to the possibility of contamination of the sample. The data of Drozdov (Drozdov and Artemiev 1997) confirmed my old doubts about the age of the lower layer of the Afontova Gora.

The overall stratigraphy of the Afontova Gora sites can be summarized as following (Figure 22). The upper layer of Afontova Gora II could be correlated with Afontova Gora IV. Afontova Gora I and the upper layer of Afontova III (Savenkov collection) could be correlated with the time span corresponding to the transition from the last interstadial of the Sartan glaciation to its terminal phase (12,000 to 11,000 BP). The fauna of these assemblages is abounding in mammoth.

The second layer of Afontova Gora III, embedded in lower sandy loams, could be correlated with Layers C1, C2 and C0 of Afontova Gora II and it could be older than 12,000 BP.

The third, lowermost layer of Afontova III lies below Layer C3 of Afontova Gora II. If we bracket the age of layer C3 at 16,000-14,000 BP, the lower layer of Afontova III should be older, but one can wonder how older.

This review of the Afontova Gora sites permits us to construct a tentative chronological framework:

Final Sartan	11,000-10,000 BP	Afontova II, Layers B1 and B2 Afontova IV
Interstadials	13,000-11,000 BP	Afontova I
Afontova III, the upper layer (the Savenkov collection)		
Niapan Phase	15,000-13,000 BP	Afontova III, Loc. 1
Afontova II, layers C1, C2, and C0		
Afontova III, Loc. 2 and 3, the main horizon		
Afontova III, Loc. 3, Layer 3 (lower)		

I am inclined to believe that two lower levels (layer C3 of Afontova II and the lower layer of Afontova III) could be referred to the interstadial (16,000 to 15,500 BP), preceding the Niapan Stage.

Recently Krasnoyarsk scholars published a series of dates from the new excavation area of Afontova Gora II (Drozdov and Artemiev 1997). The area seems to be located to the north from Locality 2 in the zone of an ancient landslide. In spite of a fragmentary character of the report available and apparent ambiguity in correlation of these cross section and Locality 2, it seems possible to correlate layers III (3) and IV (4) identified by Drozdov, with the lower layer of Locality 2. A series of dates run out on bone at different laboratories span from 14,070 + 110 BP (SOAN-3075) to 13,990 + 110 BP (GrN-22274). At the same time, an apparent overlap of the dates from different strata is worthwhile to mention. It could be explained by possible overlapping of younger layers by older ones resulted after repeated landslides. In any case, a younger age than suggested by Tseitlin, is evident. It seems premature to propose a direct correlation between the important materials recently obtained by the Krasnoyarsk scholars and the old evidence described in Chapter 4. The brief preliminary report (Drozdov and Artemiev 1997) is available while the monograph is forthcoming. I should alert scholars using the publication above mentioned that it contains a lot of misconception and errors, especially in enumeration of cultural horizons from the old excavations.

Thus, it is possible to identify three phases in the Upper Paleolithic development at Afontova Gora. The youngest group includes Afontova Gora II (Layers B1 and B2). The middle group includes Afontova Gora III (Layer 2) and Afontova Gora II (layer C3). Afontova Gora III (Layer 3) represents the earliest group.

The intermediate group, represented by key assemblage from Afontova Gora II (Layer C3), is characterized by the diversified technology. There are simple pebble, discoidal, flat, Levallois-like, and prismatic-like cores. Microcores are also variable (wedge-shaped, prismatic multi-platform, and conical). In general, the industry is based on flakes (blades are rare), while microblade technology was also highly developed. For the manufacture of formal tools retouch, ranging from abrupt to steep, and occasional bifacial retouch was used. The burin spall technology was weakly developed.

Sidescrapers (up to 45% of the tools), mostly convex, dominates the assemblage. Mousterian points are rare. Endscrapers (mostly on flakes) comprise 21% of tools. Microlithic and carinated scrapers are noteworthy. Rare types, such as foliated bifaces (knives), splintered pieces, adze-like tools, borers, obliquely truncated bladelets, and atypical burins represent other tools.

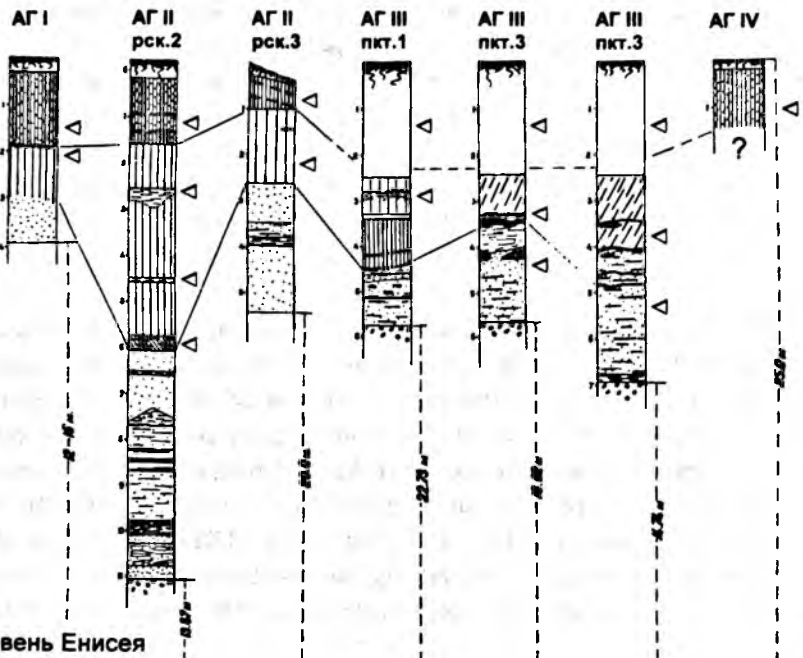
There is an important series of bone tools, including grooved projectile points of different types. The latter could be classified into a variety of types on the basis of their cross section, number and

length of lateral grooves. There are also awls, eyed needles, and fragments of ivory adzes, perforated antlers, and an ivory mortar with traces of ochre, ivory, bone and soft stone personal ornaments.

The artifacts from Afontova II and Afontova III are not identical. If we consider the assemblage from Layer C3 of Afontova Gora II as reference collection for the Afontova culture, the obvious differences in tool types between it and those from Afontova Gora III should be (1979:179), I have obtained somewhat different results. The plot sketched for Afontova II demonstrates the peak for 1.5 value, while the plot for Afontova III for 2. Afontova I demonstrates two peaks (for 1.5 and 2.5), the fact which could be explained by a possible mixture of materials collected by Savenkov from different findspots.

Thus, the Krasnoyarsk group of the Upper Paleolithic sites, assigned to the Sartan glaciation (except the very beginning of it), witness the development of a single cultural variant. Akimova (1996) reported the evidence in favor of the periodical intrusion of the Kokorevo variant in the presumably monolithic core area of the Afontova variant of the Upper Paleolithic. This coexistence of cultural variants has been identified for the Kokorevo-Novoselovo cluster of sites, lying farther south.

The origin of the Afontova cultural variant or culture is obscure. The Upper Paleolithic of the Yenisei may be considered to arise from local roots under the apparent influence of the flake technological tradition (Astakhov 1988, 1993). The roots of this tradition is thought to lead back through the Central Asia. Obviously the complexity of analysis of the Upper Paleolithic of Siberia is aggravated by the lack of new methodologies (cf. Vasil'ev 1996: 182-183). That is why I have limited myself by providing researchers with a publication of the material from the Afontova Gora sites. We hope that future joint efforts of archaeologists and geologists may shed light on other problems, which are beyond the scope of the monograph.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ.	5
Глава I. ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НА АФОНТОВОЙ ГОРЕ.	8
Глава II. ГЕОГРАФО-ГЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ДОЛИНЫ ЕНИСЕЯ В РАЙОНЕ КРАСНОЯРСКА.	25
Глава III. ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА АФОНТОВА ГОРА I.	29
Глава IV. ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА АФОНТОВА ГОРА II.	43
Глава V. ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА АФОНТОВА ГОРА III.	98
Глава VI. МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ НА АФОНТОВОЙ ГОРЕ.	166
Глава VII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.	169
Список иллюстраций.	174
Таблицы инвентаря.	175
Captions under figures and plates.	179
ЛИТЕРАТУРА.	183
АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ.	190
ПРИЛОЖЕНИЕ.	192
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.	193
SUMMARY.	195

С.Н. Астахов

Палеолит Енисея

Палеолитические стоянки на Афонтовой горе в г. Красноярске

Оригинал-макет

Е.Ю. Гиря

Лицензия ЛР № 065334 от 7 августа 1997 г.

Формат 60x90 в 1/8. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Гарнитура Таймс. Печл. 13.

Тираж 500 экз.

О.О.О. «Европейский Дом»

191187, С.-Петербург, ул. Гагаринская, 3

Заказ № 379

**Петербургкомстат, 197376, С.-Петербург
ул. проф. Попова, 39**